Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РАН
CENTRAL ECONOMICS AND MATHEMATICS INSTITUTE RAS

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ

Сборник научных трудов

Выпуск 45

Москва
ЦЭМИ РАН
2018

УДК 330: 331
ББК 65в6
Т337

DOI: 10.33276/978-5-8211-0773-2

Т337 Теория и практика институциональных преобразований в России [Текст]: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 45. – М.: ЦЭМИ РАН, 2018. – 153 с. (Рус., англ.)

Коллектив авторов: Аветисян А.Г., Аветисян Г.А., Агафонов В.А., Бегичева О.Л., Васильева И.А., Ерзнкян Б.А., Зарнадзе Н.А., Зарнадзе З.А., Зотов В.В., Иманов Р.А., Овсиенко В.В., Павлов Р.Н., Петухова О.В., Пресняков В.Ф., Селищев Н.Ю., Смбатян С.А., Ставчиков А.И., Тарасова Н.А., Yerznkyan B.H.

Сорок пятый выпуск сборника включает два раздела: «Теоретические проблемы экономики и институциональных преобразований», «Прикладные проблемы и практика институциональных преобразований в России».

Ключевые слова: экономика и система социальных ценностей, экономическая методология, моделирование, институциональные преобразования, экономическое развитие, технологические изменения, экосистемы.

Классификация JEL: A13, B41, B52, F50, O00, P00, Z10.

Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia [Text]: Collection of Scientific Works / Ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 45. – Moscow: CEMI Russian Academy of Sciences, 2018. – 153 p. (Rus., Eng.)

The forty fifth issue of the collection includes two sections: «Theoretical problems of economics and institutional reforms» and «Applied problems and practice of institutional reforms in Russia».

Keywords: relation of economics to social values, economic methodology, modeling, institutional transformation, economic development, technological change, ecosystems.

JEL classification: A13, B41, B52, F50, O00, P00, Z10.

Ответственный редактор – доктор экономических наук, профессор Б.А. Ерзнкян

Рецензенты: доктор экономических наук, профессор А.В. Суворов
доктор экономических наук, профессор В.Г. Гребенников

УДК 330: 331
ББК 65в6

ISBN 978-5-8211-0773-2

© ФГБУН Центральный экономико-математический институт РАН,
2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

ОТ РЕДАКТОРА	4
FROM THE EDITOR.....	5
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ.....	6
<i>Ерзнкян Б.А., Иманов Р.А., Овсиенко В.В., Ставчиков А.И.</i> Длинноволновый контекст экономического роста и институциональных изменений.....	6
<i>Пресняков В.Ф.</i> Моделирование производственно-технологической подсистемы предприятия	19
<i>Зотов В.В.</i> Экономика и бизнес: симбиоз или антагонизм	40
<i>Павлов Р.Н.</i> Основные тенденции в макроэкономических исследованиях фаз длинноволновой динамики	47
<i>Тарасова Н.А., Васильева И.А.</i> Моделирование финансирования социальной сферы (в расширенном ее понимании). Часть 2. Общая структура социальной сферы	52
<i>Агафонов В.А.</i> Принципы моделирования макроэкономических факторов регионального развития	66
<i>Yerznkyan B.H.</i> The importance of cultural and institutional contexts for managing large-scale ecosystems of various levels.....	75
РАЗДЕЛ 2. ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ.....	81
<i>Ерзнкян Б.А., Аветисян А.Г., Аветисян Г.А.</i> Институциональная система современной Армении: проблемы и перспективы ее подкрепления	81
<i>Петухова О.В.</i> Система муниципальной статистики и возможности ее использования в стратегическом управлении	97
<i>Селищев Н.Ю.</i> Влияние американской идеологии и бюрократического ритуала на экономическую политику	115
<i>Зарнадзе Н.А., Зарнадзе З.А.</i> Земля как специфический фактор институционального развития	136
<i>Бегичева О.Л., Смбалян С.А.</i> Влияние внешних факторов на карьерную ориентацию студентов.....	147
ОБ АВТОРАХ	153

ОТ РЕДАКТОРА

45-й выпуск сборника продолжает тему институциональных преобразований и экономического развития. В нем представлены два раздела: «Теоретические проблемы экономики и институциональных преобразований», «Прикладные проблемы и практика институциональных преобразований в России».

Раздел 1 открывается статьей *Б.А. Ерзнкяна, Р.А. Иманова, В.В. Овсиенко, А.И. Ставчикова*, посвященной экономическому росту и институциональным изменениям, данным в контексте логики длинноволновой динамики. В статье *В.Ф. Преснякова* речь идет о моделировании производственно-технологической подсистемы предприятия. В статье *В.В. Зотова* рассматриваются вопросы экономики и бизнеса. В статье *Р.Н. Павлова* представлены основные тенденции в исследовании фаз длинноволновой динамики. Статья *Н.А. Тарасовой и И.А. Васильевой* продолжает тему моделирования финансирования социальной сферы. В статье *В.А. Агафонова* представлены принципы моделирования макроэкономических факторов развития регионов. Завершается раздел англоязычной статьей *Б.А. Ерзнкяна*, посвященной значению культурного и институционального контекстов управления крупномасштабными экосистемами.

Раздел 2 открывается статьей *Б.А. Ерзнкяна, А.Г. Аветисяна и Г.А. Аветисяна*, посвященной проблемам и перспективам радикального развития институциональной системы современной Армении. В статье *О.В. Петуховой* исследуется система муниципальной статистики и возможности её использования в стратегическом управлении. В статье *Н.Ю. Селищева* рассматривается влияние американской идеологии и бюрократического ритуала на экономическую политику. В статье *Н.А. Зарнадзе и З.А. Зарнадзе* исследуется земля в роли специфического фактора институционального развития. В завершающей раздел статье *О.Л. Бегичевой и С.А. Смбатяна* рассматривается влияние внешних факторов на карьерную ориентацию студентов.

Благодарю авторов за участие в сборнике, а также рецензентов – доктора экономических наук, профессора *Анатолия Владимировича Суворова* (ИНП РАН) и доктора экономических наук, профессора *Валерия Григорьевича Гребенникова* (ЦЭМИ РАН) – за полезные советы и замечания.

Б.А. Ерзнкян

FROM THE EDITOR

45th issue of the collection contains the papers both in Russian and English devoted to the actual problems of economic development and institutional changes. It includes two sections: “Theoretical problems of economics and institutional reforms” and “Applied problems and practice of institutional reforms in Russia”.

Section 1 is started with a paper by *B.H. Yerznkyan, R.A. Imanov, V.V. Ovsienko, A.I. Stavchikov*, dedicated to economic growth and institutional changes, given in the context of the long-wave dynamics logic. The paper by *V.F. Presnyakov* is about modeling the production and technological subsystem of an enterprise. The paper by *V.V. Zotov* addresses issues of economics and business. The paper by *R.N. Pavlov* presents the main trends in the study of the phases of the long-wave dynamics. The paper by *N.A. Tarasova* and *I.A. Vasilyeva* continues the theme of modeling the financing of the social sphere. The paper by *V.A. Agafonov* presents the principles of modeling macroeconomic factors of regional development. The section is concluded with an English-language paper by *B.H. Yerznkyan* on the meaning of the cultural and institutional contexts of managing large-scale ecosystems.

Section 2 is opened with a paper by *B.H. Yerznkyan, A.G. Avetisyan* and *G.A. Avetisyan*, dedicated on the problems and prospects of radical development of the institutional system of contemporary Armenia. In the paper by *O.V. Petukhova*, the system of municipal statistics and the possibilities of its use in strategic management are investigated. In the paper by *N.Yu. Selishchev*, the influence of American ideology and bureaucratic rituals on economic policy is examined. The paper by *N.A. Zarnadze* and *Z.A. Zarnadze* explores the land as a specific factor of institutional development. The section is finalized by a paper of *O.L. Begicheva* and *S.A. Smbatyan* which examines the influence of external factors on the career orientation of students.

I **acknowledge** the authors for taking participation in the collection, as well as two referees for their useful comments – Dr. of Econ., Prof. *Anatoly V. Suvorov* (Institute of Economic Forecasting RAS) and Dr. of Econ., Prof. *Valery V. Grebennikov* (CEMI RAS).

B.H. Yerznkyan

РАЗДЕЛ 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

DOI: 10.33276/978-5-8211-0773-2-6-18

Б.А. Ерзнкян, Р.А. Иманов, В.В. Овсиенко, А.И. Ставчиков

ДЛИННОВОЛНОВЫЙ КОНТЕКСТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Проблема соизмерения важности экономического роста и институциональных изменений рассматривается в статье через призму их отношения к логике длинноволновой динамики – последовательного чередования технологических укладов и соотносимых с ними укладами институциональными и мирохозяйственными. Обосновывается наличие каузальности между экономическим ростом и институциональными изменениями и обсуждается вопрос о ее направленности: что чему предшествует и что является причиной, а что следствием.

Ключевые слова: длинноволновая динамика, экономический рост, институциональные изменения, причинно-следственные отношения, технологические, институциональные и мирохозяйственные уклады.

JEL классификация: E11, O10, O32, O33.

ВВЕДЕНИЕ

О влиянии институциональных изменений на экономический рост можно судить по разным показателям. Таким является, в частности, индекс *Doing Business*, которым нередко пользуются экономисты во всем мире. Следует, однако, признать, что этот индекс, очень отдаленно отражающий реальную ситуацию в экономике, может ввести исследователей в заблуждение, тем более, в отношении того, насколько конкурентоспособной является та или иная экономика. И хотя привлекательность этого и ему подобных индексов вполне объяснима, так как в отличие от сложных агрегированных показателей вроде ВВП или реальных доходов населения здесь есть понятный алгоритм улучшения показателей, делать из этих показателей выводы следует с большой осторожностью.

Конкретизируем сказанное: анализируя показатели глобального индекса ведения бизнеса *Doing Business* Всемирного Банка в газете «Известия», А.Широв приходит к выводу о необходимости внесения свежей струи в спор о том, что важнее: ускорение экономического роста или институциональные реформы. По его словам, анализ отмеченных показателей для России «скорее свиідетельствует в пользу того, что сами по себе качественные институциональные изменения не могут привести к экономическому росту. Требуется что-то еще. Нужен импульс, который поможет сдвинуть инертную неповоротливую экономику с места» (Газета «Известия», 2018).

Приведенный пассаж проливает свет на существо спора – что важнее, вместе с тем за кадром остаются важнейшие вопросы – что чему предшествует и как причина (которую надо еще идентифицировать) воздействует – или, точнее, сказать – влечет за собой следствие (также подлежащее выявлению). В отношении же утверждения о неповоротливости экономики, что с неизменностью будет сказываться как на институциональных изменениях, так и степени и качестве развития экономической системы, целесообразно вспомнить о трех типах отношений между старыми и новыми институтами, известными из институционально-эволюционной теории:

- первый тип отношений, выражаемый понятием зависимости от предшествующего пути (*path dependence*), применяется для характеристики глубокой связи и сильной зависимости новых институтов от старых институтов;

- второй тип отношений (*path determinacy*) служит для передачи идеи менее сильной зависимости, которая оставляет место для возникновения качественно новых институтов;

- и, наконец, третий тип отношений, обозначаемый как *path indeterminacy* либо эквивалентным ему понятием *path independence*, знаменует собой отсутствие явной связи между старыми и новыми институтами (Норт, 1997, с. 18; Tool, 1994).

Проанализируем эти типы институциональных отношений через призму эволюции социальных порядков, происходящей под воздействием различных эндогенных и экзогенных факторов. Напомним, что социальные порядки – это модели общественной организации, структурирующие взаимодействия людей в социуме. Важно отметить, что ключевую роль в организации порядков любого типа играют институты. Именно они и способствуют – благодаря способности структурировать отношения людей и упорядочивать их организации – формированию политической, экономической, религиозной и военной власти и одновременно концентрации в руках отдельных людей контроля над ресурсами и социальными функциями, ограничивая тем самым использование с помощью формирования соответствующих стимулов (Норт и др., 2011, с. 32–33). При этом, Норт и др., говоря о динамике социальных изменений, трактуют их широко, не сводя только к изменениям научно-технического прогресса (Норт и др., 2011, с. 55). В то же время сравнение их характеристик социальных порядков с таковыми у Энтони Гидденса (2011), позволяет полнее понять особенности этих порядков. Современные общества, берущие начало в хронологии Гидденса с XVII в., характеризуются тремя отличительными признаками: 1) неимоверно возросшей скоростью изменений; 2) расширением сферы изменений, связывающих – информационно и социально – различные районы мира; 3) наличием изменений в самой природе институтов, многие из которых и вовсе отсутствовали в прежних порядках и обязаны своим появлением современности (политическая система национального государства, полная зависимость производства от неживых источников энергии, развитие товарных, включая труд, отношений и пр.).

Отличие характерных черт социальных порядков открытого доступа Гидденса от Норта и др. показывает, что у первого акцент делается на пространственно-временной специфике новых порядков, а у Норта с коллегами – на их семантических характеристиках. В определенном смысле эти описания комплементарны: они скорее дополняют друг друга, чем противоречат или не согласуются между собой (Ерзнкян, 2013, с. 16).

Имеет смысл обратить внимание на первую особенность – неимоверно возросшую скорость изменений. В самом деле, до появления капитализма в Западной Европе, в частности, в Великобритании и странах Бенилюкса (к которым сегодня относятся Бельгия, Нидерланды и Люксембург), в XVI–XVII вв., все общества менялись очень медленно. Причина в том, что экономические агенты были в основном «организованы вокруг сельского хозяйства, в котором на протяжении многих столетий использовались практически одни и те же технологии с ограниченной степенью коммерции и ремесленного производства» (Ха-Джун Чанг, 2015, с. 19). После появления новых наук, технологий и институтов темпы развития намного возросли:

- вначале «произошел культурный сдвиг в сторону более «рациональных» подходов к пониманию мира, поспособствовавший развитию современной математики и наук»;

- «XVIII век увидел появление нескольких новых технологий, которые предвещали приход механизированной системы производства, особенно в текстильной, сталелитейной и химической промышленности»;

- «новые экономические институты, приспособленные к новым реалиям капиталистического производства», оказались настолько адекватны им, что банки стали предлагать услуги по обеспечению рыночных транзакций». Вдобавок, появление «инвестиционных проектов, требующих капитала, превышающего богатство даже самых состоятельных людей, подтолкнуло к созданию **корпораций**, или компаний с ограниченной ответственностью, и, следовательно, к появлению фондового рынка» и пр. (Ха-Джун Чанг, 2015, с. 20).

Из сказанного ясно, что новые институты затронули предприятия и организации как транзакционного (банки), так и трансформационного (корпорации) сектора, иначе говоря, они охватили своим функционированием всю экономику.

В целом, как мы видим, ускоренное развитие экономики сопровождалось как технологическими, так и институциональными изменениями. То, что они – экономика, технологии, институты – взаимосвязаны, ни у кого в целом не вызывает сомнений. Но вопрос о направленности каузальности – что чему предшествует – остается по большому счету дискуссионным. Согласно (Acemoglu, 2009), возможная причина отсутствия ясности в понимании значимости институтов для экономического роста, состоящая в нехватке теоретических представлений об оперировании институциональными понятиями и трудностях измерения институционального воздействия, заключается в очень широкой трактовке институтов. К этому также добавим расплывчатость спектра

институциональных форм и проявлений, имеющих отношение к экономическим результатам (Ерзнкян, Делибашич, Гргуревич, 2014, с. 22).

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Прежде чем соотнести понятия экономического роста и институциональных изменений друг с другом, имеет смысл разобраться с ними по отдельности. Начнем с экономического роста и попробуем понять, можно ли любое увеличение совокупного выпуска считать за проявление экономического роста. Для этого обратимся к рассуждениям В.Г.Гребенникова, искающего ответ на поставленный вопрос через призму каузальности: экономический рост вызван действием ряда – по отдельности и / или совокупности – причин, или факторов, которые могут быть разделены на две группы:

- 1) факторы, не отражающиеся на эффективном производственном потенциале экономики;
- 2) факторы, приводящие к повышению эффективного производственного потенциала.

Такое разграничение факторов позволяет понять *raison d'être* самого понятия экономического роста, который, по словам В.Г.Гребенникова, представляет собой увеличение совокупного выпуска, вызванное причинами, одновременно обеспечивающими увеличение эффективного производственного потенциал.

Независимо от того, как определить понятие экономического роста, необходимо понять, нужен ли он или нет. Ответ на этот вопрос следует искать в пространственно-временной специфике стран, ищущих на него свой ответ. Взять, к примеру, современную Россию, экономика которой, по мнению С.Ю.Глазьева, характеризуется снижением темпов экономического роста, ВВП и производительности труда, старением производственного аппарата, отставанием в области современных промышленных технологий, низким уровнем инновационной активности, падением курса отечественной валюты и другими негативными явлениями. И что особенно важно для целей настоящей статьи, эффективные решения следует искать не только в сфере экономической политики, но и в создании «системы институтов, обеспечивающих распространение и закрепление в экономике позитивных изменений». Эти изменения должны быть направлены на развитие, в первую очередь, промышленности – системообразующего ядра российской экономики, что может «стать ключевым фактором инновационного роста экономики, оздоровления и укрепления банковской сферы, средством решения проблем эффективной занятости населения, формирования спроса на выпускников системы профессионального образования, достижений научно-технологического прогресса» (Глазьев, 2018, с. 9).

Для перелома негативных тенденций, связанных с неуклонным снижением «темпов роста объемов промышленного производства, в особенности, обрабатывающей промышленности» и ухудшением качественных показателей, к тому же обусловленных не только сдвигами в конъюнктуре мирового рынка, но и проблемами в орга-

низации промышленного производства и обращения в России, нужны радикальные меры. Реализация стратегии *инновационной реиндустриализации страны* может в обозримом будущем превратить отечественную промышленность в локомотив развития экономики, общества и государства. В роли такого локомотива промышленность способна будет стать «источником экономической мощи, сферой обеспечения занятости значительной части населения, катализатором роста интеллектуального и духовного потенциала страны» (Глазьев, 2018, с. 9).

Рост может быть большим или меньшим, ускоренным или не очень, он может быть разным. Что касается учета в моделях экономического роста потенциального влияния на него институтов, то, приходится констатировать, что в основном оно не учитывается вовсе. Более того, многие модели не только не учитывают влияния «институтов на экономический рост, но совершенно не замечают изменчивости этих институтов, и именно влияния данного фактора на темп экономического роста» (Сухарев, 2014, с. 238).

Прежде чем перейти от обсуждения экономического роста к рассмотрению институциональных изменений и выявлению их места и роли в самом росте отметим, что нельзя не согласиться с мнением О.С.Сухарева о невозможности разграничения в строгом смысле этого слова понятий роста и изменений институтов. В самом деле, «выделять институциональные изменения как отдельный фактор влияния на рост – это означает разделить сам экономический рост, поскольку он сопровождается институциональными изменениями. Не могут быть они отдельно, а рост – отдельно». Далее он добавляет: «Иное дело, в какой степени и какие изменения вносят определяющую лепту в экономический рост» (Сухарев, 2014, с. 240).

В определенном смысле получается что-то вроде дилеммы «курица или яйцо» – «рост или институты». На наш взгляд, не противоречащий приведенному мнению, в зависимости от целей исследования этот «порочный круг» может быть разорван: можно исследовать влияние институтов на рост, как и наоборот – влияние роста на институты, прекрасно осознавая их принципиальную неразрывность. В принципе можно исследовать и их взаимозависимость, в особенности, когда рассматривается динамика происходящих – в экономике и/или институтах, взятых в целом и/или по отдельности, – изменений.

Имея в виду сказанное, обратимся к институциональным факторам, влияющим на экономический рост, к которым О.С. Сухарев относит:

- 1) фонды (физический капитал);
- 2) человеческий капитал;
- 3) инновации, НИОКР;
- 4) инвестиции;
- 5) технологии различных видов и широкого применения;
- 6) условия торговли;
- 7) распределительные коалиции;

- 8) образование;
- 9) здравоохранение;
- 10) институты, включая исторические условия, право, экономическую политику;
- 11) взаимозависимость стран (Сухарев, 2014, с. 241–247).

Эти факторы могут быть дополнены или скорректированы, но важно то, что они влияют – возможно, неоднозначно, а в разное время и в разных странах и неодинаково – на экономический рост.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Институциональные изменения, ориентированные помимо прочего на модернизацию институциональной системы как таковой, суть инновационного характера процесс перестройки хозяйственного механизма функционирования экономики и социальной сферы. Модернизация старых и становление новых институтов, *регулирующих* и/или *конституирующих* хозяйственное устройство и хозяйственные связи, требует затрат времени и привлечения значительных инвестиционных ресурсов, но в долгосрочной перспективе он ведет к снижению транзакционных издержек и в целом к повышению общей эффективности социально-экономической системы (Гюрджян, Ерзнкян, 2011). Дадим пояснения по поводу регулирующих и конституирующих институтов. Воздействие первых на поведение экономических агентов выражается в их способности ограничивать возможности агентов вести себя произвольным образом. Такую роль институционального принуждения можно назвать *регулятивной* и собственно ограничительной. Второй тип институционального воздействия на экономических агентов способствует созданию для них возможностей вести себя нестандартно, по-новому, в том числе путем формирования предпосылок для преследования агентами индивидуальных или групповых целей. Такую роль, вслед за Дж. Серлем (Searle, 2005), назовем *конститутивной*, или созидательной (даже если созидание «для себя» может обернуться потерями для других) (Ерзнкян, Делибашич, Гргуревич, 2014).

Важнейшим требованием, невыполнение которого затормозит инновационный процесс: развития экономики, является обеспечение *параллельного либо упреждающего создания адекватной институциональной среды*. Переустройство в таком понимании затрагивает не только хозяйствующих субъектов экономики, но всю и технологию планирования, хозяйственное право, денежную, финансовую систему, информационные потоки и пр.

Институциональный переход ныне все еще пребывает в зачаточном состоянии: вертикальная монополярная интеграция производственной и социальной сферы разрушена, а новая еще не сложилась. Попытки наладить экономическую «вертикаль власти», например, путем создания *государственных корпораций*, не дают желаемых результатов в силу противоречивости условий их существования. Необоснованные ущербные меры и невыполнимые обещания, принимаемые в социальной сфере, усугубляют ситуацию.

губляют кризис доверия к власти. Сегодняшний рынок не только не создает консолидирующие общество стратегические цели, но и порождает противоречивое отношение к общечеловеческим нормам и ценностям. В результате – разноречивость в деятельности хозяйствующих субъектов, отсутствие мотиваций индивида, неверие в достижимость провозглашаемых целей и в возможность построения научно обоснованной стратегии развития. Это характерно и в работе высших органов власти (Ерзнкян, 2012).

Исследование и анализ институтов российской экономики выявляет наличие в ней как противоречивых институтов, так и гетерогенных подходов к ним (Ерзнкян, 2017, с. 10). *Модельный подход* нацелен на выращивание, конструирование и/или заимствование институтов. Об их эффективности можно судить: 1) по гармонии или конгруэнтности созданных либо заимствованных институтов с существующим как формальным, так и неформальным институциональным полем; 2) по адекватности имеющихся механизмов принуждения к противодействию потенциальному оппортунистическому поведению. *Функциональный подход* основан на экономической теории трансакционных издержек. Его особенностью является то, что не только заимствование готовых институтов, но и выращивание или конструирование собственных институтов, призванных заполнить функционально ориентированные лакуны отечественной институциональной системы, должны быть задействованы в практике институциональных преобразований (Ерзнкян, Аветисян, 2008).

Говоря о заимствовании институтов, подчеркнем, что оно должно быть осуществлено с пониманием возможности их адаптации к институциональной системе страны-реципиента, а в дальнейшем и их развития в новой для себя системе как формальных, так и неформальных институтов. Именно это и имел в виду, говоря о корейцах Джозеф Стиглиц, хотя можно найти и иные примеры: они «оказались достаточно благоразумными, чтобы самим решать, когда нужно, а когда не нужно делать то, что советует им МВФ» (Стиглиц, 2005, с. 269). Напомним, что рекомендации Международного валютного фонда по реформированию развивающихся и переходных стран были типовыми, абсолютно не учитывающими их культурно-исторические особенности.

Чтобы избежать некритического заимствования институтов странами с иными институциональными, по преимуществу неформальными, нормами и кодексами поведения, следует содействовать конструированию институтов на национальной почве, содействующих эволюции / трансформации естественных государств, или порядков с ограниченным доступом, в направлении, ведущем к их экономическому росту и развитию (Ерзнкян, 2015, с. 117). Каким же должно быть правильно выбранное направление институциональных преобразований? Таким может быть направление, согласующееся с теорией третьего пути Д.С. Львова, разработанной в качестве альтернативы неоклассике и российским реформам и ориентированной на построение в России общества нового типа – *социальной справедливости и высокой эффективности* (Львов, 2008). Это, что касается долгосрочной перспективы; в отношении же текущей деятельности

следует ориентироваться *помимо прочего* на состояние длинноволновой динамики, которое может внести свои коррективы в дело институционального строительства.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: ЧТО ЧЕМУ ПРЕДШЕСТВУЕТ?

Институциональные изменения и экономический рост являются, по всей вероятности, наиболее важными компонентами и предпосылками экономического развития. И по этому поводу в целом есть, как уже было сказано, широкое согласие. Но вопрос о каузальности – что чему предшествует, что есть причина, а что следствие: институты или развитие, – остается открытым.

Отсюда и оговорка «по всей вероятности», которая далеко не случайна, ибо существуют известные расхождения в понимании того, что чему предшествует:

- 1) динамика институтов экономическому развитию
или же
- 2) экономическое развитие институциональным изменениям.

В работе, написанной в соавторстве с Робертом Томасом, Дуглас Норт отмечал, что институты выступают в роли факторов, детерминирующих протекание в экономике процессов, в том числе роста (North, Thomas, 1973), обосновывая «свою точку зрения тем, что изменения ценовых пропорций дают толчок к созданию более эффективных институтов (Норт, 1997, с. 22). Позже Норт изменил свое мнение, отойдя от рассмотрения институтов с позиций их эффективности (1981). Говоря о том, что властные элиты, или руководители государств, «создавали систему прав собственности в своих интересах, а трансакционные издержки вели к доминированию обычно неэффективных прав собственности», не способствующих продуцированию экономического роста (Норт, 1997, с. 22), он тем самым отходил от своего раннего утверждения о каузальном характере институтов и роста. Как видно из приведенного примера эволюции взглядов Норты, первоначальная каузальность была им скорректирована.

В целом, однако, первое мнение – сначала сдвиги в институтах, а потом развитие – преобладает среди большей части теоретиков, не говоря уж о практических деятелях, второй же взгляд – сначала развитие, потом институты (приведение их в соответствие с развитой экономической системой) – хотя и не так популярен, во многих отношениях не менее убедителен. Помимо позднего Норты, вторая точка зрения довольно убедительно отстаивается в работах (Chang Ha-Joon, 2005; 2011). Развитие этой точки зрения приведено помимо прочего в работе (Ерзнкян, 2013).

В пользу второй точки зрения свидетельствует также исторический опыт развитых стран. В них именно экономическое развитие, достигнутое при имеющихся, хотя, пожалуй, и не неизменных институтах, открывало путь к модернизации институтов и формированию институциональной системы, релевантной даже не столько уже развитой, сколько стремящейся к дальнейшему развитию, а потому и нуждавшейся в дальнейшем росте экономической системе.

С учетом этого обстоятельства отметим, что взгляд на то, что высокие и устойчивые темпы экономического роста являются основным фактором повышения общего благосостояния, не является безосновательным (Делибашич, Гргуревич, 2014).

Если исходить из влияния институтов на рост, то следует отметить и роль в этом росте экономических агентов – своего рода посредников между воздействующими на них институтами и происходящим при их участии экономическим ростом. Логическая связь между институтами и их изменениями с экономическим агентом в центре событий представлена на рис. 1.

Рис. 1. Логическая связь между институтами, их изменениями и агентами

Источник: Делибашич, Гргуревич, 2014, с. 17; Ерзнкян, Делибашич, Гргуревич, 2014, с. 26.

В ситуации, когда рост не является самоцелью, и об эффективности институтов и их изменений целесообразно судить с точки зрения установления режима устойчивого развития, последний выходит на первый план (модель устойчивого развития приведена на рис. 2).

В терминах стационарности / нестационарности курс на устойчивое развитие означает переход российской экономики к стационарному режиму функционирования. Особенностью стационарной экономики, напомним, является то, что макроэкономические показатели ее деятельности «относительно плавно меняются либо монотонно, либо в рамках нормальных рыночных циклов и динамика значений которых достаточно предсказуема, по крайней мере, в краткосрочной, а нередко и среднесрочной перспективе» (Лившиц, 2013, с. 92).

Из рис. 2 видно, что институты, занимая доминирующее положение в триаде «институты–знания–экономическое развитие», выступают предпосылкой (причиной) роста и шире – развития. И все же, следует особо подчеркнуть, что эта предпосылка не является безусловной, ибо развитие нельзя рассматривать без привязки или в отрыве от специфики фаз длинноволновой технико-экономической динамики, предшествующего пути развития, сложившихся и меняющихся институтов и многих других факторов социальной, культурной, организационной, политической, экономической природы, значимых для исследуемой страны.

Рис. 2. Модель устойчивого развития

Источник: Делибашич, Гргуревич, 2014, с. 17; Ерзнкян, Делибашич, Гргуревич, 2014, с. 26.

ПОЧЕМУ НЕОБХОДИМ УЧЕТ ДЛИННОВОЛНОВОГО КОНТЕКСТА?

Определение каузальности и ее вектора между экономическим ростом и институциональными изменениями является необходимым условием для выстраивания эффективной экономической политики, нацеленной на рост и шире – развитие экономики. Но этого недостаточно, если учесть сосуществование в длинноволновой динамике двух парадигм, каждой из которых соответствует своя модель поведения экономических агентов, что находит выражение в факте наслаивания в реальности первой фазы очередной революции на последнюю фазу текущей технологической революции.

Каждая такая революция, с которой связывается своя технико-экономическая парадигма, «становится результатом синергической взаимосвязанности групп отраслей с одной или более инфраструктурной сетью» (Перес, 2011, с. 36). Хотя понятия технологической революции и технико-экономической парадигмы взаимосвязаны, но они не идентичны и не сводятся друг к другу: второе понятие сложнее – для понимания, по утверждению Перес, – первого. Системное понимание развития приводит Перес к следующему определению: «технико-экономическая парадигма – это модель наилучшей деловой практики, состоящая из всеобъемлющих общих технологических и организационных принципов, которые отражают наиболее эффективный способ вовлечения определенной технологической революции в жизнь и то, как следует пользоваться революцией для оживления и модернизации экономики. Когда эти принципы

становятся общепринятыми, они определяют «здравый смысл», основу, на которой строится любая деятельность или институт» (Перес, 2011, с.40).

Итак, причина, по которой органы, ответственные за принятие решений, могут быть дезориентированы, заключается в том, что, по словам Карлоты Перес, именно «в фазе внедрения агрегированные показатели могут быть обманчивыми». Иными словами, игнорирование очередности фаз распространения волны и их специфики может ввести органы, ответственные за разработку и реализацию экономической политики, в заблуждение. Как утверждает Карлота Перес и с чем мы в принципе согласны, тенденции «изменения многих экономических переменных, таких как темпы экономического роста, производительность труда, занятость, инвестиции и прибыль, оказываются противоречивыми» (Перес, 2011, с. 124).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учет длинноволнового контекста, как, впрочем, и иных контекстов – культурно-исторического, эволюционно-институционального, технологического, мирохозяйственного (Yerznkyan, Gassner, Kara, 2017; Yerznkyan, Gassner, 2018), является непременным условием устойчивого развития трансформируемой и одновременно ориентированной на рост социально-экономической системы.

Длинноволновую динамику мы объясняли, во многом ссылаясь на Карлоту Перес и ее технико-экономическую парадигму, причина притягательности которой нам видится в гармоничном сочетании в рамках одной, но последовательно и целеустремленно развиваемой ею концепции идей из сосуществующих миров – технологий и институтов. Наличие сопричастных к экономическому развитию технологических и институциональных факторов – факт общеизвестный, и их соприкосновение, совмещение или пересечение лежит на поверхности, на что указывали многие авторы, но именно Перес органично соединила в своей концепции эти факторы и придала пониманию их единства недостающую глубину.

Особо подчеркнем важность институциональных факторов, что обусловлено их присутствием во всех фазах технологического развития, но в разных формах. Если в фазе вызревания уникальной технологии и дальнейшего ее внедрения важную роль в первую очередь играют неформальные нормы, то в последующих фазах развитие осуществляется на основе преимущественно формальных правил. Причина заключается в том, что с появлением сопровождающих технологическую диффузию трансакций, которые связаны с понятием передачи прав собственности, правовые вопросы как важнейшая составная часть формальных институтов начинают играть первостепенную роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Газета «Известия». 08.30.02.11.2018.
2. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.

3. Глазьев С.Ю. Предложения по развитию отечественной экономики, повышению темпов экономического роста и создания на базе ГУУ национального исследовательского университета // Львовские чтения – 2018 [Текст]: сборник статей VI Всероссийской научной конференции / Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера; Государственный университет управления. М.: Издательский дом ГУУ, 2018. С. 9–17.
4. Гюрджян А.С., Ерзнкян Б.А. Институциональная реальность: структура и логика эволюции // Вестник Инженерной академии Армении. Т.8. № 2. 2011. С. 229–237.
5. Делибашич М., Гргуревич Н. К моделированию институционального поведения // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 28. М.: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 6–18.
6. Ерзнкян Б.А. Экономическая теория и математическая наука vs. практика институциональных преобразований: истоки неудач и что делать? // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 27. М.: ЦЭМИ РАН, 2013. С. 6–27.
7. Ерзнкян Б.А. Институциональные проблемы системной модернизации российской экономики // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 23. М.: ЦЭМИ РАН, 2012. С. 6–27.
8. Ерзнкян Б.А. Эволюция социальных порядков и особенности поведения экономических агентов // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 26. М.: ЦЭМИ РАН, 2012. С. 6–66.
9. Ерзнкян Б.А. Эволюция социальных порядков и перспективы экономического развития // Эволюция экономической теории: воспроизводство, технологии, институты. Материалы X Международного Симпозиума по эволюционной экономике и Методологического семинара по институциональной и эволюционной экономике. СПб.: Алетей, 2015. С. 108–118.
10. Ерзнкян Б.А. Анализ особенностей волновой и институциональной теорий с позиций выработки единой синтетической исследовательской программы // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 40. М.: ЦЭМИ РАН, 2017. С. 6–14.
11. Ерзнкян Б.А., Аветисян А.Г. Инновационное развитие в контексте институциональной регрессии парадокса Лакана // Междисциплинарный подход к перспективам организации XXI века: от экономики конкуренции к экономике партнерства. Российские регионы – центры инновационного социально-экономического развития: сб. науч. ст. и материалов Круглого стола, Иваново, 10–11 июня 2008 г. / отв. Ред. С.С. Мишулов. Иваново: Иван. гос-т, 2008.
12. Ерзнкян Б.А., Делибашич М., Гргуревич Н. Институциональное поведение: теоретические вопросы и практические проявления // Экономическая наука современной России. 2014. № 4. С. 19–30.
13. Лившиц В.Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России, 1992–2013. М.: ЛЕНАНД, 2013.
14. Львов Д.С. Миссия России [Текст]: Сборник научных трудов / под науч. ред. С.Ю. Глазьева и Б.А. Ерзнкяна. М.: ГУУ, 2008. 120 с.
15. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
16. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
17. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело, 2011. 232 с.
18. Стиглиц Дж. Ревущие девяностые. Семена развала. М.: Современная экономика и право, 2005. 424 с.
19. Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. М.: Финансы и статистика, 2014. 464 с.
20. Ха-Джун Чанг. Как устроена экономика. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015.
21. Acemoglu D. Introduction to Modern Economic Growth. Cambridge: Princeton University Press, 2009.
22. Chang Ha-Joon. Globalization, Global Standards and the Future of East Asia // Global Economic Review. 2005. Vol. 34. No. 4. P. 363–378.

23. *Chang Ha-Joon*. Institutions and Economic Development: Theory, Policy and History // *Journal of Institutional Economics*. 2011. Vol. 7. No. 4. P. 473–498.
24. *Yerznkyan B., Gassner L.* Cultural and Institutional Differences at the National and Regional Levels // *International Journal of Economics, Finance and Management Sciences*. 2018. Vol. 4. No. 3. P. 133–138. DOI: 10.11648/j.ijefm.20180604.11.
25. *Yerznkyan B., Gassner L., Kara A.* Culture, Institutions, and Economic Performance // *Montenegrin Journal of Economics*. 2017. Vol. 13. No. 2. P. 71–80. DOI: 10.14254/1800-5845/2017.13-2.3.
26. *North D.C.* Structure and Change in Economic History. N.Y.: Norton, 1981.
27. *North D.C., Thomas R.P.* The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
28. *Searle J.R.* What Is an Institution? // *Journal of Institutional Economics*. 2005. Vol. 1. No. 1. P. 1–22.
29. *Tool M.R.* Institutional Adjustment and Instrumental Value // *Review of International Political Economy*. 1994. Vol. 1. No. 8. P. 405–443.

Yerznkyan B.H., Imanov R.A., Ovsienko V.V., Stavchikov A.I.

LONG-WAVE CONTEXT OF ECONOMIC GROWTH AND INSTITUTIONAL CHANGES

The problem of comparing the importance of economic growth and institutional changes is considered in the paper through the prism of their relationship to the logic of long-wave dynamics – the successive alternation of technological patterns and the institutional and world-economic patterns related to them. The existence of causality between economic growth and institutional changes is substantiated and the question of its focus is discussed: what precedes what and what is the cause and what is the consequence.

Keywords: long-wave dynamics, economic growth, institutional changes, cause-effect relations, technological, institutional and world-economic structures.

JEL Classification: E11, O10, O32, O33.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ ПРЕДПРИЯТИЯ

Раскрыто содержание моделирования хозяйственно-технологической подсистемы производственного объекта, отражающее исполнение его функций как элемента народнохозяйственного производственного комплекса, как целостной хозяйственной единицы и как системы коллективного действия. Установлены области исполнения производственным объектом системных требований к нему для последующей выявления характеристик степени соответствия его функционирования этим требованиям.

Ключевые слова: производственный объект, системные требования к функционированию производственного объекта, характеристики исполнения системных функций.

JEL классификация: D21.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Основу модели производственного объекта составляют описания физических, химических, биологических и др. естественных процессов, определяющих результаты преобразования, изменения состояния и перемещения ресурсов. На закономерности этих процессов накладываются сознательные или бессознательные воздействия людей, которые принимают форму либо интенсивности физических и психологических усилий индивидов в процессах исполнения работы, либо сбора и обработки определенной информации для регулирования естественных процессов. Другими словами, при моделировании производственно-технологической подсистемы производственных объектов стоит задача описать все происходящие в них процессы – социальные, управленческие и технические – на языке технологических преобразований ресурсов.

Исходным пунктом построения модели являются понятие производственного объекта, которое используется в экономических исследованиях, где оно рассматривается: как составная часть народнохозяйственного технологического комплекса; как целостная экономическая единица; как система коллективного действия (Клейнер, Пресняков, Карпинская, 2018).

Наиболее полно спектр исследований в области поведения предприятия представлен в теориях фирмы. Когда речь идет о предприятии как составной части народного хозяйства, исследуются технологические процессы производства продукции и услуг, пользующихся платежеспособным спросом, методы управления процессами и нормы, и правила, устанавливающие границы действий участников деятельности предприятия (Coase, 1937; Форрестер, 1971; Nelson, Winter, 1974).

Анализ функционирования предприятия как целостной экономической единицы направлен на обеспечение его долгосрочного функционирования (Marris, 1964; Cohen, Cyert, 1975; Зотов, Пресняков, 1995). Здесь центральным является понятие эффек-

тивности деятельности, и рассматриваются инструменты достижения эффективности, основанные на обработке данных, получаемых из анализа производственно-технологических процессов и управленческих решений (Виленский, Лившиц, Смоляк, 2008; Мейер, 2004).

Объектом исследования предприятия как системы коллективного действия являются интересы участников его деятельности и степень их удовлетворения, от чего зависит их поведение в производственных процессах и их решения в процессах управления (Jensen, Meckling, 1976; Leibenstein, 1976; Aoki, 1984).

Анализ этих исследований показывает, что современные экономические системы существуют в триединстве технологических, производственных и институциональных аспектов (Пресняков, 1991). Технологический аспект задается необходимым множеством технологических переделов, осуществляющих превращение ресурсов в продукт. Для этих целей используется аппарат построения имитационных моделей (Форрестер, 1971; Нейлор, 1975; Егорова, 2017). Производственный аспект выражает степень применимости, а также масштабы и интенсивность использования технологии для нужд общества. Он связывает между собой характеристики и требования применяемой технологии с требуемыми количествами потребляемых ресурсов и объемами выпуска (Alchian, Demsetz, 1972; Уотермен, 1988). Институциональный аспект выражает организационно-правовые формы и транзакционное восприятие технологии обществом – наличие предпринимательских, исполнительских и социальных форм реализации технологии (Astley, 1984; Toffler, Aldershot, 1985; Тамбовцев, 2001). Важно обеспечить соответствие друг другу факторов, влияющих на исполнение процессов функционирования предприятия как исполнителя всех функций в экономике.

Таким образом, модель производственно-технологической подсистемы должна описывать движение, преобразования и изменения состояния ресурсов в моделируемом объекте, описание движения ресурсов и готовой продукции между объектом и его средой, описание процессов управления, поддающихся формализации, т.е. для которых выявлены закономерности преобразования исходной информации в управляющем воздействии на объект информации, и описание формирования данных о состоянии ресурсов и реализации процессов, которые используются в управлении объектом.

ИЕРАРХИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПОДСИСТЕМ

Когда говорят о производственной деятельности, все явно или неявно сходятся в том, что это целесообразно организованная во времени и пространстве, отличающаяся четкой структурностью совокупность действий людей, необходимая для изготовления продукции или оказания услуги. В основе структуризации производственной деятельности, определяющей ее отнесение к тому или иному классу или группе, лежит технология, под которой понимается последовательное применение научных и иных систематизированных знаний для решения практических задач.

Наиболее важное следствие развития технологии для анализа производственной деятельности с позиции экономической науки состоит в том, что производство представляется как совокупность практических задач, разделяемых на составные части так, чтобы можно было применить систематизированные знания для получения желаемого результата. Это свойство является содержанием т.н. технологического императива. С точки зрения одного из сторонников этой идеи, не существует никакого способа, с помощью которого систематизированные знания могли бы оказать воздействие на производство автомобиля в целом или даже на изготовление его корпуса и шасси (Drucker 1974). Они могут быть применены только тогда, когда задача разделена таким образом, что каждая часть ее укладывается в рамки определенной области научных или инженерных знаний. Практически все следствия применения современной технологии и, стало быть, характер функционирования современного производства определяются этой потребностью расчленения возникающих производственных задач для того, чтобы использовать накопленные знания, и необходимостью сведения воедино элементов производственной деятельности в виде законченного продукта.

Для этих целей строится иерархия технологических систем. В соответствии с целевой направленностью усилий различают процессы производства продукции, хранение различных типов ресурсов и готовой продукции, их транспортировку. Дальнейшая структуризация идет по типам процессов – механическая обработка, термоядерный синтез, химическое производство. Параллельно проводится структуризация по типам ресурсов, являющихся объектами приложения усилий – материалы, оборудование, и по видам продукции и услуг – тракторостроение, производство продуктов питания, предоставление коммунальных услуг. Структуризация позволяет, в конечном счете, выявить элементарную технологическую единицу – технологическую операцию, которая определяет, какие ресурсы – трудовые, материальные, информационные и оборудование – будут использованы для ее выполнения и какие преобразования ресурсов должны быть произведены (Dosing, 1982).

Объединение элементарных технологических операций, структурообразующим признаком которого является тип ресурсов, являющийся объектом приложения труда, позволяет выделить технологический и производственный процессы. Первый из них представляет собой совокупность технологических операций, направленных на выполнение определенной стадии движения и преобразования ресурсов, материалов, оборудования, труда, денежных средств. Основная проблема второго процесса связана с целесообразной специализацией и объединением разных технологических процессов в единое целое, что позволяет осуществить полный производственный цикл от поступления ресурсов, их хранения и поддержания в работоспособном состоянии до применения в изготовлении продукции или оказании услуг. Производство может быть эффективным только тогда, когда в нем используется технологический процесс, в котором осуществляющий производственную деятельность способен применить особые знания относительно того, как следует производить продукт или оказывать услугу.

То, что существует связь между экономическим ростом и изменениями в экономике, с одной стороны, и техническими изменениями в материальной базе производства, а с другой – достаточно очевидный факт. В экономике эти технические изменения представляются как изменения конкретной комбинации факторов производства, определенных количественно и качественно по отношению к конкретному результату. Форма технологического прогресса, определяющая изменение материальной базы производства и изменение производственных возможностей как способов объединения элементов материальной базы, называется технологической парадигмой.

Технологическая парадигма – это модель или образец решения избранной технологической проблемы, базирующейся на определенных принципах и процедурах поиска и отбора вариантов решения. Технологическая парадигма обобщает опыт технических и экономических аспектов соизмерения, обладая мощным исключаящим эффектом усилий и технологических представлений инженеров и управляющих, концентрируя их на довольно узком направлении поиска вариантов решений возникающих задач с исключением из рассмотрения других технологических возможностей. Она определяет технологическую траекторию как многонаправленное взаимодействие между технологическими переменными – коэффициентами затрат ресурсов, которые парадигма определяет как релевантные. Тогда технологический прогресс можно определить как улучшение этих взаимоотношений.

В фазе создания новых технологических парадигм важно обеспечить условия для поощрения лиц, способных взять на себя риск, связанный с поиском нового технологического пути, и условия существования институтов, производящих и направляющих сбор знаний опыта и т.п. В дальнейших фазах решение этих проблем сдвигается в область применения разработанных технологий с технической и экономической точек зрения. Применение зависит от готовности использовать новые технологии реальными производственными структурами, обладающими определенными техническими возможностями и движимыми определенными интересами.

В табл. 1 приведена иерархия технологических систем и их характеристик как составных частей этой иерархии.

Таблица 1

Характеристики технологических систем

Технологическая единица	Характеристики процессов
Операция	Используемые ресурсы, время и результат
Технологический процесс	Последовательность операций
Производственный процесс	Совокупность взаимосвязанных технологических процессов
Технологическая парадигма	Образец решения технологической задачи
Технологический комплекс народного хозяйства	Структура занятости

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБЪЕКТА

Одна из центральных проблем моделирования производственно-технологической подсистемы заключается в том, чтобы наиболее полно отразить в моделях факторы, влияющие на процессы преобразования ресурсов в готовые изделия, которые происходят в его производственно-технологической подсистеме. К факторам, влияющим на результаты производственной деятельности, относятся технические, связанные с хранением, перемещением и преобразованием ресурсов, социальные, влияющие на исполнение индивидами своих производственных функций, и управленческие, связанные с воздействием управления на технологические и социальные процессы, от которых зависят результаты деятельности.

ПЕРВИЧНОЕ ПОНЯТИЕ МОДЕЛИ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

С точки зрения производственных преобразований понятие технологической операции является первичным в управлении производством и служит основой для определения производительности, планирования загрузки оборудования и технологического нормирования (Ковшов, 1987). Таким образом, производственная операция – это элементарный технологический процесс, который происходит по свойственным только ему закономерностям, не допускающим вмешательства управления в его выполнение, после того как он начался. Этот процесс характеризуется ресурсами, которые необходимы для его выполнения, результатами, технологией преобразования ресурсов в результаты и временем выполнения.

Наряду с операциями преобразования ресурсов в объекте происходят и другие операции. Любые две последовательные операции преобразования ресурсов связаны между собой операцией перемещения ресурсов. Даже если обе операции выполняются на одном рабочем месте, проходит какое-то время между окончанием одной операции и началом другой, которое необходимо для смены использованных в ней ресурсов. А значит, результаты первой операции должны быть направлены в место для хранения, где ожидают начала выполнения следующей операции. Операции хранения ресурсов в отличие от операций их преобразования, направлены на поддержание ресурсов в неизменном состоянии. Операции хранения и перемещения могут быть совмещены. На самом деле одновременно с операцией перемещения ресурсов всегда выполняется операция их хранения, и об этом следует помнить, создавая условия, обеспечивающие их сохранность при перемещении.

Между операциями преобразования ресурсов и другими технологическими операциями есть разница в описании. Каждая операция характеризуется мощностью. Мощность зависит от рабочего места, где выполняется операция. Ограничения на рабочем месте определяются мощностью оборудования, площадью рабочего места. В рамках ограничения на мощность выполнение операции преобразования зависит от

комплектности имеющихся ресурсов, необходимых для производства единицы продукции. Операция перемещения может быть выполнена при любом количестве перемещаемых ресурсов, если это позволяет мощность. То же самое касается и операции хранения ресурсов. Храниться может любое количество ресурсов, не превышающее определенного объема склада. Если объем превышает мощность операции хранения (на практике этому соответствует, например, заполненность склада либо мест для хранения материалов или готовой продукции на рабочем месте), то будет выполняться другая операция хранения. Она будет обладать иными характеристиками: заполненность закрытых складских помещений вынудит хранить ресурсы на открытом воздухе, что повлечет за собой увеличение потерь, а поиск необходимых материалов на рабочем месте повлияет на время их хранения. Таким образом, от характеристик рабочих мест зависит то, какие операции будут выполняться.

Выполнение любой операции преследует определенную цель – создание продукта и услуги или перемещение ресурса от места, где он был создан, к месту, где он должен быть использован, или сохранение его свойств в течение некоторого времени. Но, помимо основного результата, существуют побочные эффекты, не носящие целевого характера и более того – нежелательные. В производственных процессах изнашивается оборудование, при хранении и транспортировке происходят потери продукции, информационные ресурсы устаревают и со временем теряют свою значимость. Выполнение операции может сопровождаться шумом и загрязнением среды, возникновением отходов, требующих их уборки.

Некоторые из этих результатов-эффектов влияют на исполнителя работы, и тогда возникают вопросы, связанные с обустройством рабочего места. Другие результаты значимы для системы управления предприятия. Если не организовать уборку отходов или не заниматься обустройством рабочего места исполнителя работ, можно лишиться его. Третьи результаты могут быть значимыми для среды предприятия, но могут проходить незамеченными для системы управления предприятия. Загрязнение среды может влиять на условия проживания населения в районе, где расположено предприятие, но не приниматься во внимание управляющими. Таким образом, любая операция имеет две оценки: внешнюю и внутреннюю. Значимой является только внутренняя оценка, поскольку именно она используется при управлении. При изменении управления значимость может измениться. Поэтому при описании операции следует учитывать все факторы и все ее результаты, влияющие на ее оценку всеми участниками производственной деятельности, в том числе и теми, которые в настоящий момент не учитываются в управлении.

Понятие операции используется не только в анализе технологии производства, но и при описании технологий других видов деятельности экономического объекта. В материально-техническом снабжении к технологическим операциям относятся разгрузка ресурсов, их складирование, отпуск со склада потребителю. В финансовой деятельности первичными понятиями являются кассовые, расчетные и кредитные опера-

ции. В информационной деятельности — это операции, связанные со сбором, обработкой и распространением данных. Принципиальная схема выполнения операции представлена на рис. 1.

Рис. 1. Схема элементарной операции

МОДЕЛИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Схема элементарного технологического процесса

Простейший (элементарный) технологический процесс состоит из пяти операций: двух операций хранения ресурсов, двух операций перемещения и основной операции, которой может быть специализированная операция хранения, перемещения или преобразования ресурсов (рис. 2).

Рис. 2. Схема элементарного технологического процесса

Часто начальные и конечные операции хранения совмещаются с операциями перемещения, и тогда схема будет состоять как бы из трех операций. Такая ситуация возникает в поточном и массовом производстве, когда одна операция следует за другой и когда время выполнения последовательности этих трех операций фиксировано. В этом случае возникает ощущение полной аналогии выполнения элементарного технологического процесса с выполнением элементарной технологической операции — время фиксировано и не происходит вмешательство управления в их выполнение, а результат полностью зависит от технологических закономерностей их выполнения, которые можно описать некоторой производственной функцией. Даже если осуществляется вмешательство управления в процесс, то оно происходит в определенной закономерности, и известна реакция, которую вызывают такие изменения в процессе. Само формирование управленческих воздействий можно рассматривать как его составную часть.

Единственная разница между операцией и процессом в такой ситуации состоит в потенциально возможном вмешательстве управления в ход уже начавшегося технологического процесса. Например, ресурсы, необходимые для выполнения основной операции, начали накапливаться или даже перемещаться в направлении основной операции, создавая условия для ее выполнения, но перед началом выполнения основной операции может быть принято решение об отмене ее исполнения. Точно такие же изменения могут произойти относительно распределения ее результатов, когда основная операция уже выполнена. Другими словами, при неизменных условиях управления

или известных изменениях между технологической операцией и технологическим процессом с точки зрения их описания существует полная аналогия – они могут быть описаны некоторой производственной функцией, которая будет отражать и условия управления, в которых они выполняются. Но аналогия нарушается, если условия управления изменяются.

Подобные рассуждения можно продолжить и рассматривать в качестве элементарных составляющих производственно-технологической подсистемы предприятий технологические процессы, связанные с движением и преобразованием отдельных типов ресурсов. Тем не менее, и здесь полной аналогии между технологическими производственными процессами провести нельзя. Это опять связано с потенциальными изменениями, которые могут произойти в управлении объектом, прежде всего направленности управления на изменения в объекте – на замену операций, связанных с переходом на другую технологию, и на выпуск другой продукции. Поэтому возникает вопрос о минимальной конфигурации моделей, описывающих производственно-технологические подсистемы производственных объектов разного уровня, которые позволяли бы отразить множество вариантов решений, принимаемых в каждом из них.

Другие схемы технологического процесса

Реальные производственные процессы часто включают множество разнообразных технологических операций. Поэтому для того, чтобы ответить на вопрос, какова же минимальная конфигурация модели производственно-технологических подсистем разных производственных объектов, нужно исходить из целей, которые преследуются при моделировании объектов разного уровня.

Для любого производственного объекта принципиальным является вопрос о существовании возможностей для изменения применяемой технологии. Решение об изменениях следует разделить на две части. Одна часть связана с существованием внутренних предпосылок для изменений. На уровне исполнения отдельной технологической операции это вопрос о существовании стимулов для изменения интенсивности труда – других внутренних факторов изменений здесь нет. На уровне исполнения нескольких операций это вопрос об использовании специализированных или универсальных, качественных или нет операций.

Обычно жизненный цикл технологического процесса рассматривается из трех стадий: ранней, средней и зрелой. Каждая стадия характеризуется своими особенностями. На ранней стадии используются универсальное оборудование, высококвалифицированная рабочая сила, мощности, не соответствующие потребностям производства, сами потребности в мощностях плохо определены, производятся продукты разного типа и качества, нечетко выделены поставщики. На следующей – средней – стадии четко устанавливаются поставщики, труд структурируется, мощность увеличивается за счет устранения узких мест, уточняются основные потребители продукции, используется в основном специализированное оборудование. На заключительной стадии ис-

пользуются резервы, связанные с материальными ресурсами, труд специализирован и не высокой квалификации.

На языке технологических операций эти изменения стадий зрелости технологического процесса означает замену одних операций на другие. Возможны две схемы таких замен, которые показаны на рис. 3 и 4. Для упрощения на рисунках опускаются вспомогательные операции хранения и транспортировки.

Рис. 3. Схема смена операций при замещении одного ресурса на другой или другие

На рис. 3 показана смена операций при замещении одного ресурса на другой (другие) при сохранении некоторых использующих ресурсов до замещения.

При отсутствии хотя бы одного необходимого ресурса операция не выполняется. Но это не значит, что не выполняется никакая операция. Если в наличии имеется комплект других ресурсов, который позволяет выполнить другую операцию, то при соответствующем управляющем воздействии она может быть выполнена. В этом случае говорят о замене одной операции на другую.

Рис. 4. Схема замещения операций, выполняемых на разном оборудовании

На рис. 4 замена операций связана с заменой материала, поступающего на вход первой операции. Поэтому первая операция вынужденно меняется на третью операцию. А поскольку это означает, что и на вход второй операции поступает другой ресурс, постольку вторая операция замещается на четвертую.

На рис. 4 показана схема, отражающая замену первой операции, выполняемой на первом рабочем месте, на пятую операцию, выполняемую на втором рабочем месте, хотя результаты первой и пятой операций совпадают. Изменяется лишь процесс – он может быть специализирован или нет.

Такая замена означает изменение либо используемого в операции оборудования, либо квалификации работника, в том числе за счет поступления информационных ресурсов или его замещения другим работником.

Схема технологического процесса, которая позволяла бы описывать изменения технологического процесса по мере его совершенствования за счет специализации производства, показана на рис. 5.

Рис. 5. Схема замещений операций по мере увеличения зрелости технологического процесса

На ранней стадии жизненного цикла технологического процесса уточняются ресурсы, которые будут использоваться в производстве. Это отражается замещением первой и второй операции на третью и четвертую. Переход от ранней стадии технологического процесса к средней стадии отражается замещением выполнения первой операции, технологического процесса, на четвертую операцию, выполняемую на специализированном втором рабочем месте.

Аналогичное рассуждение можно привести и для производственных единиц более высокого уровня. Отсюда следует, что схема изменения технологического процесса, построенная на основе первичных технологических операций, будет верна и тогда, когда вместо этих операций будут подставлены технологические процессы, реализуемые в более крупных производственных единицах, чем рабочее место. Технологические и продуктовые изменения в такой более крупной производственной единице – это изменения выпуска и соответственно применяемой в производстве продукции технологии в элементарных объектах, из которых он состоит.

Схема производственного процесса

Производственный процесс для каждого уровня подсистемы более высокого уровня – агрегат технологических операций, выполняемых в них. Это означает, что модель производственно-технологической системы производственного объекта должна строиться в терминах производственных систем, отражающих процессы в составляющих его элементарных производственных структурах. Но структура самих элементарных систем при этом не рассматривается.

Модель хозяйственно-технологической подсистемы в иерархически организованном производственном объекте может строиться как одноуровневая система взаи-

модействующих технологических процессов. Но при таком рассмотрении существуют пределы для анализа процессов в каждом из моделируемых объектов. Для каждого из них есть свои факторы, влияющие на их продуктивность. Бессмысленно анализировать и управлять на народнохозяйственном уровне интенсивностью труда работников. Здесь ее можно только декларировать, а реально речь может идти о занятости трудоспособного населения, поскольку для этого есть соответствующие рычаги воздействия на создание рабочих мест. Вопросы же интенсивности труда работников, по-видимому, зависят от условий их работы, включая удовлетворение социальных потребностей на рабочих местах. Поэтому их лучше решать на уровне первичной производственной структуры, поскольку при анализе на этом уровне можно выявить совокупное влияние факторов на работников.

Базовые ресурсы модели

В производстве используется множество разных типов и видов ресурсов. Поэтому при построении теоретических и прикладных моделей всегда возникает проблема, какое же их количество представительно с точки зрения достижения целей исследования.

При моделировании поведения производственных объектов в основу классификации ресурсов целесообразно положить особенности движения и преобразования ресурсов в объекте управления. Смысл, вкладываемый в такую классификацию, состоит в том, что она позволяет вводить ограничения на отдельные стадии движения и преобразования ресурсов, что составляет суть управления и поэтому в наибольшей мере соответствует целям исследования – анализу поведения производственных объектов при разных вариантах управления ими.

Различия в использовании разных типов ресурсов, прежде всего, связаны с особенностями циклов их потребления. Ресурсы текущего производственного потребления – сырье, материалы и полуфабрикаты – полностью теряют свою форму в каждом производственном цикле. Оборудование используется многократно, но при этом накапливается его износ. Информационные ресурсы, принадлежащие объекту в производственном цикле, не теряются и даже в случае продажи не исчезают. Только частичная потеря возникает для информационных ресурсов, находящихся в совместном владении группы работающих при увольнении одного из работников, и поэтому его замена требует определенных затрат на обучение нового работника выполнению работы на этом предприятии, и именно на этом рабочем месте. Неиспользованное рабочее время работников теряется – его использование нельзя перенести в будущее, как использование станка. При хранении денежных средств может изменяться товарный эквивалент, который на них можно приобрести.

Процесс движения и преобразования природных ресурсов совпадает в производственной единице с аналогичными процессами ресурсов текущего производственного потребления или основных фондов. Но поскольку многие природные ресурсы не воспроизводимы, а многие требуют больших сроков восстановления, то потребление

этих ресурсов предлагает использование особых форм управления. Поэтому природные ресурсы, для которых существуют различия в процессах движения и преобразования в рамках производственной единицы, необходимо рассматривать как ресурсы, у которых есть особенность воспроизводственных процессов, как особый тип ресурсов.

Итак, базовые ресурсы – это такие, у которых существуют свои особые характеристики формирования их запаса и потребления, и поэтому каждый тип базового ресурса характеризуется своими, отличными от других типов, процессами движения и преобразования – как в рамках производственного объекта, так и вне его рамок.

Основной результат технологической операции связан с используемой в ней технологией преобразования ресурсов. Чтобы описать эти процессы, необходимо ввести понятие, которое было бы исходным для определения момента, когда произойдет подобное событие. В качестве такового можно использовать понятие состояния ресурсов. Система управления может воздействовать на состояние ресурсов только путем проведения отдельных операций. Профилактический ремонт оборудования, его замена, улучшение условий хранения ресурсов, улучшение условий труда – это примеры совокупностей операций, направленных на улучшение состояния ресурсов.

Отсюда следует, что в модели поведения производственного предприятия и в модели любого другого производственного объекта должны быть представлены следующие типы базовых ресурсов: материалы, здания и оборудование, энергетические, трудовые, информационные, финансовые и природные ресурсы, а также готовые продукты. Каждому из этих ресурсов должен соответствовать свой особый технологический процесс или операция, отражающие специфику формирования его запаса и особенности его потребления. Различия между объектами будут связаны с содержанием, которое присваивается каждому из процессов.

Перечень ресурсов, которые должны рассматриваться при моделировании поведения производственной единицы, не исчерпывается их базовыми типами. В рамках каждого типа существует вариантность использования ресурсов. В основе выбора лежат представления о качественных и некачественных ресурсах, формируемых в социальной и управленческой подсистемах, а также представления, связанные с технологическими особенностями их потребления.

ПОДСИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ В МОДЕЛИ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБЪЕКТА

С управлением связана деятельность каждого внутреннего участника производственной деятельности в любом производственном объекте. Все они решают вопрос о своем вкладе в производство. Собственник капитала предоставляет средства или изымает их. Исполнитель решает вопрос о приложении своих усилий и их интенсивности. Наиболее широким спектром решений обладают управляющие. Они регулируют запасы и использование ресурсов, принимают решения, связанные с формированием коалиции участников его деятельности. Они взаимодействуют с внешними

участниками производственной деятельности объекта, которые при определенных условиях могут стать его внутренними участниками.

Широкий спектр прав и обязанностей управляющих, которые им предоставлены другими участниками в силу их центрального положения в объекте и обладания информацией относительно разных сторон его деятельности, предопределяет специализацию членов этой группы на исполнении определенных функций управления, а в рамках функции – на выполнение определенных типов и видов работ.

К функциям управления относятся: планирование, организация, регулирование, учет и контроль (Файоль, 1991). Задача анализа управленческого цикла с точки зрения моделирования состоит в выявлении содержания задачи управления, решаемой при выполнении каждой функции, и выявлении информационных взаимодействий элементов внутри объекта и между объектом и средой, связанных с выполнением принятых по исполнению каждой функции решений.

Планирование

Цели принимают окончательный вид в процессе составления всеобъемлющего плана, направляющего и регулирующего пути их реализации. Важно здесь только не допускать чрезмерного отождествления целей предприятия с лоббированием интересов и целей определенных групп и лиц.

Иногда планирование не выделяют в качестве особой функции управления, а рассматривают как форму более общей функции выработки управленческого решения (Аганбегян, 1979). В этом понимании планирования проявляются идеологические установки, пронизывающие управление в целом. Суть этих установок состоит в признании или отрицании директивного характера планирования – принимает ли план форму задания, которое должно быть реализовано производственным объектом, или план носит характер целевой ориентации участников производственной деятельности в процессах выполнения ими других функций управления (Koontz, O'Donnel).

При директивном планировании нет принципиальной разницы между долгосрочным, среднесрочным и краткосрочным планом. Планирование носит характер организации деятельности. В нем вся деятельность производственного объекта расчленяется на отдельные работы, которые выполняют отдельные подразделения объекта управления. Управленческие отношения между подразделениями одного уровня в такой системе сведены к минимуму и в решениях каждого из них слабо учитываются. Отношения развиты лишь по вертикали управления.

Другую точку зрения на планирование и другие оценки его значимости мы встречаем в западных компаниях. Они придают большое значение планированию как способу формирования качественных оценок своего развития (Акофф, 1985).

Организация

Целесообразность деятельности предприятия, ее коллективный характер служат основой для структурного членения фирмы на управляемые части, из которых

формируются законченные звенья технологических действий. Они, в свою очередь, путем технологических или экономических комбинаций приводят к созданию продукта, способного служить индивидуальным и коллективным целям.

Управление должно видеть свою задачу в том, чтобы вызвать у участников стремление к раскрытию своих творческих возможностей, но не столько в конкуренции, сколько в сотрудничестве друг с другом. При такой ориентации требуется не только повышение операционной и исполнительской эффективности, но и обеспечение возможностей для сотрудников объединять свои творческие замыслы и создание, тем самым, мощных синергетических эффектов коллективного действия.

Новый стиль деловых фирм – менее иерархичен, централизован, полагается на почти мгновенное усвоение новой информации, что необходимо для своевременной корректировки структуры выпуска, чтобы удовлетворить возможные вариации требований потребителей. Благодаря снижению числа иерархических уровней и горизонтальных связей, а также переходу от последовательного выполнения работ к параллельному и командно-групповому, становится возможным серьезно повысить управляемость в организационных структурах всего предприятия (Drucker, 1988).

Мотивации

Нововведения существенно меняют мотивационные аспекты участия сотрудников. И здесь важен отход от традиционного стимулирования, ориентированного на обеспечение трудовой отдачи от работника сверх некоторого устоявшегося, привычного уровня. Нужен переход от стимулирования человека как инструмента исполнения должностных обязанностей к стимулированию творческих импульсов, творческого отношения к работе в интересах предприятия (Товб, Ципес, 2003).

Оперативные решения

Непосредственные воздействия на потоки в производственно-технологической подсистеме объекта управления оказывают оперативные решения. Центральным для моделирования процессов оперативных решений является вопрос о том, в какой степени они направлены на исполнение планов.

При директивном планировании показатели плана имеют целевой характер для оперативных решений. Среда, в которой принимаются оперативные решения, аналогична среде планирования. На них воздействуют: 1) показатели плана; 2) вышестоящие органы подразделения, управления; 3) воздействия оперативных решений других подразделений; 4) результаты деятельности поставщиков ресурсов и потребителей и 5) ограничения применяемой технологии. Основные различия между плановыми и оперативными решениями состоят в том, что в процессах оперативных решений отсутствуют итеративные согласования значений показателей разных решений, которые присущи планированию (Волчков, Лейбкинд, 1987).

Учет и контроль

Суть функции учета и контроля состоит в обеспечении процессов принятия решений – плановых, оперативных и организационных – данными о состоянии объекта управления на моменты принятия решений и о выявлении несоответствия между принятыми решениями и их реализациями. Из такого понимания этой функции вытекают два условия, которые должны быть выполнены, прежде чем станет возможно ее реализовать. Эти условия состоят в следующем.

Во-первых, нельзя достигнуть некоторого состояния объекта управления до того, как определено само понятие состояния. Поэтому учет и контроль базируются на системе показателей, характеризующих это состояние в каждый момент времени.

Во-вторых, необходимо иметь организационную структуру, в рамках которой она будет выполняться. Эта структура может соответствовать организации процессов формирования управленческих решений и их доведения до объекта управления. При такой системе вся информация об объекте управления сосредоточена непосредственно в подразделениях, в которых принимаются решения. Другая форма базируется на механизированной и автоматизированной системах сбора информации, исключающих участие человека. С точки зрения информационных взаимодействий эти две формы организации учета и контроля существенно различаются.

Если организован механизированный и автоматизированный сбор информации, данные поступают в ИС, в которой обрабатываются и из которой распределяются в соответствии с тем, кому предоставлен доступ к ИС и к определённой информации в ней. Если каналы информации созданы в рамках организационной структуры управления, решения относительно того, какую информацию передавать, кому и в каком виде, зависят не только от верхних уровней управления, но и от решения того звена управления, которое располагает первичной информацией. При такой организации учета и контроля особенно сильные ограничения на доступ к информации существуют для тех, кто не принадлежит к формальной структуре управленческой системы.

Размещение

Сегодня предприятия не ограничены физическим местоположением для выполнения своей основной функции – производства продуктов и услуг. Сетевые информационные системы позволяют компаниям координировать работу географически разбросанных мощностей, т.е. стать так называемыми виртуальными корпорациями (или организациями), иногда называемые сетевыми организациями (Ahuja, Carley, 1999). Виртуальные организации используют сети для связывания людей, активов и идей, соединяя поставщиков и потребителей (а иногда даже конкурентов) для создания и распределения новых продуктов и услуг, не ограничивая себя традиционными границами организации или физическим местоположением.

Производство продукта или услуги можно организовать тремя способами. Во-первых, эта деятельность может быть заключена в рамках одной вертикально интегри-

рованной фирмы. Во-вторых, один или несколько видов деятельности, связанных с производством, могут осуществляться вне предприятия. В-третьих, может создаваться «виртуальная корпорация», когда предприятие обеспечивает координацию, контроль и управление ресурсами и заключает внешние контракты, касающиеся всех или почти всех иных видов деятельности, связанных с производством продукта / услуги.

Традиционно, управляющие используют внешние источники товаров и услуг, поставки которых связаны с относительно небольшим риском для предприятия, поскольку затраты на координацию и управление при больших рисках слишком высоки. В 1980-е и 1990-е гг., по мере того как управляющие стремились удовлетворить потребительский спрос, все большее число фирм на западе обращались к внешним источникам, что позволило им снизить сложность процессов, более быстро реагировать на изменения в среде и сосредоточиться на том, в чем они компетентны.

Результаты управления производственного объекта направлены на ожидания участников его деятельности. Ожидания участников, в свою очередь, коррелируют с системными требованиями к функционированию производственного объекта. Отсюда следует, что результаты выполнения функций должны соответствовать ожиданиям участников, а те – системным требованиям. В табл. 2 установлено такое соответствие с учетом целевой направленности выполнения функций управления.

При построении модели формирования механизма выработки управляющих воздействий на протекающие в этой подсистеме технические и естественные процессы и механизм формирования социальных предпочтений не раскрываются. Если механизм выработки управляющих воздействий известен и его можно формализовать в виде преобразования первичных данных, формируемых в самом объекте управления (что можно сделать практически всегда при наличии статистических данных), тогда описание механизма становится частью модели производственно-технологической подсистемы моделируемого объекта, и описание управленческих процессов строится на языке движения, преобразования и изменения состояния ресурсов.

Таблица 2

Предметные области исполнения функций управления

Системные требования к участникам деятельности предприятия	Функции управления	Ожидания участников
Этические	Планирование	Миссии
Юридические	Организация	Законность
Хозяйственные	Стимулирование	Эффективность
Производственные	Оперативное регулирование	Продуктивность
Партнерские	Учет и контроль	Репутация
Пространственные	Размещение	Время

Если же механизм формирования управляющих воздействий неизвестен, то построение модели производственного объекта следует начинать с выявления этих механизмов, последовательно формализуя сначала краткосрочные решения, а затем решения, охватывающие все более длинные интервалы времени. Поэтому принципи-

альным моментом для построения модели является выбор такта модельного времени, который позволяет отразить последовательность реализации процессов в объекте. Поскольку начало каждого процесса зависит от наличия определенных условий для его исполнения, включая технологические, и поскольку последние создаются при реализации других технологических процессов (либо в рамках объекта, либо вне его), постольку от выбора модельного такта времени зависит, какие технологические процессы можно описать и влияние каких факторов на них можно будет учесть в ней.

Первое требование к такту очевидно. Такт не может быть больше времени реализации наиболее короткого процесса, результаты которого значимы для анализа поведения объекта. В противном случае все процессы, время реализации которых меньше модельного такта, будут недоступны для управляющих воздействий.

Второе требование состоит в том, что такт работы модели должен быть кратен времени реализации всех значимых процессов, происходящих в объекте. Только в этом случае можно обеспечить соответствие в модели времени их начала и окончания.

Третье требование связано с необходимостью отражения событий как результатов естественных и социальных процессов. Их появление может прервать ход любого технологического процесса. Поэтому для моделирования удобно ввести понятие обобщенного события, которому соответствует либо получение результата технологических операций, либо завершенность физических и социальных процессов. В том и другом случае, для того чтобы обеспечить последовательность выполнения операций, необходимо вмешательство системы управления, связанное с привнесением информации, не генерируемой в модели объекта. Следовательно, такт работы модели соответствует появлению события в производственно-технологической подсистеме объекта.

Из этих требований к такту модельного времени становится очевидным, что он будет разным при описании производственных объектов разного уровня и при моделировании исполнения разных управленческих функций, а выбор объекта зависит от направленности экспериментов на исследование влияния определенных факторов на результаты производства. Если речь идет об оценке влияния планирования на деятельность, например, предприятия, то следует учитывать частоту, с которой подразделения предприятия и другие органы административного управления воздействуют на объект. Это зависит от установленных сроков предоставления отчетности исполнителями в ходе выполнения плана и от времени, которое необходимо для обработки этой информации и внесения коррекции в действующий план. При организации системы управления по отраслевому принципу такая отчетность предприятиями предоставлялась не реже двух раз в месяц. Поэтому в данном случае достаточно принять такт модельного времени равным двум неделям.

Другая исследовательская ситуация возникает при анализе влияния на производство порядка и содержания оперативных решений либо заводоуправления, либо производственных структур предприятия. Очевидно, что заводоуправление может вмешиваться в производственную деятельность подразделений предприятия ежеднев-

но, а на уровне рабочих мест оперативные решения практически принимаются по поводу выполнения каждой технологической операции. Поэтому управление более высоких уровней потенциально может повлиять на каждое решение этого уровня.

Поскольку с выбором объекта моделирования связан выбор технологического процесса как элементарной единицы анализа при его моделировании, постольку такт модельного времени будет разным при построении модели производственно-технологической подсистемы разных производственных объектов.

Таким образом, модель производственно-технологической подсистемы должна описывать движение, преобразования и изменения состояния ресурсов в объекте, описание движения ресурсов и готовой продукции между объектом и его средой, описание процессов управления, которые поддаются формализации, т.е. для которых выявлены закономерности преобразования исходной информации в управляющем воздействии на объект информации, и описание формирования данных о состоянии ресурсов и реализации процессов, которые используются в управлении объектом.

Таким образом, если исполнение всех других функции управления направлено на адаптацию воздействия среды к существующей структуре производственного объекта, то исполнение этой функции направлено на то, чтобы привести структуру объекта в соответствие со средой, т.е. он выполняется, когда другие возможности поддержания баланса внутренней структуры производственного объекта исчерпаны.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ КАК СИСТЕМА КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Объектом исследования предприятия как системы коллективного действия являются интересы участников его деятельности и степень их удовлетворения, от чего зависит их поведение в производственных процессах и их решения в процессах управления (Jensen, Meckling, 1976; Leibenstein, 1976; Aoki, 1984).

Взаимодействия участников деятельности производственного объекта приобретают самостоятельное значение в связи с несводимостью контрактов с ними к формальному кругу прав и обязанностей. Как показывает практика, даже буквальное следование требованиям утвержденных инструкций не гарантирует удовлетворительного результата. Причина в том, что в системах коллективного действия уровень достижения результатов как интегрального, так и локального характера, зависит не только от квалификации, но и от качества сотрудничества.

Длительный опыт должностного и личного общения в организационной среде приводит к тому, что участники деятельности обрастают специфическими активами неформального характера, которые никоим образом нельзя передать другим субъектам хозяйствования через рынок или посредством администрирования. Это позволяет их владельцам добиваться результатов сверх их минимальных обязательств, установленных им должностными правами и обязанностями, т.е. преследовать цели и реализовывать амбиции, часто выходящие за пределы их профессиональной функциональности и компетенции. В какой степени будет использован накопленный потенциал участников,

зависит не только от характера управленческих и операционных процессов, но и от того, в какой степени им удастся достигать свои цели, как участникам его деятельности. И обратно, контракты могут не в полной степени соответствовать надлежащему исполнению управленческих и операционных процессов. Поэтому интересы участников – это центральное звено в анализе их поведения как участников системы коллективного действия.

Характеристики поведения участников должны соответствовать системным требованиям, которые поддерживают достижение производственным объектом ожидаемых от него результатов (Зотов, Пресняков, Гребенников, 2014). К числу таких требований относятся этические, правовые, хозяйственные, производственные, партнерские и пространственные требования, которые отражаются в показателях поведения участников, влияющих на результаты их производственного поведения (Пресняков, Петухова, 2018). Этим требованиям должно соответствовать поведение участников, которое они определяют для себя в зависимости от своих возможностей и налагаемых на них ограничений среды. Предметные области показаны в табл. 3.

Таблица 3

Предметные области анализа поведения участников деятельности объекта

Системные требования к участникам деятельности предприятия	Поведение участников	Интересы участников
Этические	<i>Взаимопонимание</i>	<i>Престиж</i>
Юридические	<i>Дисциплинированность</i>	<i>Правовая защищенность</i>
Хозяйственные	<i>Мотивированность</i>	<i>Хозяйственные интересы</i>
Производственные	<i>Интенсивность труда</i>	<i>Значимость рабочего места</i>
Партнерские	<i>Адаптивность</i>	<i>Безопасность</i>
Пространственные	<i>Мобильность</i>	<i>Свойственность</i>

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ МОДЕЛЕЙ ХОЗЯЙСТВЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБЪЕКТА

Таблица 4

Понятийный аппарат моделей хозяйственно-технологической подсистемы

Функциональные аспекты деятельности предприятия	Предметные области анализа хозяйственно-технологической подсистемы производственного объекта		
	Характеристики поведения участников	Управленческие функции	Ресурсы
Этический	Оппортунизм	Планирование	Профессиональный язык
Правовой	Дисциплинированность	Организация работ	Информационные потоки
Хозяйственный	Трансакционная сила	Стимулирование	Денежные потоки
Производственный	Интенсивность труда	Регулирование	Оборудование
Формирование круга участников	Адаптивность	Контроль	Трудовые потоки
Пространственный	Мобильность	Размещение	Материальные потоки

Всякий производственный объект является системой, состоящей из множества разных по своей природе элементов. Все эти элементы, принадлежащие к разнородным подсистемам, должны быть определенным образом упорядочены, т.е. должно быть определено число элементов в каждой подсистеме, их отношения внутри подсистем и вне их. Достижение упорядоченности направлена на решение двух проблем. Одна из них связана с формированием исходного множества элементов внутри объекта и отношений упорядоченности элементов объекта и элементов среды. Другая проблема касается регулирования интенсивности взаимодействий элементов и связана с созданием механизма их взаимодействий, стимулирующего и дестимулирующего определенные процессы в объекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Смоляк С.А. Оценка эффективности инвестиционных проектов. Теория и практика. 4-е издание. М.: Дело, 2008. с. 1104.
2. Зотов В.В., Пресняков В.Ф., Гребенников В.Г. Зоны формирования избыточных транзакционных издержек на предприятии // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов. М.: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 89–113.
3. Клейнер Г.Б., Пресняков В.Ф., Карпинская В.А. Поведение предприятия в моделях теории фирмы // Экономическая наука современной России. 2018. № 2, 3.
4. Ковшов А.Н. Технология машиностроения: Учебник для студентов машиностроительных специальностей вузов. М.: Машиностроение, 1987. С. 320
5. Ленская С.Л., Сидоров В.Н. Эффективность и время производства. М.: Экономика, 1980. 117 с.
6. Мейер М.В. Оценка эффективности бизнеса. М.: Вершина, 2004.
7. Пресняков В.Ф. Модель поведения предприятия. М.: Наука, 1991. С. 192
8. Тамбовцев В.Л. Институциональный рынок как механизм институциональных изменений // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 25–38.
9. Товб А.С., Ципес Г.Л. Управление проектами: стандарты, методы, опыт. М.: Олимп Бизнес, 2003. 240 с.
10. Уотермен Р. Фактор обновления. М.: Прогресс, 1988. .
11. Файоль А. Общее и промышленное управление. М.: Дело, 1991. С. 111.
12. Форрестер Дж. Основы кибернетики предприятия: Индустриальная динамика. М.: Прогресс, 1971.
13. Ahuja Manju and Kathleen M. Carley. Network Structure in Virtual Organizations // Organization Science. 1999. Vol. 10. No. 6. P. 741–757.
14. Alchian A.A, Demsetz H. Production, information costs, and economic organization // Amer. Econ. Rev. 1972. Vol. 62. No. 5. P. 777–795.
15. Aoki M. The Cooperative Game Theory of the Firm. L.: Oxford University Press, 1984. 219 p.
16. Astley W. Toward an appreciation of collective strategy // Acad. Manag. Rev. 1984. Vol. 9. P. 526–535.
17. Coase R.H. The problem of social cost // J. Law and Econ. 1960. Vol. 3. P. 1–44.
18. Dosig G. Technological paradigms and technological trajectories: A suggested interpretation of the determinants and directions of technical change // Research Policy. No. 11. 147–162.
19. Drucker P.F. Management: Tasks, responsibilities, practices. L., 1974. 864 p.
20. Jensen M., Meckling W. Theory of the firm: Managerial behavior, agency costs and ownership structure // Journal of Financial Economics, 1976. Vol. 3. No. 4. P. 305–360.
21. Leibenstein H. Beyond Economic Man: A New Foundation for Micro-Economics. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1976. 297 p.
22. Nelson R.R., Winter S.G. Neoclassical vs. evolutionar y theories of economic grow the critique and prospectus // The Economic Journal. 1974. Voil. 84. No. 336. P. 886–905.

23. *Marris R.* The economic theory of «managerial» capitalism. N.Y.; L.: Free Press and Macmillan, 1964.
24. *Toffler A.* The adaptive corporation. Aldershot, 1985. 217 p.

Presnyakov V.F.

**THE ENTERPRISE'S PRODUCTIVE-TECHNOLOGICAL SUBSYSTEM
MODELING**

The content of modeling the economic-technological subsystem of a production facility, reflecting the execution of its functions as an element of the national-industrial production complex, as an integral business unit and as a system of collective action, is disclosed. The areas of execution by the production object of the system requirements for it are established to further identify the characteristics of the degree of compliance of its operation with these requirements.

Keywords: the production facility, system requirements for the functioning, performance characteristics of system functions.

JEL Classification: D21.

ЭКОНОМИКА И БИЗНЕС: СИМБИОЗ ИЛИ АНТАГОНИЗМ

Рассматривается, как соотносятся между собой понятия экономики как хозяйственной подсистемы общества и бизнеса как одного из экономических укладов. Указываются неблагоприятные последствия для общества чрезмерной роли бизнеса в экономике.

Ключевые слова: экономика, бизнес, симбиоз, антагонизм.

JEL классификация: A12, B41.

Чтобы рассуждения на тему о соотношении понятий экономики и бизнеса не оказались тавтологически беспредметными, как это случается, когда обсуждаемые понятия легко подменяют друг друга, необходимо иметь еще одну более общую концепцию, в которой и экономика, и бизнес имеют самостоятельные смысловые отношения. Такой концепцией в нашем случае является концепция общества.

Не углубляясь в тонкости обществоведческой проблематики, будем исходить из общеизвестного факта, что экономика и бизнес представляют собой общественные явления и, следовательно, входят в содержание понятия «общество».

Хотя наука пока еще не пришла к удовлетворяющей всех теории общества, тем не менее, на пути к ней достигнуты результаты обнадеживающие, в том числе и имеющие непосредственное отношение к теме данной статьи. К ним, несомненно, относится структурно-функциональная модель общества Толкотта Парсонса и Нейла Смелсера, изложенная в их фундаментальном труде «Economy and Society» (Parsons, Smelser, 1956). Авторы этой книги, в особенности первый из них, широко известны в мире системной социологии как создатели структурно-функциональной теории социальных систем. С позиций этой теории общество понимается как социальная система высшего уровня, содержащая в себе все известные формы и области жизнедеятельности людей, как индивидуальной, так и коллективной. На уровне всего общества его жизнедеятельность поддерживается взаимодействием развившихся в нем «внутренних органов» – структурно-функциональных подсистем, каждая из которых вносит свой императивный вклад в эту жизнедеятельность.

Для прояснения того, какое это может иметь отношение к обсуждаемой проблеме, воспользуемся тем, что можно назвать минимальной конфигурацией общества как социальной системы, то есть ее наиболееупрощенный вариант. Понятно, что общество, будучи социальной системой высшего уровня, не может быть меньше своей минимальной конфигурации. Но главное в том, что входящие в нее подсистемы обнаруживаются у всех обществ, известных науке. Из этого следует неопровержимый вывод, что эти подсистемы являются необходимыми, жизненно важными органами у любого общества. При остановке или разрушении какой-либо подсистемы из этой конфигурации в результате военной или природной катастрофы, внутреннего разложения,

жизнедеятельность общества прекращается, а его уцелевшие осколки либо ассимилируются другими обществами, либо становятся исходным материалом для создания нового общества через процесс формирования новой структуры функциональных подсистем, способной поддерживать его существование во внутренних и внешних аспектах.

Р	І
К	Е

Рис. 1. Структурно-функциональное изображение общества в минимальной конфигурации

Источник: Parsons, Smelser, 1956.

В данной конфигурации общество порождается и существует благодаря взаимодействию 4-х структурно-функциональных подсистем, где:

Р – политическая подсистема, решающая вопросы государственной власти и ее взаимоотношений с остальным обществом и окружающим миром, а также вопросы политической устойчивости, отношения общества с политическим режимом, проблемы улаживания внутренних и внешних конфликтов, поддержания правопорядка, защиты от внешних угроз и посягательств, а также стихийных бедствий;

І – ценностно-интегративная подсистема, отвечающая за воспитание лояльности к государству и обществу, ценностную совместимость между группами населения с разными национальными и культурными особенностями, религиозными верованиями, имущественным положением и политической ориентацией;

К – культура – самый ценный актив общества, генератор эстетических идей и достижений. Быстро развивающаяся культура насыщает общество духом креативности;

Е – экономика отвечает за обеспечение всех подсистем общества средствами, достаточными для исполнения ими своих системных функций.

Внутреннее наполнение областей **Р**, **І**, **К**, **Е** составляют институты и действия людей (коллективные и индивидуальные).

Политическая подсистема **Р** содержит институты государственного устройства, политические партии и общественные движения, судебную-правовую систему, органы общественного порядка, вооруженные силы.

Ценностно-интегративная подсистема **І** формируется на множестве институтов семьи, просвещения, религии, и идеологии, патриотических движений.

Подсистема культуры **К** включает деятельность театров, музеев, концертных залов, средств распространения культурных знаний, художественных и литературных течений.

Хотя экономическая подсистема **Е** в зависимости от исторического времени и типа общества может выглядеть совершенно по-разному, однако от до- и ранне-исторических времен вплоть до нашего времени ее функциональное назначение оста-

ется одним и тем же: обеспечение общества в лице составляющих его подсистем средствами, искусственно созданными из вещества природы и приспособленными для использования людьми в повседневной жизни. По этой причине дать исчерпывающе неизменное, как математическое понятие, определение экономики едва ли возможно. Но давайте утешимся тем, что нам известно неизменное назначение экономики, благодаря чему ее можно обнаружить в любом обществе, как бы далеко от нас оно ни находилось. Такой взгляд на то, как соотносятся между собой экономика и общество, заставляет серьезно скорректировать господствующие ныне представления об экономической эффективности. То, что сейчас принимается за экономическую эффективность, больше походит на эффективность финансовую. Финансовая же эффективность не имеет однозначной связи ни с занятостью, ни с производственными успехами, ни с потребностями повседневной жизни людей. Современный бизнес доказал, что умеет демонстрировать высокую финансовую эффективность и при слабых производственных результатах и при низкой занятости.

Важно понимать, что конечные результаты функционирования экономики находятся за ее пределами – в других функциональных подсистемах, в том, насколько удовлетворительно экономика способствует их эффективной работе. Поэтому системная экономическая эффективность должна отражаться в повышении качества их системного вклада в жизнедеятельность общества. Вообще всегда, когда мы говорим об экономике, нужно понимать, что одновременно мы говорим об обществе.

Что касается правомерности плоскостного изображения, это можно объяснить тем, что Т. Парсонс, создатель структурно-функциональной теории социальных систем, был по образованию и первоначальным научным интересам правоверным экономистом – неоклассиком. В его понимании взаимодействия между структурными подсистемами происходят через линии их соприкосновения друг с другом, образуя своего рода рынки обменов системными вкладами как механизм поддержания жизнедеятельности общества в целом. У него структурные подсистемы, экономика в том числе, автономны относительно друг друга, как это должно следовать из неоклассической доктрины, и обладают независимой ценностной базой. Системные обмены затрагивают только готовые финансовые результаты их функционирования.

Более содержательную картину взаимоотношений экономики и общества можно получить из исследований Карла Поланьи и его последователей. Они известны под именем школы экономической антропологии. В центре их исследовательских интересов были проблемы сравнительного изучения возникновения, роста и упадка экономических институтов в реальных нерыночных и рыночных системах. В этом направлении К. Поланьи (Polanyi, 1944) предложил очень важное понятие автономного и внедренного состояния экономики, помогающее понять различия в функционировании таких систем. Хотя Поланьи прямо не полемизировал с Т. Парсонсом, из его теории следует, что структурно-функциональные подсистемы общества отнюдь неравноправны, в отличие от модели последнего, и между ними существуют отноше-

ния доминирования и подчинения. В теократических обществах доминировать будет ценностно-интегративная подсистема I, а функционирование остальных будет строиться как обслуживание ее императивов. В обществах с сильной тоталитарной ориентацией доминировать должна политическая подсистема, диктующая остальным границы действия их собственных интересов. В обществах с рыночной экономикой доминирующие в них силы, часто обозначаемые как крупный капитал, или бизнес, олигархические круги и т.п. будут оказывать непропорционально большое влияние на политическую и ценностно-интегративную подсистему. Поэтому такие общества будут выглядеть отличными от модели Парсонса. Например, в виде веера или параллелепипеда (см. рис. 2 и 3).

Рис. 2. Общество со структурно-функциональными подсистемами во внедренном состоянии

Экономика как системный процесс, обслуживающий общество как структурное социальное целое, выполняет свою системную функцию по-разному в зависимости от того, является ли оно светским или теократическим, централизованно управляемым или плюралистическим, авторитарным или либеральным и т.п. Это означает, что внутренние структурные элементы будут разными в разных обществах.

Зададимся вопросом, чем было вызвано появление бизнеса в обществах западного типа? Что ему предшествовало? Ведь по историческим сведениям его появление в Европе можно датировать периодом от конца XVIII до начала XIX в.

Базовая транзакция бизнеса – операция купли-продажи унаследована им от торговли времен позднего средневековья и последовавшего за ним меркантилизма, когда окончательно были выработаны юридические основы обращения долгов, что превратило торговлю из беспорядочного и внутренне слабосвязанного множества разрозненных торговых операций в подлинную непрерывно действующую отрасль хозяйственной деятельности. Но ведь нечто подобное уже состоялось за много веков на Востоке, однако не приводило там к появлению бизнеса.

Рис. 3. Общество тоталитарного типа

Базовая транзакция бизнеса – операция купли-продажи унаследована им от торговли времен позднего средневековья и последовавшего за ним меркантилизма, когда окончательно были выработаны юридические основы обращения долгов, что превратило торговлю из беспорядочного и внутренне слабосвязанного множества разрозненных торговых операций в подлинную непрерывно действующую отрасль хозяйственной деятельности. Но ведь нечто подобное уже состоялось за много веков на Востоке, однако не приводило там к появлению бизнеса.

На Востоке бизнес появился вместе с колониализмом. Фактором, определившим его судьбу в Западной Европе, стал промышленный переворот, которого не знал торговый Восток. Т.Веблен пишет: мотивом бизнеса является денежная выгода; его главный метод – купля и продажа. Его главная цель и нормальный результат – накопление богатства (Веблен, 2007). На начальных этапах нового времени, еще до того, как машинные технологии стали преобразовывать европейскую промышленность, деловое предприятие продолжало еще выступать в виде коммерческого бизнеса – сбытовой и перепродажной торговли и банковской конторы.

С наступлением века машинных технологий ситуация изменилась, хотя сами по себе методы бизнеса внешне изменились мало, так как они уже направлялись деловыми интересами. Но вместо вложений в товары, с тем, чтобы они переходили от производителя к потребителю, как это делал еще купец, бизнесмен, как новая фигура, стал вкладывать в машинные процессы промышленности, сочетание и взаимодействие которых у него было под гораздо большим контролем, чем риски морской и даже сухопутной торговли у купцов, ведущих дела на заморских территориях.

Но пока машинные процессы были еще недостаточно развиты, а предприятия разбросаны и мало связаны друг с другом технологически и, главное, пока они были маломощными и работали на узкие рынки, а управляющие ими бизнесмены привычно полагали, что вкладывают деньги в машинные процессы ради улучшения бытовых

условий для своих семей, они были еще не в состоянии представить себе, какие возможности открывает перед ними увеличение прибыли от инвестиций.

Лишь когда технический прогресс обеспечил недостижимый ранее рост производства и доходы бизнесмена окончательно оторвались от уровня, необходимого для обеспечения достойного образа жизни семьи, бизнесмены смогли осознать новую необходимость постоянного поиска возможностей для более прибыльных инвестиций. Эта идея воплотила в себе «дух бизнеса» и заставила бизнесмена оставить надзор за привычным ходом машинного процесса, с которым было когда-то связано его благополучие, своим служащим, а самому переключиться на постоянный поиск возможностей перераспределения его инвестиций от менее выгодных к более выгодным проектам. Это стало первым шагом к обесценению многовековой традиции продолжения детьми дела своих отцов. Семейное дело превратилось во временное занятие до отыскания новой, более выгодной сделки. Таким образом, наиболее адекватной формой богатства для бизнеса оказалась его денежная форма.

Этому способствовал завершившийся к концу XIX в. переворот в понимании природы имущественного богатства. До этого в обыденном сознании и в решениях судов господствовал стереотип, согласно которому имуществом являлась совокупность материальных объектов, которым владеет и пользуется семья. Запрет на коммерческие сделки с ним (например, назначение свыше цен их купли-продажи) не считался нарушением права собственности, если не нарушались права пользования. Так до 70-х гг. XIX в. в США власти могли законно лишить владельца имущества по соображениям целесообразности без всякой компенсации. И только 14-я поправка к Конституции изменила это положение. А в 90-е гг. XIX в. имуществом стали признавать все, что имеет меновую ценность, то есть, может быть продано.

Это стало законодательным признанием в качестве имущества неосязаемых активов, т.е. нематериального имущества. Долги, акции и облигации, как и патенты, были признаны еще раньше. Эти правовые новации превратили бизнес в главный и доминирующий экономический уклад в развитых странах. При этом его экономическая роль перестала быть главной, поскольку цель извлечения прибыли на инвестиции больше не предполагает расширения производства и занятости. Само деловое предприятие, некогда бывшее основанием, на котором бизнес поднялся до нынешних высот, превратилось в торгуемый объект с капитализированной ценностью. При этом статус юридического лица не спасает его от захвата под видом недружественного поглощения. Лишь недавно на Западе раздались голоса в его защиту: суд в одной из европейских стран запретил захват предприятия на том основании, что лицо, включая юридическое, не имеющее гражданских прав, а только личные, не должно ни продаваться, ни покупаться.

Широко рекламируемая ныне «творческая сила бизнеса», ускоряющая технический прогресс, слабо подтверждается на практике. Еще Т. Веблен в своем труде «Теория делового предприятия», написанном по материалам многочисленных рассле-

дований Промышленными комиссиями Конгресса США, решительно отвергает этот домысел: «Возьмите любое выдающееся изобретение и сравните дату, когда было сообщено о готовности его к внедрению, с датой фактической реализации, и вы увидите, насколько бизнесу удалось его задержать» (Веблен, 2007).

В наше время, когда бизнес большую часть своей выгоды получает от капитализации неосязаемых активов, мало что дающих для решения назревших проблем, бездумная, вернее, безумная «бизнесизация» экономики привела к проникновению «духа бизнеса» во все поры нашего общественного организма. Коррупция, поразившая Россию, есть не что иное, как превращение исполнения государственных и иных властных должностей в частный бизнес для их исполнителей. Это их бизнес на рабочем месте. Должность как дорогостоящий неосязаемый актив. А ведь коррупция всегда и везде считалась тягчайшим государственным преступлением наряду с государственной изменой. Так она и должна бы караться.

Бизнес, как один из экономических укладов, давно вышел за пределы своей экономической роли в погоне за выгодой и вовлек в орбиту своего влияния остальные подсистемы нашего общества. А ведь Т.Веблен еще в конце XIX в. определил его как паразитический способ хозяйствования. Решение проблем, создаваемых бизнесом, следует искать не в его тотальном ограничении, а на путях возвращения к его изначальной роли одного из экономических укладов, наряду с другими укладами, участвующими в общей задаче экономики, состоящей в обеспечении общества и составляющих его подсистем средствами выполнения системных функций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веблен Т. Теория делового предприятия. М.: Дело, 2007.
2. Гребенников В.Г., Зотов В.В., Николаев Л.К. Проблема моделирования взаимодействия социальных и экономических факторов развития народного хозяйства. М.: ВНИИСИ, 1976.
3. Зотов В.В. Экономика и общество: критический анализ структурно-функционалистской концепции школы Т.Парсонса. – В сб. Методология комплексного исследования социально-экономических систем. М.: ВНИИСИ, 1980, вып.1.
4. Commons J.R. Legal Foundations of Capitalism. Clifton NY, 1974.
5. Commons J.R. Institutional Economics. New Brunswick, 1986.
6. Parsons T., Smelser N. Economy and Society. NY: Free Press, 1956.
7. Polanyi K. The Great Transformation. NY, 1944.

Zotov V.V.

ECONOMY AND BUSINESS: SYMBIOSIS OR ANTAGONISM

It is considered how the concepts of economy as an economic subsystem of society and business as one of the economic modes correlate. It is indicated the adverse consequences for society of the excessive role of business in the economy.

Keywords: economy, business, symbiosis, antagonism.

JEL Classification: A12, B41.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ФАЗ ДЛИННОВОЛНОВОЙ ДИНАМИКИ

В работе рассмотрены различные подходы к определению фаз длинных волн с учетом современных способов их выделения. Рассмотрены некоторые причины, лежащие в основе длинноволновой динамики. Выявлены факторы, оказывающие влияние на состояние длинных волн, на переход в ту или иную фазу эволюции длинной волны. Определены перспективы дальнейших исследований в рамках длинноволновой тематики

Keywords: макроэкономические исследования, длинноволновая динамика, факторы воздействия на эволюцию длинных волн.

JEL Classification: B41, L50, O30.

Исследование длинноволновой динамики принадлежит к числу важнейших направлений экономической науки, поскольку необходимо определить основные направления макроэкономических исследований, чтобы выявить проблемные области и определить «белые пятна» в данной сфере. В частности, В.Е. Дементьев (2012) обозначил тенденцию выявления фаз длинноволновой динамики на основе анализа процессов, происходящих в инвестиционной сфере. Эта идея была продолжена в работе (Толкачев, Попов, 2015), где сделана попытка определения фаз с точки зрения формирования «финансового пузыря» – признака такого рода процессов. Проанализирован жизненный цикл институционального финансового пузыря и представлена схема последовательности их формирования в фазе роста. На основе гипотезы о сроках окончательной инсталляции общего образа магистральных технологий спрогнозирована периодизация этапов развития шестого технологического уклада. В свою очередь, данная тема получила дальнейшее развитие в работе В.Е. Дементьева (2009). Он, в частности, отмечал, что для фазы роста длинной волны актуален дозированный подход к экономическому пузырю в виде избыточных (по отношению к уровню спроса в фазе зрелости) мощностей.

Другое направление макроэкономических исследований длинноволновой динамики связано с анализом влияния смены технологических укладов на эволюцию сухопутных транспортных сетей. В частности, этой проблематике посвящено исследование Н.М. Светлова (2016). В нем, однако, отмечается довольно слабая связь между эволюцией технологических укладов и эволюцией транспортных сетей. Полученные им данные не подкрепляют предполагаемого распределения транспортных сетей по укладам. В самом деле, железные дороги производительней дорог с облегченным покрытием, существовавшим задолго до существования промышленности в современном понимании этого слова, но в несколько большей мере превосходят их в ресурсоемкости. В итоге, дороги с облегченным покрытием превосходят железнодорожные по

способности трансформировать ресурсы в услугу. Значит, причиной распространения железных дорог в XIX в. была не столько эффективность, сколько способность удовлетворять такие потребности в транспорте, которые затруднительно удовлетворить при посредстве сетей прежних типов. Этот вывод подтверждается и прогрессом в сооружении автодорог с твердым покрытием, не вызвавшим исчезновения железных дорог. По результатам оценивания, автодороги с твердым покрытием наименее чувствительны к норме прибыли транспортных услуг. Причина в том, что они вне конкуренции в удовлетворении специфических потребностей владельцев индивидуального транспорта.

Другим сюжетом является поиск инвестиционных ориентиров в датировке длинноволновой динамики, которые также рассматриваются в работе В.Е. Дементьева (2012). Так, например, в фазе синергии на первый план выходят инвестиции в развитие новых отраслей. Вместе с тем, эти отрасли продолжают поддерживать рост части традиционных отраслей, предъявляя спрос на их продукцию, встраивая их в новые технологические цепочки. Фаза вызревания – время инвестиций в исследования и разработку новых технологических идей и принципов. В этом состоит инвестиционное своеобразие фаз длинной волны, которое существенно облегчает процесс датировки данных циклов.

Особое место в изучении длинноволновых колебаний занимает изучение макроэкономических показателей, определение периодов роста и спада, а также причин, вызывающих цикличность. Делается вывод о наличии в экономике структурных циклов, причиной которых является денежно-кредитная политика государства. Данный вывод обосновывается в работу (Шевченко, Развадовская, 2012). В статье (Румянцева, 2016) делается вывод об искажении длинноволнового механизма и вводится понятие конъюнктурной карты. Тенденция к поиску искажений длинноволнового механизма характерна также для более ранних работ С.Ю. Румянцевой, в которых делается вывод о том, что в рамках IV длинной волны могли иметь место одновременно IV и V технологические уклады. Эта гипотеза была опубликована в работах (Румянцева, 2003; Акаев, Румянцева и др., 2011). Данный вывод подвергается критике в работе С.Ю. Глазьева (2012).

В статье (Шевченко, Развадовская, 2014) делается попытка определения причины волновых колебаний. По мнению авторов, первые две фазы кондратьевских циклов не подтверждаются, поскольку анализ индексов цен, цен на золото, инфляции и ВВП, свидетельствуют о значительных расхождениях теории длинных волн с реальной динамикой экономического развития. Основную причину подобных колебаний они усматривают в кредитно-денежной политике государства, как это и было накануне Великой депрессии 1929 г. и в период кризиса 2008 г. В обоих случаях политика дешевых кредитов привела к раздаче такого количества кредитов, что образовался финансовый пузырь, лопнувший в октябре 1929 г. и сентябре 2008 г.

В отличие от представленных выше подходов, анализируя длинные волны экономического развития, В.Е. Дементьев (2016) предлагает модель наложения технологий разных длинных волн. Таким образом, периодизация длинных волн в данном варианте выглядит как смешанный процесс, а не как поэтапное эволюционное развитие. В этой модели показано, что процесс смены длинных волн происходит не равномерно, а таким образом, что технология одной длинной волны наслаивается на другую. Рассматривается экономическая система, в которой возможности выпуска продукции за фиксированный период (год) на основе технологий отдельной длинной волны описывается логистической функцией. В статье Р. Нижегородцева представлена модель смены технологических укладов в виде обобщенной логистической кривой. Однако акцент делается на полное отмирание стареющих технологических укладов, хотя и допускается их временное наложение.

Обозначив через z только часть ресурсов, непосредственным образом определяющую количество произведенной продукции / услуг, предлагается отдельно учитывать цену ресурсов c в виде инфраструктуры производства, создание которой рассматривается как предварительное условие для его начала. В работе (Дементьев, 2016) рассматривается зависимость годового выпуска y от количества вовлеченных в производство ресурсов z (где z – цена этого количества):

$$y(z) = \frac{A}{1 + de^{-bz}}.$$

Годовой экономический эффект от использования некоторой технологии можно представить следующим образом:

$$y(z) - r(z + c) = \frac{A}{1 + de^{-bz}} - r(z + c).$$

Обозначив $z_1 + c_1$ через x_1 , а $z_2 + c_2$ через x_2 , задачу оптимального распределения ресурсов между двумя технологиями различных длинных волн можно представить следующим образом:

$$\frac{A_1}{1 + de^{-b(x_1 - c_1)}} - rx_1 + \frac{A_2}{1 + de^{-b(K - x_1 - c_2)}} - r(K - x_1) \rightarrow \max ;$$

$$x_1 + x_2 \leq K, \quad x_1 \geq c_1, \quad x_2,$$

где A_1 и A_2 , соответственно, потенциал первой и второй длинной волны, K – ресурсы, необходимые для привлечения для технологий разных длинных волн, и они ограничены величиной rK :

$$r(z_1 + c_1) + r(z_2 + c_2) \leq rK.$$

Обозначим через H соотношение A_2/A_1 . Тогда необходимым условием экстремума в точке x_1 при $0 < x_1 < K$ и $x_2 = K - x_1$ является:

$$e^{bx_1} = \frac{e^{b(K - c_2)} - dH^{0,5} e^{0,5b(K + c_1 - c_2)}}{dH^{0,5} e^{0,5b(K - c_1 - c_2)} - d^2}.$$

$$\text{Отсюда } x_1 = b^{-1} \ln Q,$$

где
$$Q = \frac{e^{b(K-c_2)} - dH^{0,5} e^{0,5b(K+c_1-c_2)}}{dH^{0,5} e^{0,5b(K-c_1-c_2)}}.$$

Симбиоз вполне освоенных и новых технологий способен, с одной стороны, повысить потенциал старых технологий (отраслей), а с другой – запустить процесс применения новых технологий (как улучшающих в этих отраслях) еще до формирования инфраструктуры, необходимой для раскрытия потенциала очередной длинной волны.

В работе (Гладких, 2014) делается попытка построения оригинальной периодизации длинных волн на основе новых факторов, таких, как, например, расходы на НИОКР. Автор рассматривает этот показатель как характеризующий динамику инноваций. Соответственно, можно видеть совпадение поворотных точек на графике темпов прироста расходов на НИОКР в экономике США и графике темпов прироста ВВП США. Построенные длинные волны имеют следующие периоды: 51, 57 и 15 лет (только фаза подъема). В отношении 3-й и 4-й волн верхняя поворотная точка определена автором работы в одном временном диапазоне с другими исследователями – 1919–1924 и 1974–1981 гг.

Нижняя поворотная точка, определенная автором в отношении третьей волны, имеет расхождение с точками других исследователей из-за несовпадения диапазонов: расчет проводился с 1905 г. Нижняя поворотная точка, найденная в отношении четвертой волны, имеет расхождение на 6 или 18 лет, что вызвано корректировкой на основе предположения Б. Берри. Основной причиной современного кризиса в контексте длинноволновых колебаний И.П. Гладких считает меры государственного регулирования экономикой. Именно данный фактор он признает в качестве одного из ведущих факторов, вызывающих кризисные явления в экономике.

Итак, мы можем сделать вывод на основе проведенного анализа различных подходов к построению периодизации длинных волн, что сложности в датировках этого процесса во многом связаны с тем обстоятельством, что точной датировки сделать невозможно по причине того, что слишком уж велики расхождения с реальной практикой. Кроме того, по утверждению ряда исследователей, в рамках одной длинной волны возможно существование двух технологических укладов, которые фактически наслаиваются один на другой, что также затрудняет процесс датировки. Фактически подобная ситуация говорит о том, что не существует жесткой последовательности при смене длинных волн, они развиваются не последовательно, а параллельно: едва начался рост одной длинной волны, происходит сразу же генезис новой длинной волны. Таким образом, вопрос об определении фаз роста длинных волн остается вопросом открытым, поскольку существует огромное количество мнений по нему. Также остается открытым вопрос о связи между длинными волнами и другими процессами в экономике, в частности, развитием транспортных сетей и других сложных процессов хозяйственной деятельности. Именно данные вопросы и являются задачами дальнейших исследований в рамках длинноволновой тематики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акаев А.А., Румянцева С.Ю., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н.* Экономические циклы и экономический рост. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011.
2. *Гладких И.П.* Институциональные подходы и особенности длинных волн в постиндустриальной экономике // Кондратьевские волны. 2014. № 3. С. 276–319.
3. *Глазьев С.Ю.* Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2.
4. *Дементьев В.Е.* Технологическая неоднородность производства и цикличность экономического развития // Журнал экономической теории. 2016. № 3. С. 39–50.
5. *Дементьев В.Е.* Длинные волны экономического развития и финансовые пузыри. М.: ЦЭМИ РАН, 2009.
6. *Дементьев В.Е.* Инвестиционные ориентиры датировки длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 4. С. 23–40.
7. *Румянцева С.Ю.* Длинные волны в экономике: многофакторный анализ. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003.
8. *Румянцева С.Ю.* Конъюнктурная карта мировой экономики и проблема неоиндустриализации России // Проблемы современной экономики. 2016. № 3. С. 23–40.
9. *Светлов Н.М.* Эконометрический анализ развития сухопутных транспортных сетей // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. № 2. С. 60–74.
10. *Толкачев С.А., Попов А.К.* Формирование финансовых пузырей на стадии роста экономической системы // Вестник Финансового университета. 2015. № 2. С. 84–96.
11. *Шевченко И.К., Развадовская Ю.В.* Структурный анализ технологических укладов в процессе развития промышленного сектора экономики: генезис, закономерности, тенденции. // Известия ЮФУ. 2012. Тематический выпуск.
12. *Шевченко И.К., Развадовская Ю.В.* Статистический анализ длинных волн Кондратьева // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 14. С. 2–12.

Pavlov R.N.

MAIN TENDENCIES IN MACROECONOMIC STUDIES OF LONG-WAVE DYNAMICS PHASES

The paper discusses various approaches to the determination of the phases of long waves, taking into account modern methods for their separation. Some reasons underlying the long-wave dynamics are considered. The factors that influence the state of long waves on the transition to a particular phase of the evolution of a long wave are revealed. Prospects for further research in the framework of long-wave topics were identified.

Keywords: macroeconomic research, long-wave dynamics, factors influencing the evolution of long waves

JEL Classification: B41, L50, O30.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

(в расширенном ее понимании).

ЧАСТЬ 2. ОБЩАЯ СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

В статье анализируются социальные функции и роли, исполняемые группами населения при функциональном подходе к структуризации населения. Это завершает общее описание проблем моделирования финансирования социальной сферы РФ. Финансирование социальной сферы анализируется в предложенном д.э.н. Е.Ю. Фаерманом расширенном понимании этой сферы – с учетом ее взаимосвязей с производством (что до сих пор не имеет аналогов). Изложение основано на работах, проводившихся в ЦЭМИ РАН с 1999 г. (и продолжающихся в настоящее время) по моделированию финансирования социальной сферы и анализу параметров и вариантов определенных направлений социальной политики.

Ключевые слова: моделирование финансирования социальной сферы, функциональная структура, социальные функции, социальные группы, роли групп.

JEL классификация: B49, C80, O17.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья (часть 2) завершает начатое в части 1 общее описание основных положений моделирования финансирования социальной сферы РФ в расширенном ее понимании, предложенном д.э.н. Е.Ю. Фаерманом (Фаерман и др., 2000, 2002, 2004; Фаерман, Тарасова, 2006) и рассмотренном в части 1. Проблемы, изложенные в частях 1 и 2, предварительно рассматривались в препринте (Фаерман и др., 2015).

При анализе проблем общей структуризации населения и его доходов в разделах 1–3 основное внимание уделяется функциональному аспекту структуризации населения, его социальных слоев и групп (раздел 3 и приложение).

1. НАСЕЛЕНИЕ (СОЦИУМ) И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ДОХОДЫ.

Согласно намеченному в предыдущей статье (часть 1) подходу, необходимо рассматривать социальную сферу как население страны (социум), взятое в его взаимоотношениях с другими подсистемами социально-экономических систем (СЭС):

- с общественным производством, причем с одной стороны – через затраты труда и движение капиталов, а с другой – через встречное движение трудовых и предпринимательских доходов;
- с финансовой системой – через изъятие части доходов населения, прибылей юридических лиц (в виде налогов, акцизов, таможенных сборов и др.) с целью форми-

рования бюджета (в том числе фондов) для инвестирования в социальную, региональную, государственную инфраструктуры; через социальную поддержку нетрудоспособных (или незанятых) слоев населения; через установление платности (или бесплатности) используемых населением природных ресурсов и социальных услуг;

- с воспроизводством самого населения как видовой популяции – через институт семьи, внутреннее (внутрисемейное) перераспределение доходов;

- с окружающей средой и природными ресурсами – через систему территориального расселения населения с созданием и развитием городов и сети поселений, защиту среды обитания от производственных и бытовых загрязнений, обеспечение экологической безопасности населения. Причем менее 10 лет тому назад возник вариант (к счастью, оставшийся неосуществленным) фактического уничтожения городов согласно созданному тогда списку «бесперспективных» моногородов (см. об этом статьи о проблеме вынужденной занятости – например, (Тарасова, 2011)). Отметим появление в 2016г. принципиально иной госпрограммы развития занятости (уже не «моно») в таких городах, чему явно способствовали научные публикации о недопустимости (хотя бы с точки зрения геополитических интересов и безопасности страны) прежней политики, учитывавшей лишь «выгодность» (по зарубежному опыту) максимальной концентрации населения.

Каждый вид взаимодействия формирует свою систему связей, разные степени агрегации (или, наоборот, детализации) порождают иерархии структурных единиц соответствующих ракурсов. Так, если поставить задачу проанализировать социальные связи населения с экономикой, производством, то прежде всего столкнемся с разными функциями населения при различном участии в экономике. Более или менее агрегированное описание этих функций порождает многоуровневую иерархическую социальную структуру исполнителей (или исполнений) соответствующих функций, названной нами функциональной социальной структурой (ФСС).

Если необходимо сосредоточиться на задаче описания взаимодействия населения с системой его воспроизводства, то в первую очередь появляется интерес к следующим вопросам: демографические типы семей (одиночки, двойки, тройки и т.д.); в каких пропорциях они представлены в населении; социальные роли их членов (трудящиеся, предприниматели, пенсионеры, дети и т.д.). Это социально-демографическая семейная структура (СДСС). Указание на природу таких взаимосвязей населения с прочими подсистемами СЭС есть конкретизация понятия «экономически значимые» взаимосвязи, т.е. связи, имеющие экономическую природу, экономическое измерение. Пример состава ФСС, СДСС и подобных им структур при реализации изложенных выше экономических обоснований приведен в приложении.

Социально-экономическая структуризация населения, членение его на все более узкие социально-экономические структурные единицы, собственно, и должно осуществляться в соответствии с качественными особенностями системы взаимосвязей и взаимоотношений населения. Положим в основание этого процесса взаимосвязи

и взаимоотношения населения с производством (включая финансовую сферу), а именно: вложение в него труда и капитала со стороны населения и получение населением от него доходов как в денежной, так и в натуральной форме. Качественные особенности именно этих взаимосвязей будут определять социальный статус структурных единиц. Хотя сочетания «население-экономика-труд», «капитал-экономика-доходы» образуют органическое единство, однако, руководствуясь взглядом на ситуацию со стороны структурируемого населения, будем предполагать, что вначале устанавливаются качественные особенности системы взаимоотношений (взаимодействий) данной структурной единицы (или их группы), т.е. ее социальный статус, который определит доходы, а доходы – пропорции потребления и накопления. Эта последовательность условна, но отклонения от нее нужно оговаривать особо.

Приступая к общему анализу самого процесса структуризации, начнем с уточнения понятия доходов. Дело в том, что различаются индивидуальные и располагаемые доходы членов общества, а также семейные и расходуемые (на потребление и накопления) доходы. Вторые получаются из первых в результате внутрисемейного обобществления и перераспределения индивидуальных доходов. За счет этих процессов оплачиваются: расходы семей на продовольствие, социальные услуги, общесемейные инвестиции и различные чрезвычайные ситуации; выделяются средства на общесемейные сбережения и накопления. Организуются макросоциальные (региональные) и макроэкономические перераспределительные процессы (налогообложение, социальное страхование и др.) Оставшиеся располагаемые средства расходуются – с учетом разных потребностей членов семьи – в соответствии с показателями душевого и средне-семейного дохода. Для целей межсемейных сопоставлений и формирования распределения населения по доходам часто прибегают к используемому в статистике доходов условному показателю душевого среднесемейного дохода, вычисляемого делением суммарных (заработанных и перераспределенных) доходов членов семьи на число ее членов.

2. СОЦИАЛЬНАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Интересы расчетов потребления и накопления, анализа дифференциации населения по уровню (или качеству) жизни и особенно задачи обоснования социальной политики требуют, чтобы анализ доходов и расходов населения строился не только в разрезе индивидуальных (зарабатываемых и получаемых в порядке перераспределений) доходов, но и в семейном разрезе, с учетом демографических и социальных особенностей различных типов семей, модифицирующих основной показатель душевого среднемесячного дохода. Это приводит к необходимости параллельного рассмотрения двух ракурсов социальной структуризации населения:

1) функционального, основанного на изучении индивидуальных (зарабатываемых или перераспределенных) доходов, т.е. доходов, формируемых на базе функций индивидов как активных членов общества либо пассивных заявителей на социальную

помощь (на основании той или иной формы несостоятельности (disability), возрастной или медицинской);

2) семейного, основанного на учете социально-демографического состава семей, их классификации как по демографическому параметру (числу членов), так и по социальному профилю с оценкой душевых среднемесячных доходов (в зависимости от социально-демографического типа семьи, к которой принадлежит индивид).

Второе обстоятельство, связанное с общими принципами структуризации населения, состоит в частичном отрицании приоритета социального статуса в детерминации доходов. Действительно, можно заметить, что фиксация функциональной или даже семейной принадлежности еще не определяет уровень доходов индивида или семьи. Они могут варьировать в более или менее значительных диапазонах – при одной и той же социальной принадлежности или одном и том же социально-демографическом составе семьи. Таким образом, оценка труда или капитала зависит не только от социального статуса, но и от некоторых внутренних факторов, внестатусных – например, от психосоматических данных исполнителей социальных функций, их функциональной одаренности, благосклонности инвесторов и т.п., что обычно не учитывается в экономической теории.

Выход из вышеописанной ситуации может состоять в следующем. Не настаивая ни на функциональной, ни на функционально-демографической (семейной) детерминации доходов – и, следовательно, благосостояния членов общества, – примем соответствующие структурные единицы только за определители типов и видов дохода, которые присущи соответствующим группам людей. Будем полагать, что сама величина доходов – зависящая, как сказано, от внестатусных факторов – может при этом варьировать по всей шкале душевых или семейных доходов. И тогда задача состоит только в том, чтобы выявить численность исполнителей каждой функциональной роли или нескольких ролей для каждого диапазона доходов. При отказе от изучения дифференциации людей или семей по упомянутым внестатусным факторам нет иной возможности, кроме как изучить распределение социальных (общественных) функций по уровням доходов статистически – сначала для базового интервала времени, а затем прогнозируя такие распределения, на перспективу.

В статистике для изучения подобных зависимостей давно практикуется сбор статистических данных о народонаселении в разрезе квантилей – равных по численности групп людей (или семей), каждая из которых обладает своим непересекающимся с остальными диапазоном доходов. В зависимости от выбранного количества таких групп и соответственно доходных интервалов, покрывающих (по предположению) всю шкалу душевых доходов населения, различают: квинтильную сетку доходных групп (число групп – квинтилей – равно 5); децильную сетку доходных групп (число групп – децилей – 10) и т.д. В практических расчетах обычно опираются на децильную сетку как достаточно подробную характеристику дифференциации населения по доходам, к тому же в наибольшей степени обеспеченную информацией при ориентации на

нее статистических органов РФ. Децильная доходная сетка – по своим минимальному и максимальному доходам для каждого дециля – легко может быть построена на базовом или расчетном периодах для каждого года, для которого изучено (или спрогнозировано) распределение населения по доходам¹.

Поскольку распределение по доходам должно быть указано для каждого типа исполнителей (или исполнений) социальных функций, можно поставить задачу и в обратном порядке, а именно – как поиск функциональной структуры исполнителей (исполнений) социальных функций для населения каждого дециля. Решение такой задачи по каждому децилю дает надежный материал для построения 10 точек подоходной дифференциации показателя численности исполнителей (исполнений) каждой социальной функции. Таким образом, необходимо воспроизведение функциональной (статусной) дифференциации не только для всего населения в целом, но и для населения каждого дециля в отдельности. Другими словами, нужно изучить на базовом периоде, а затем прогнозировать на перспективу пропорции численностей исполнительных единиц для всех функциональных типов применительно ко всему народонаселению. Для этого, в первую очередь, нужно установить иерархическую типологию самих функциональных единиц населения; назовем это построением ФСС – функциональной социальной структуры народонаселения (примеры этой и последующих структур даны в Приложении). Необходимо решить такую же задачу и применительно к каждой экономической группе населения (децилю), построив функционально-экономическую социальную структуру населения (ФЭСС).

Подобным же образом можно поставить вопрос об экономической дифференциации социально-демографической семейной структуры (СДСС). Социально-демографической структурной единицей является определенный социально-демографический тип семьи (СДТС), содержащий указания как на общий размер (демографический ранг) семьи, так и на ее социальный состав. Выявление реализующегося множества актуального СДТС в народонаселении является построением СДСС. Поддецильную же дифференциацию СДСС, применительно к населению каждой экономической группы (дециля), естественно назвать построением социально-демографической семейно-экономической структуры (СДЭСС). Таким образом, общую социальную структуру (точнее – социально-экономическую структуру) народонаселения можно представить в виде биракурсной трехуровневой укрупненно-иерархической структуры (см. рис. 1).

¹ За исключением территориального аспекта.

Рис. 1. Социальная (социально-экономическая) структура населения

3. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА (ФСС)

Блоки упомянутых ранее структур (см. рис. 1) – функциональной социальной (ФСС), функционально-экономической (ФЭСС), социально-демографической семейной (СДСС) и социально-демографической семейно-экономической (СДСЭС) – в глобальной архитектуре социальной сферы сами представляют собой иерархические структуры, отражающие последовательную детализацию социальных функций, исполняемых населением. Тем самым определяется иерархия признаков социального статуса исполнителей или исполнений таких функций. Проанализируем природу этих иерархических структур и их структурных единиц.

3.1. Структуризация ФСС

Социальный статус индивида и те социальные роли, которые он в данный момент исполняет, определяются в первую очередь его общим отношением к системе производства: участвует он в ней или нет. Поэтому первая социальная дифференциация населения – деление его на занятых и незанятых в сфере производства. В основном занятость присуща лицам активных возрастных групп, незанятость – лицам предактивных и постактивных возрастных групп и вообще нетрудоспособным членам общества. Существуют также промежуточные и смешанные формы занятости и незанятости:

- 1) временно незанятые (безработные) – лица активных возрастов, ищущие работу, но в данный момент не находящие взаимоприемлемых (для безработного и работодателя) мест приложения труда;
- 2) иждивенцы – незанятые лица активных возрастов, уклоняющиеся от участия в производстве по причинам занятия домашним хозяйством, воспитанием детей, непризнанным художественным творчеством и др., а также дети;
- 3) совместители – лица, совмещающие 2 статуса: незанятости и участия в производстве (например, работающие: подростки, пенсионеры или стипендиаты); либо статус наемных работников и участие в «бизнесе» («трудящиеся-предприниматели»).

Чтобы упростить ситуацию, будем рассматривать вначале не исполнителей тех или иных социальных функций, а сами их исполнения, временно отвлекаясь от того

обстоятельства, что конкретный индивид может исполнять несколько социальных функций (например, быть «занятым» и «незанятым» одновременно). Занятость одного абстрактного индивида будем считать исполнением одной социальной функции. Другой социальной функцией будет незанятость, так что наличие одного незанятого будем считать исполнением этой социальной функции. Дадим анализ структуры исполнений, лишенных усложняющих обстоятельств совмещений нескольких социальных функций в одном исполнителе. И лишь затем, применительно к детальным функциям, «спроецируем» структуру самих функций (их исполнений) на реальное множество исполнителей (население). Примем, таким образом, что число «занятых», приводимое в статистике, есть на самом деле численность не каких-то конкретных физических лиц, множество которых не пересекается ни с одним другим множеством, а только – множества лиц, регистрируемых как «занятые», т.е. множество исполнений социальной функции «занятость в производстве». И точно так же – по поводу незанятых. Численность занятых плюс численность незанятых будет в этом случае заметно превышать численность населения, поскольку в ряде случаев (совмещения функций) одно и то же лицо считается дважды: и как «занятое», и как «незанятое».

И терминологически будем отличать множество исполнений данных социальных функций от множеств их исполнителей (в силу возможного совмещения социальных функций в деятельности одного и того же исполнителя). Множество исполнений двух и более (пересекающихся) функций вообще будет заметно превышать множество их исполнителей. Но множество исполнителей полного (всеобъемлющего) набора социальных функций есть по необходимости все народонаселение. Поэтому превышающее его общее множество исполнений всех таких функций будем называть функциональной активностью населения. Точно так же совокупность функций, детализирующих одну какую-то макрофункцию, должна по своей функциональной активности быть тождественной функциональной активности самой этой макрофункции. Это создает предпосылки для простой формулировки требования поуровневой сбалансированности структурного многоступенчатого прогноза.

Вернемся к членению народонаселения на занятых и незанятых. Оно основывалось на отношении к общественному производству, но современная организация общественного производства ориентируется на рыночную экономику. В связи с этим занятость включает две функции: наемных работников (трудящихся), доход которых формируется из их заработной платы (ЗП) – и собственников предприятий, фирм, бизнесов (в целом называем их предпринимателями), доход которых формируется как соответствующая присвоенная прибыль. Это определяет наличие соответственно двух социальных слоев занятых; тогда незанятые образуют третий социальный слой, причем все эти слои пересекаются.

Поскольку труд и капитал (собственность) являются основными факторами производства, доходы трудящихся рассматриваются как оплата труда, а доходы предпринимателей – как проценты на капитал. Частный собственник (предприниматель)

может быть физическим лицом или корпоративной структурой. В последнем случае корпоративная прибыль обычно распределяется между собственниками пропорционально их участию в капитале фирмы. Так что доходы занятых (называемые активными доходами), подразделяются соответственно, – на трудовые и предпринимательские.

Что же касается незанятых, то в современных социальных рыночных экономиках для них выделяют определенные средства – из бюджетов, централизованных фондов или из накоплений самих трудящихся и предпринимателей, сделанных ими на протяжении трудовой жизни (страховых фондов) – в виде пособий, страховых выплат, пенсий и других социальных выплат, т.е. социальных трансфертов в денежном выражении². В случае масштабных и дорогостоящих социальных услуг здравоохранения, образования, жилищного обеспечения и жилищно-коммунальных услуг эти выплаты и стоимость «бесплатных» услуг (натуральные социальные трансферты) составляют огромные суммы, сопоставимые с активными (заработанными) денежными доходами населения.

Таким образом, к макроуровню ФСС относим: народонаселение в целом (нулевой уровень); занятых и незанятых (первый уровень); наемных работников, предпринимателей и незанятых (второй уровень). В связи с тем, что при этом увеличение числа структурных единиц по мере перехода к нижележащим ступеням иерархии происходит еще очень медленно, представим макроструктуру ФСС в виде прямого перехода от нулевого уровня ко второму. В таком упрощенном варианте будут теперь только два уровня: нулевой и (новый) первый. Структурные единицы (нового) первого уровня ФСС будем называть уже упомянутыми социальными слоями. Разделение занятых на наемных работников (слой *T*) и предпринимателей (слой *П*) обычно; присоединение к ним незанятых в виде особого слоя *S* – результат всеобъемлющего подхода к описанию населения, охватывающего все категории его. Это связано, с одной стороны, со степенью доступности необходимой статистической базы, а с другой стороны – с задачами, которые ставит перед собой структурная теория. Действительно, теория должна быть обеспечена статистически, т.е. содержать показатели, фиксируемые статистикой или те, которые могут быть восстановлены с приемлемой точностью по имеющимся статистическим данным. Этот фактор сам по себе не дает возможности углубляться в функциональную детализацию населения слишком далеко (до уровня структурных групп населения, доходы которых регулируются отдельными (специальными) законодательными актами), или ограничиваться чрезмерно крупными социальными образованиями, ставя довольно жесткие рамки при выборе степени детализации структурной теории.

В категории наемных работников есть два обстоятельства, которые не позволяют рассматривать этот социальный слой как однородную социальную группу. Первое из них кроется в нетранспарентности экономики и социальной сферы, наличии те-

² Поэтому такие незанятые иногда именуется «трансфертниками».

невой занятости в теневом секторе, т.е. производствах, обменах, финансовых операциях, не регистрируемых статистикой. Однако оказывается, что путем сопоставления разнородных статистических данных можно составить представление (гипотетическое) о масштабах деятельности теневого сектора как в части занятости в нем, так и в части его доходов (это видно уже на примере оценок общих объемов теневого производства, возможного и вне теневого сектора и теневой занятости) для учета теневой экономики (Тарасова, 2006б). Значимость же такого учета не требует особых пояснений. Второе обстоятельство связано с различной степенью регулируемости ЗП – основных видов трудовых доходов – в государственном секторе и в частном секторе. Регулирование ЗП госслужащих осуществляется социальными законодательными актами. Регулирование же ЗП в частном секторе осуществляется – в национальном масштабе – путем установления минимального уровня оплаты труда (МРОТ).

В соответствии с этими соображениями при наличии статистического обеспечения можно детализировать слой наемных работников на легальных трудящихся (в том числе госслужащие и более низкооплачиваемые «бюджетники») и теневых. Слой предпринимателей также детализируем на легальных и теневых. Функции структурных подразделений слоя трудящихся, легальных и теневых, равно как функции аналогичных структурных подразделений слоя предпринимателей (также легальных и теневых) будем называть социальными ролями, исполняемыми соответственно слоем трудящихся и слоем предпринимателей.

В слое незанятых картина получателей доходов более пестрая, чем в случае активных слоев. Это доходы, не заработанные в ходе экономической (производственной) деятельности, а получаемые из бюджетов или социальных фондов в качестве социальной помощи, социальных пособий и других социальных трансфертов. Каждый вид социальной помощи соответствует определенному социальному статусу его потенциальных получателей, или определенной социальной роли в обществе. Можно, следовательно, различить 5 типов социальных ролей, которые могут исполнять незанятые члены общества: пенсионеры, стипендиаты, дети (с пособиями), безработные и иждивенцы.

3.2. Исполнения и исполнители социальных функций и ролей.

Социальные группы

Характерное для ФСС обстоятельство: все структурные единицы трех уровней иерархии ФСС в действительности не являются непересекающимися группировками населения. Если некоторый индивид принадлежит данному социальному слою, то он может принадлежать также и некоторому другому слою. И если известны численности социальных слоев, то это вовсе не означает, что известна и общая численность населения (по сумме численностей слоев), ибо социальные слои – как группировки населения – не аддитивны. Сумма численностей социальных слоев значительно превосходит численность населения. Это же относится и к более мелким структурным единицам

(так, трудящийся может быть также пенсионером; а человек на пенсии может начать следить за курсом акций и направить свои сбережения на покупку-продажу их, т.е. стать предпринимателем). Поэтому правильнее говорить о наемных работниках, предпринимателях и незанятых (или их более дробных группировках, скажем, легальных трудящихся) не как о конкретных (физических) исполнителях соответствующих социальных функций, обладателях соответствующих социальных статусов, а как о самих исполнениях социальных функций с определенными социальными статусами.

Тогда исполнение роли трудящегося будет означать одно, а исполнение роли пенсионера – совсем другое, и если мы абстрагируемся от того, какое физическое лицо стоит за этими исполнениями, то сами по себе они не заключают в себе ничего тождественного. Количества исполнений разных ролей можно будет складывать – они аддитивны. Но это уже будут не численности соответствующих групп населения, а абстрактные исполнения определенных социальных функций (ролей), обладания определенными социальными статусами. Конечно, за каждым исполнением определенной социальной функции (роли) стоит совершенно определенный человек, т.е. множество этих исполнений однозначно проектируется на множество исполнителей. Но обратное неверно, так как множество исполнителей может проектироваться как на одно, так и на другое множество социальных функций (исполнений социальных ролей, обладаний социальными статусами), а может – и на их объединение. Для измерения количеств исполнений разных социальных функций будем использовать понятие социальной активности (или просто активности) в их исполнении. Тогда количество исполнений одной и той же социальной функции, обладаний одним и тем же социальным статусом будет совпадать, как сказано, с численностью ее исполнителей. Сумма же таких количеств для разных социальных функций (ролей), т.е. сумма разнородных активностей – равная, конечно, общей активности по исполнению всех их – уже не будет, вообще говоря, равна суммарной численности исполнителей. Количество исполнений полного набора социальных функций, как правило, значительно превышает численность народонаселения; численность же их исполнителей не может превысить ее, а в случае полного набора социальных функций (ролей) обязана равняться ей. Суть дела, таким образом, состоит в наличии совместителей – лиц, исполняющих две или более социальные функции (роли), обладающие двумя или более социальными статусами. Такое лицо «проходит» по спискам как одной, так и другой из совмещаемых социальных функций, так что на одно физическое лицо тогда приходится более одного исполнения, создавая неаддитивность множеств исполнителей при объединении нескольких функций.

Чтобы избежать этого, следует выделять совместителей в отдельные социальные группы, оставив «чистых» исполнителей в прежних, теперь уже непересекающихся социальных группах. Таким образом, целесообразно образование еще одного, 4-го уровня функциональной социальной дифференциации – уровня социальных групп. Его субстратом будут служить именно исполнители социальных функций, образующие

систему непересекающихся множеств, где каждый тип исполнителя, по своему построению, будет характеризоваться «своей» социальной функцией или «своим» набором исполняемых функций. Это создает социальную группировку населения по непересекающимся группам, среди которых будут теперь смешанные группы совместителей (с несколькими социальными функциями), а тип исполнителя будет однозначно определять выполняемую им социальную функцию или набор функций (вид исполнения). Обратное же неверно, ибо данная социальная функция может теперь исполняться как «чистым» исполнителем, так и соответствующими совместителями (например, роль наемного работника может выполнять как «чистый» трудящийся, так и трудящийся предприниматель, и трудящийся пенсионер или подросток, и трудящийся стипендиат).

Будем рассматривать возникающие здесь социальные группы как низовой уровень структуризации ФСС (без дальнейшей детализации социальной структуры). В качестве совместителей выступают исполнители следующих наборов социальных функций (ролей): трудящиеся-предприниматели, пенсионеры-трудящиеся, пенсионеры-предприниматели, стипендиаты-трудящиеся, стипендиаты-предприниматели. Тогда множество социальных групп при $l = 1 \div 14$ составляют:

$l = 1 \div 3$ – трудящиеся и предприниматели (легальные), трудящиеся-предприниматели;

$l = 4 \div 8$ – пенсионеры, стипендиаты, безработные, дети (с пособием), иждивенцы;

$l = 9 \div 10$ – пенсионеры-трудящиеся или предприниматели;

$l = 11 \div 12$ – стипендиаты-трудящиеся или предприниматели;

$l = 13 \div 14$ – теневые трудящиеся или предприниматели.

Таким образом, при модельной трактовке ФСС мы имеем дело с 4-уровневой иерархической структурой. Остановимся на вопросе о масштабах деятельности структурных единиц по исполнению соответствующих социальных функций. Первые два уровня структуры ФСС – народонаселение в целом (нулевой уровень) и социальные слои (первый уровень) – можно называть для краткости макроструктурой ФСС, а первые три уровня – народонаселение в целом, социальные слои и социальные роли (второй уровень) – мезоструктурой ФСС. Наконец, всю четырехуровневую структуру, включающую еще и социальные группы (третий уровень), будем именовать микроструктурой ФСС. Те же термины (в узком смысле слова) будем употреблять и для нижних уровней соответствующих структур: тогда макроструктурой ФСС будем называть также совокупность социальных слоев, мезоструктурой – совокупность социальных ролей и микроструктурой – совокупность социальных групп.

Можно видеть, что все уровни иерархии ФСС, кроме последнего (уровня социальных групп), образованы более детальными множествами исполнений соответствующих функций, но отнюдь не множествами исполнителей. Для отдельно взятого слоя – скажем, трудящихся – множество исполнений функций трудового участия в

производстве и множество исполнителей этих функций по определению совпадают. Но уже для двух слоев (и тем более – всех трех) множества исполнений по-прежнему аддитивно накладываются друг на друга, ибо сами эти множества не пересекаются. Если количество трудящихся 60 млн чел., а количество предпринимателей – 20 млн чел., то общая занятость будет 80 млн чел. как общее количество участия в общественном производстве, т.е. множество исполнений всевозможных «производственных» функций. Но множество исполнителей будет меньше этой величины, поскольку часть исполнителей будет совмещать исполнение функций первого и второго типа (трудящихся–предпринимателей) в одном лице. Еще большее различие между множествами исполнений и множествами исполнителей будет при рассмотрении всей макроструктуры. Объединение множеств всех исполнителей социальных функций здесь будет меньше суммарного количества их исполнений на: количество лиц, совмещающих функции трудящихся и предпринимателей; плюс количество лиц, совмещающих трудовые и социальные функции, скажем, трудящихся-пенсионеров, «подрабатывающих» стипендиатов и т.д.; плюс количество лиц, совмещающих предпринимательские и социальные функции (пенсионеры, имеющие свое «дело», пакет акций и т.п.). Общее количество всех исполнителей не может превышать численность населения. Количество же исполнений – не только может, но и фактически, по статистическим данным, существенно превышает его.

В силу этих обстоятельств меры масштабов деятельности структурных единиц для макро- и мезоструктур будут несколько отличаться от таковых для микроструктуры ФСС. Именно, для макро- и мезоструктур ФСС основным показателем масштаба деятельности будет количество исполнений структурными единицами своих социальных функций. В силу отмеченной выше аддитивности этих показателей на всех трех уровнях иерархии, непересекаемости структурных единиц одного уровня, мезоструктура есть сфера доминирования категории исполнения социальных функций. Количество исполнений структурной единицей (или звеном иерархии) ее социальных функций есть социальная активность (или просто активность) этой единицы (звена).

Напротив, для микроструктуры ФСС – в узком смысле слова, как совокупности структурных единиц 4-го уровня иерархии социальных групп – непосредственной мерой масштаба их функциональной деятельности является численность исполнителей социальных функций. Микроструктура ФСС есть сфера доминирования категории численности исполнителей как количественной меры объема их функциональной деятельности.

3.3. Квантификация ФСС

Вопросы активности населения по исполнению социальных функций и ролей, межуровневых связей в ФСС, условий сбалансированности и статистического обеспечения ФСС, чистых исполнителей и совместителей социальных функций, наконец, социальных групп (микроструктура ФСС) были предварительно рассмотрены (и содер-

жательно, и формально) в препринте (Фаерман и др., 2015). Здесь же, подводя итог, отметим, что идя сверху вниз по уровням ФСС, можно (для официальных и скрывааемых показателей) с достаточной точностью:

во-первых, статистически или с привлечением расчетных процедур (в том числе по проверяемым и уточняемым гипотезам) оценить активности исполнения социальных функций (численность статистических исполнителей) на всех уровнях мезоструктуры;

во-вторых, оценить статистически или гипотетически численности физических исполнителей смешанных социальных групп;

в-третьих, по полученным оценкам рассчитать численности всех чистых исполнителей социальных ролей, являющихся в то же время членами чистых социальных групп.

Разделение на чистых и смешанных исполнителей социальных функций происходит только на нижнем уровне – уровне социальных групп. Вышестоящим уровням иерархии ФСС абсолютно чуждым является и само это разделение, и понятие физических исполнителей и их численностей. Поэтому установление активностей исполнения социальных функций на высших уровнях иерархии ФСС (или численностей их статистических исполнителей) плюс оценка – статистическая или расчетная – численностей физических исполнителей как чистых, так и смешанных социальных функций (численностей социальных групп) – есть все, что можно требовать от выполнения задачи квантификации ФСС.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описание общих положений как моделирования финансирования социальной сферы РФ в расширенном ее понимании (до сих пор не имеющем аналогов), т.е. с учетом связей со сферой производства, начатое в предыдущей статье (часть 1), завершается рассмотрением ее общей структуры в данной статье (часть 2), где особое внимание уделено анализу функциональной социальной структуры социальной сферы. Реализация изложенных основных положений была осуществлена в рамках информационно-аналитической комплексной системы НДП («Население, доходы, потребление») на основе семиотического подхода «в лице» семиотической методологии СМОД/СМОГ, что предварительно было отражено в препринте (Тарасова и др., 2016). Результаты исследования параметров и вариантов социальной политики, полученные при прогнозировании показателей системы НДП, были отражены в статьях (Tarasova et al., 2007, 2009) и ряде других публикаций, в том числе (Тарасова, Васильева, 2011), и предварительно обобщены в препринте (Тарасова и др., 2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарасова Н.А. и др. Моделирование финансирования социальной сферы РФ и анализ социальной политики. Часть 2. Реализация моделирования: семиотический подход / Препринт # WP/2016/321. М.: ЦЭМИ РАН. 2016. 98 с.
2. Тарасова Н.А. и др. Моделирование финансирования социальной сферы РФ и анализ социальной политики. Часть 3. Анализ параметров социальной политики / Препринт # WP/2017/323. М.: ЦЭМИ РАН. 2017. 91 с.
3. Тарасова Н.А. Роль вынужденной занятости в России переходного и кризисного периодов // Власть. 2011. № 2. С. 92–96.
4. Тарасова Н.А. Эффективность семиотического подхода в экономике и обеспечение достоверности показателей // Экономика и математические методы. 2012. Т. 48. № 4. С. 15–32.
5. Тарасова Н.А., Васильева И.А. Социально-экономический анализ объектов мезоэкономики (мезоэкономика в социальном измерении) // Мезоэкономика развития: коллективная монография / под ред. Г.Б. Клейнера. Гл. 9. М.: Наука. 2011. С. 719–768, 797–799.
6. Фаерман Е.Ю. и др. Механизмы и пропорции финансирования социальной сферы / Препринт # WP/2002/142. М.: ЦЭМИ РАН. 2002. 84 с.
7. Фаерман Е.Ю. и др. Моделирование социально-экономической структуры населения РФ, его доходов и варианты социальной политики // Россия в глобализирующемся мире: коллективная монография / под ред. Д.С. Львова. М.: Наука, 2004. С. 188–208.
8. Фаерман Е.Ю. и др. Моделирование финансирования социальной сферы и анализ социальной политики. Часть I / Препринт # WP/2015/313. М.: ЦЭМИ РАН, 2015. 66 с.
9. Tarasova N. et al. Analysis of the Social Policy Parameters by Forecasting Indicators of Social Sector Financing // Studies on Russian Economic Development. 2009. No. 5. P. 495–505.
10. Tarasova N., Hachatrjan S., Vasiljeva I., Tarasova M. Analizing Social Policy Alternatives through Modeling and Forecasting of the Consumption, Composition, and Incomes of the Population // Studies on Russian Economic Development. 2007. No. 1. P. 80–93.

Tarasova N.A., Vasilyeva I.A.

MODELING OF THE FINANCING OF THE SOCIAL SPHERE (IN EXPANDED UNDERSTANDING). PART 2. GENERAL STRUCTURE OF SOCIAL SPHERE

The paper analyses social functions and roles of population groups with functional approach for structure of population. It is the end of general presentation of the problems of modeling of the financing of the social sphere of Russian Federation. Financing of the social sphere is analyzed in a broader understanding of this sphere proposed by Dr. Sc. E.Yu. Faerman. The broader understanding of social sphere means taking into account social sphere interrelations with production (what still has no analogues). The presentation is based on the work carried out at CEMI RAS since 1999 (and continuing at the present time) in modeling the financing of the social sphere and analyzing the parameters and options for certain areas of social policy.

Keywords: modeling of the social sphere financing, functional structure of social sphere, social function social groups, roles of groups.

JEL Classification: B49, C80, O17.

ПРИНЦИПЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ*

В статье рассматриваются методологические и методические принципы разработки региональных стратегий социально-экономического развития. Актуальность исследования обусловлена необходимостью учета региональных факторов в разработке общенациональной социально-экономической стратегии. Цель исследования заключалась в анализе закономерностей формирования и развития центров развития исходя из оценки потенциала социально-экономического развития региона в различных аспектах. Методологической основой являются основные принципы и методы системного анализа потенциала социально-экономического развития региона.

Keywords: стратегическое планирование на региональном уровне, инновационная стратегия развития региона, потенциал социально-экономической системы региона, инновационно-ориентированные кластерные системы.

JEL Classification: P25.

Процессы межсубъектного взаимодействия будем рассматривать применительно к регионам. Под стратегией экономического развития регионов будем понимать, с одной стороны, документ, описывающий действия, предполагаемые к осуществлению и ориентированные на долгосрочную перспективу, а с другой – саму совокупность действий, протекающих в регионе и имеющих долгосрочные последствия в виде достижения долгосрочных целей и решения сложных комплексных проблем.

Любая стратегия развития экономического субъекта ориентирована на конечные задачи. По моему мнению, следует говорить о стратегиях формирования точек, или центров развития. Если этот принцип не соблюдается, то разработка стратегии и сама стратегия лишены смысла, превращаясь в некий ритуальный факт. Это предназначение стратегий и основная конечная цель стратегического планирования.

По своей структуре центры развития близки к кластерам. Однако не каждая кластерная структура может играть роль центра развития. Основными задачами центров развития должны являться активизация инновационной деятельности в регионах, концентрация ресурсов и факторов производства на ограниченной территории. Центры развития предъявляют потребности в получении факторов для своего развития и стимулируют создание на территории региона каркаса, отражающего направления развития *всех* секторов экономики.

Будем понимать под региональным центром развития (РЦР) определенным образом территориально локализованную социально-экономическую систему, образованную группой независимых экономических субъектов (предприятий и организаций), бюджетных организаций. Ее также образуют: объекты инфраструктуры, обществен-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-010-01028.

ные организации, органы исполнительной и законодательной власти, гражданского общества, стабильно взаимодействующие друг с другом путем обмена продуктами и услугами, людьми, информацией и обеспечивающими, в результате этого взаимодействия, более высокую эффективность функционирования каждого из участников по сравнению с аналогичными «несистемно организованными» экономическими субъектами. В основе каждого РЦР лежит возможность экспансии конкурентоспособных продуктов и услуг, производимых группой предприятий, образующих его основу или базовое производство РЦР необходимо рассматривать как точку притяжения факторов развития, их системной организации и их «усиления», в том, или ином аспекте, для решения актуальных проблем и достижения приоритетных целей. Именно аспект «вовлечения» и мобилизации человеческих, финансовых, инновационных ресурсов, максимизации эффективности их использования является главным. То есть РЦР являются точкой формирования или «центром кристаллизации» новой социоэкономической среды, нового человеческого потенциала. С новой нравственностью, стилем трудового и общественного поведения, с новой культурой человеческих отношений, готовностью к обновлению и стремлением его создать и т.д. Формирование таких центров кристаллизации является одной из важнейших составляющих модернизационного сценария в той мере, в какой они обеспечивают интеграцию новых идей, человеческого потенциала, технологий и т.п. Это обеспечивается за счет реализации системных эффектов технологической, информационной, инфраструктурной и институциональной взаимосвязанности предприятий и организаций, локализованных на определенной территории, а также социокультурной общности проживающего населения и формирующего персонал этих предприятий.

При этом развитие рассматривается в нескольких аспектах: экономическом, социальном, научном, политическом, техническом, культурном – в зависимости от того, какая функциональная подсистема региона совершенствуется, и в ней появляются новые качества.

В контексте основных задач госрегулирования экономических и социальных процессов основной принцип стратегического планирования на федеральном и региональном уровнях – это целевой принцип. Согласно ему, общественная результативность управления определяется уровнем достижения приоритетных целей и решением актуальных проблем социально-экономического развития. Формулирование и последующий анализ целей, формируемых в рамках социально-экономической системы региона, является исходным этапом разработки и реализации стратегии развития как региона в целом, так и его отдельных подсистем. Цели регионального развития образуются как интеграция целей основных участников политических, социальных, экологических и экономических процессов, на территории региона. Система приоритетов на множестве целей задает систему координат, в которой оценивается результативность принимаемых стратегических решений. В классике программно-целевого планирования предлагается структурировать цели социально-экономического развития на всех

уровнях хозяйственной иерархии в форме дерева, что естественно, и предложены принципы его построения.

Говорить о целевом принципе управления имеет смысл в случаях, когда существуют субъекты целеполагания и субъекты управления достижением целей. Во многих случаях это не одно и то же. В качестве *субъектов целеполагания* могут выступать органы управления в социально-экономических системах, как институционально определенные, так и неформальные, общество в целом, бизнес сообщество. В двух последних случаях должны существовать, выразители их интересов, такие как общественные и профессиональные организации, представительные органы, СМИ и пр.

Планомерная и эффективная экономическая деятельность на некотором определенном пространстве, например, на территории региона, или в рамках субъекта Федерации, предполагает соблюдение баланса интересов всех агентов социальных и экономических процессов, протекающих в ходе этой деятельности. Естественно это касается и деятельности по реализации долгосрочных стратегических направлений социально-экономического развития данной территории. В общем случае, предметом целеполагания могут быть любые значимые свойства рассматриваемой системы или ее элементов. Критерии значимости или незначимости данного свойства зависят от текущей ситуации, от факторов внешней и внутренней среды региона, системы целей и интересов основных агентов социально-экономических процессов. Значимые функции обеспечивают собственные потребности системы и удовлетворение потребностей ее участников. Поскольку цели социально-экономической системы представляют собой сложную интеграцию целей различных общественных групп: различных бизнес-групп (бизнес элиты, крупного, а также малого и среднего бизнеса), различных групп населения, а также органов управления, постольку и формулировки целей могут быть различные. Целесообразно выделить четыре типа формулировок.

1. В терминах необходимости достижения определенного уровня удовлетворения общественных потребностей (в целом или отдельных целевых групп). При этом под *целевыми группами* понимаются группа населения, общественные слои, бизнес-группы, являющиеся выгодополучателями от достижения данных целей.

2. В терминах обеспечения качества функционирования элементов СЭС, которые обеспечивают удовлетворение общественных потребностей. Транспорт, полиция, чиновники всяких рангов, организации социальной сферы, различные виды производств и пр. Важнейшей характеристикой является качество предоставляемых услуг.

3. В терминах достижения определенного желательного состояния субъектов, образующих целевые группы и являющихся носителями или выразителями соответствующих общественных потребностей (бюджетники, дети-инвалиды, пенсионеры, представители малого бизнеса, органы исполнительной власти, жители тех или иных районов и муниципальных образований и т.д.).

4. В терминах необходимости включенности или соответствия СЭС региона современным общемировым, прогрессивным тенденциям общественного развития.

Здесь могут рассматривать тенденции: в сфере образования, культурной сфере, природоохранной деятельности, в образе жизни, в духовной среде, в гуманитарном обмене, квалификации и специализации трудовых ресурсов, информатизации общества, развитии сферы общественных услуг, политической сфере и т.д.

В ходе структуризации целей развития региона в целом или его отдельных подсистем необходимо различать генеральные цели их функционирования и производные цели, обусловленные принятыми решениями о том или ином курсе и способе действий по достижению генеральных целей и возникающие как промежуточные задачи, объясняющие, что необходимо сделать, какие задачи решить, чтобы обеспечить достижение этих целей. Генеральные цели формулируются в соответствии с вышеизложенными способами и отражают:

- объем и качество удовлетворения различных общественных потребностей, которые могут удовлетворяться в ходе деятельности той или иной подсистемы;
- процессы создания и постоянного обновления потенциала будущего развития (накопление финансовых ресурсов, максимизация темпов роста, подготовка кадров, внедрение новых, перспективных технологий);
- необходимость максимально эффективного использования потенциала в соответствии с доминирующим в данной системе критерием оптимальности;
- внешние требования, предъявляемые обществом всем системам, которые в ходе своей деятельности используют ресурсы и производят какие-либо продукты и услуги: социальное развитие персонала, экологическая безопасность, создание рабочих мест, обеспечение социально обоснованных стандартов условий труда и пр.

В качестве генеральной цели федерального и регионального уровней принято рассматривать устойчивое, стабильное повышение качества жизни в регионах и в стране в целом. Составляющими данной цели, раскрывающими ее содержание на первом уровне, являются: повышение качества жизни населения; повышение потенциала будущего развития; обеспечение общественной безопасности и личной безопасности населения; охрана среды и эффективное природопользование; обеспечение высоких темпов *эффективного* устойчивого экономического роста. Данные цели в своем конкретном выражении объективно присущи любой СЭС и ее подсистемам. Могут меняться внешние и внутренние условия, состав и структура, составляющие и уровень потенциала. Вместе с этим могут меняться относительные приоритеты этих целей, приниматься те или иные управленческие решения, но перечень глобальных целей не меняется. Заметим, что в ряде случаев построения системы целей понятие эффективности часто выпадает, что представляется определенной неточностью.

В качестве примеров производных целей можно привести:

- повышение доходной базы бюджета региона;
- разработку и внедрение ИТ и создание новых продуктовых платформ с целью повышения конкурентоспособности предприятий, действующих в регионе;

– мероприятия по повышению квалификации персонала предприятий, развитие системы технопарков и информационной инфраструктуры, обеспечение мотивации персонала бюджетообrazи социообразующих предприятий;

– обеспечение оптимальной пропорции между созданием новых рабочих мест и сокращением действующих;

– завоевание доминирующего положения на определенном рынке продуктов и услуг и т.д.

Следует особо отметить, что понятие производных целей тесно связано с понятием стратегических параметров. Под последними будем понимать, с одной стороны, по определению значимые или важнейшие параметры, значения которых являются определяющим фактором достижения генеральных целей, а с другой – часто довольно затруднительно относить их к генеральным целям. В то же время, значения стратегических параметров позволяют адекватно оценить уровень социально-экономического развития региона. Это обстоятельство позволяет дать определение проблемы, или проблемной ситуации, как осознанное общественное суждение о неудовлетворительном значении стратегических параметров, характеризующих качество функционирования тех или иных функциональных подсистем социально-экономической системы региона в целом и уровне достижения интегральных целей. Естественно, что проблема может формулироваться, как низкий уровень достижения заданных, на целевой стадии планирования, целевых показателей. Однако, мне кажется, что «работать» с понятиями стратегических показателей и проблемный ситуаций проще и удобнее, чем с «монстром» дерева целей.

Как отмечалось, любая предложенная система целей должна образовывать некую единую систему координат, в которой исследователю необходимо оценивать результативность функционирования и развития различных подсистем СЭС региона и органов управления различного уровня, чтобы была возможность сопоставления затрат и результатов. Инструментом формирования такой системы целей, как уже говорилось, является их структуризация в виде дерева, хотя «чистого» дерева не получается в силу взаимосвязанности целей. Построение дерева целей помогает установить соотношения между целями, целевыми показателями и характеристиками средств их достижения. Описание каждой из целей должно содержать название определенной общественной потребности, а также критериев, характеризующих уровень ее удовлетворения. При этом цель более низкого уровня раскрывает и конкретизирует содержание цели более высокого уровня, отвечая на вопрос «что это значит». Ниже приведена структура интересов и ожиданий различных участников социально-экономических процессов на территории региона.

При планировании стратегии необходимо, помимо упомянутых выше агентов – населения, бизнеса и Администрации, рассматривать также федеральные органы исполнительной власти, действующие или планирующие свою активность на территории региона. Таким образом, и разработка стратегии и, тем более, ее реализация воз-

можны только как совместная деятельность, осуществляемая на основе баланса интересов и взаимных ожиданий.

Рис. 1. Структура основных критериев эффективности стратегии с учетом ожиданий и интересов основных участников

Представляется весьма актуальным ответ на вопрос, как может быть организована процедура прогнозирования макропоказателей экономического развития региона, которая позволяла бы учитывать необходимый баланс ожиданий всех участников разработки и реализации стратегии.

В качестве основных, мы опираемся на следующие принципиальные положения формирования региональных стратегий социально-экономического развития.

1. Стратегия – план действий направленных на социально-экономическое развитие региона, в котором принимают участие: Администрация региона, Федеральные органы исполнительной власти, частный бизнес, население, в соответствии со своим пониманием приоритетов развития и меру своих возможностей.

2. Интересы всех основных участников стратегии различаются, причем, даже в рамках одной группы, например: малого и среднего бизнеса, молодежи и лиц пенсионного и предпенсионного возраста, исполнительной и судебной власти.

3. Цели социально-экономического развития региона, так как они формулируются в рамках стратегии, представляют собой проекцию совокупности целей и интересов отдельных индивидуумов, различных социальных групп и слоев населения на определенную систему координат, задаваемую некоторой совокупностью целей и соответствующих целевых показателей и индикаторов. Общественные цели объединяются в четыре наиболее крупные группы: повышение качества жизни населения; обеспечение общественной безопасности и личной безопасности населения; стабильное

эффективное развитие экономики региона; повышение потенциала развития. При использовании такой структуризации целей, впрочем, как любой другой, критерии оценки эффективности стратегии у различных участников ее разработки и реализации различны. Различным участникам разработки и осуществления стратегии больше соответствуют те или иные формы и соответствующие целевые показатели.

Администрация – достижение определенного уровня удовлетворения общественных потребностей (потребностей общества в целом или отдельных социальных групп), (проекты), предлагаемые к реализации в регионе; возможности использования человеческого потенциала для развития региона; инфраструктурные ограничения; показатели рентабельности производства; производительность труда; поступления в консолидированный бюджет; среднедушевой доход; динамика инвестиций ВРП; налоговая база; структура экономики и бюджета; демографические показатели; показатели деловой и социальной активности населения и бизнеса и т.д.

Бизнес – оценка эффективности перспективных направлений для ведения бизнеса; показатели рентабельности производства; производительность труда; инфраструктурные ограничения.

Население – качество деятельности тех организаций, которые обеспечивают удовлетворение общественных потребностей, (качество, цена и доступность предоставляемых услуг); состояние субъекта потребности в разрезе различных целевых групп; социальные последствия реализации действий, предусматриваемых бизнесом и Администрацией в рамках осуществления стратегии.

Значения параметров, характеризующих степень или уровень соблюдения этих интересов и удовлетворяющих участников социально-экономических процессов, будут соответствовать желательному состоянию социально-экономической системы региона, обеспечивающему баланс ожиданий и интересов.

Принципы моделирования макропоказателей развития региона

Мы опираемся на принципы нормативного или целевого прогнозирования, который представляет собой определение возможностей, условий и сроков достижения состояния системы, желательного с точки зрения всех заинтересованных сторон. То есть, имеется в виду прогнозирование возможностей достижения желательных состояний на основе заранее заданных норм, идеалов, стимулов, целей. Такой прогноз отвечает на вопрос: какими путями и при каких условиях может быть достигнуто желаемое состояние управляемой системы.

В этой ситуации, довольно сложно использовать методы прогнозирования, основанные на экстраполяции тенденций и построении корреляционных зависимостей между основными макропоказателями, поскольку тенденции развития отдельных производств демонстрируют зависимость от целого ряда внешних факторов, которые в свою очередь не всегда прогнозируемы и могут анализироваться только в рамках определенных экзогенно задаваемых сценариев.

Это обуславливает использование подхода, основанного на анализе возможных вариантов развития различных секторов экономики, в предположении, что факторы, влияющие на ее развитие, могут изменяться тем или иным образом на определенном поле возможностей. По сути, этот подход основан на идеологии имитационного моделирования региональной экономики и социальной сферы и позволяет рассуждать в терминах, «что будет, если...». Предположения относительно возможных изменений влияющих факторов базируются на содержательном анализе социально-экономической ситуации в регионе и определяются выбранной инвестиционной политикой Администрации области, а также готовностью частного бизнеса проявлять инвестиционную активность. Основные параметры, являющиеся предметом моделирования: объем и динамика инвестиций; стратегия реинвестирования прибыли; количественные характеристики уровня поддержки бизнеса со стороны Администрации; ожидаемый объем выпуска продукции и услуг; производительность труда; уровень заработной платы; уровень рентабельности.

Основными факторами сбалансированного развития регионов являются: динамика привлечения инвестиций в экономику регионов и их эффективность; наличие кадров, имеющих опыт освоения и эксплуатации производств по выпуску конкурентоспособной продукции; традиции производства продуктов и услуг в регионе; наличие свободных производственных площадок с инфраструктурой в районах, обеспеченных необходимыми трудовыми ресурсами; благоприятный баланс трудовых ресурсов; готовность Администраций субъектов Федерации, включенным в рассматриваемые социально-экономические процессы к институциональным преобразованиям, направленным на повышение их инвестиционной привлекательности; наличие системы стратегического менеджмента в регионе. В качестве важнейших ресурсных ограничений рассматриваются необходимость соблюдения баланса трудовых ресурсов между вновь создаваемыми и действующими производствами, а также ограничение на объемы привлекаемых внешних инвестиций. Содержание баланса трудовых ресурсов заключается в том, что должен соблюдаться баланс между динамикой ввода новых производственных мощностей и закрытием действующих, на текущий момент, производств.

Логика анализа с использованием методов экономико-математического моделирования следующая. Сначала формулируются желательные значения управляемых макроэкономических параметров, характеризующих состояние области на определенные годы планируемого периода и отражающие взаимные ожидания основных агентов социально-экономической деятельности в регионах, факторов, определяющих возможные сценарии развития экономики региона. В ходе вариантных расчетов подбираются значения управляющих параметров и параметров внешней среды, при которых обеспечивается достижение желательного состояния. Далее, анализируются условия и возможности достижения планируемых значений. В частности, могут быть сформулированы требования к основным характеристикам инвестиционных процессов, с точки зрения необходимости достижения желательного состояния макроэкономических по-

казателей. Например, из целевой посылки превращения региона в бездотационный или малодотационный, или достижения нормативных значений бюджетобеспеченности населения региона в целом или по отдельным расходным статьям бюджета (в предположении, что структура будущих расходов бюджета может измениться или способна в перспективе определенным образом, в соответствие с рассматриваемых сценарием). При таком подходе, расчетным путем определяются соответствующие принятой динамике: ВРП, значения рентабельности, средней заработной платы, производительности труда, динамики внешних инвестиций и фондоотдачи. Таким образом, задается «конус развития», в системе координат, задаваемых макропоказателями, в рамках которого обеспечивается баланс взаимных ожиданий участников социально-экономических процессов в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов В.А. Стратегическое управление и экономическая безопасность. – М.: Академия экономической безопасности, 2006.
2. Гранберг А.Г., Шульберг Б.М., Адамеску А.А. и др. // Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы развития экономики. Коллект. авторов под ред. акад. Д.С.Львова. М., 2000.
3. Регионы России. Госкомстат М., 2010,
4. Программно-целевой метод в планировании. М.: Наука, 1983.
5. Сводный доклад о результатах и основных направлениях деятельности Правительства РФ. М., 2006.
6. Указ Президента РФ от 28 .06. 2007 №825 «Об оценке деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ».
7. Агафонов В.А., Петухова О.В. Доработка системы целей и унифицированной системы (перечня) показателей, характеризующих место субъекта Российской Федерации в социально-экономическом развитии Российской Федерации. Научный отчет РАН. М.: ЦЭМИ РАН.

Agafonov V.F.

PRINCIPLES OF MODELING MACROECONOMIC FACTORS OF REGIONAL DEVELOPMENT

This article discusses the methodological and methodological principles for developing regional strategies for socio-economic development. The relevance of the study is due to the need to take into account regional factors in the development of a nationwide socio-economic strategy. The purpose of the study was to analyze the patterns of formation and development of development centers based on the assessment of the potential of the socio-economic development of the region in various aspects. The methodological basis is the basic principles and methods of system analysis of the potential of the socio-economic development of the region.

Ключевые слова: strategic planning at the regional level, innovation strategy for the development of the region, the potential of the socio-economic system of the region, innovation-oriented cluster systems.

JEL классификация: P25.

THE IMPORTANCE OF CULTURAL AND INSTITUTIONAL CONTEXTS FOR MANAGING LARGE-SCALE ECOSYSTEMS OF VARIOUS LEVELS

The importance of cultural and institutional contexts for a correct understanding of the state and prospects of development of large-scale ecosystems of a different level – national, regional, sectoral, corporate, etc. is analyzed. Consideration of these contexts is necessary for adequate management of specific ecosystems.

Keywords: cultural context, institutional context, large-scale ecosystems, management.

JEL Classification: A12, B40, D21, M12, M14, O15, P00, Z10.

1. INTRODUCTION

Efficiency of managing the development of large-scale systems depends largely on the cultural and institutional context specificity. Culture and institutions, regarded from economic perspective, are related concepts – especially culture and informal institutional constraints such as “codes of conduct, norms of behavior, and conventions”, which are “a part of heritage that we call culture” [1, pp. 36, 37]. The impact of culture and institutions on economic behavior regarded from the different positions, including quantified and qualified ones, is studied *inter alia* in [2].

National and cultural differences of socioeconomic reforms are considered, as well as relations between culture and economic systems, culture and institutions, influence of culture on inter-firm relations on the example of Russian corporations which use hybrid agreements and mechanisms of transaction management

2. CULTURAL AND INSTITUTIONAL CONTEXTS

Cultural context is one of the major factors explaining the notion of the widely divergent paths of historical change. Culture can be defined, after Geert Hofstede, as *the collective programming of the mind that distinguishes the members of one group or category of people from others*. Being a collective phenomenon, culture can be connected to a verity of collectives, such as tribes or ethnic groups, nations, organizations, occupations, genders, generations, social classes and so on. For example, societal cultures reside (often unconsciously) in values, in the sense of *broad tendencies to prefer certain states of affairs over others*, while organizational cultures reside rather (visibly and consciously) in practices: the way people perceive what goes on within their organizational environment [3, p. 3].

Culture is one of the major factors explaining the notion of the widely divergent paths of historical change. “This divergence”, claims Douglass North, “is even perplexing in terms of standard neoclassical and international trade theory, which implies that over time economies, as they traded goods, services, and productive factors, would gradually con-

verge”. But the puzzle is that we, in the whole, observe the divergence, not the convergence. Why is that? Because “an overwhelming feature of the last ten millennia is that we have evolved into radically different religious, ethnic, cultural, political, and economic societies and the gap between rich and poor nations, between developed and underdeveloped nations, is wide today as ever was and perhaps a great deal wider than ever before” [1, p. 6].

Institutional context is connected to activity of all institutions – both formal and informal. Culture and institutions may be well enough understood in the language of information transmission “from one generation to the next, via teaching and imitation, of knowledge, values, and other factors that influence behavior” [4, p. 2]. The ability of culture and institutions to mutually reinforce is a good basis for their synthesis, i.e. synthesis of the cultural and institutional contexts.

Douglas North the idea of the importance of these two contexts expresses in such way: “Even the Russian Revolution, perhaps, the most complete formal transformation of a society we know, cannot be completely understood without exploring the survival and persistence of many informal constraints” which come, let us remind, “from socially transmitted information” as “a part of the heritage that we call culture” [1, p. 37].

The characteristics of culture and institutions especially matter in comparing the two social orders – one with open access and the other with limited access to political and economic power. It is of great importance that the currently dominant in the West open access orders (OAO) are the result of a specific historical, cultural and political-economic evolution of the Anglo-Saxon world and the related area of continental Europe. Special attention, along with the cultural and religious and other institutional factors, should be given to the linguistic shifts as the indicators of more than a thousand years of evolution from limited to open access orders, focused in the transformation of the synthetic structure of the language into the analytic type, characteristic of modern English and (to a lesser extent) of other German (and Romanic) languages. The imposition of OAO as a model for borrowing by natural states, such as Russia, where the limited access orders (LAO) dominate and, in respect of the language (except, in particular, China with its consistently analytic language) – another, i.e. synthetic culture, tradition, institutional structure prevails, is devoid of evidence-based epistemological and ontological framework. The result of uncritical borrowing can be, instead of the development of the economy, the loss of own, albeit inefficient, identity due to the conflict between the analytics of institutions and the synthetics of their carriers, and the ensuing degradation and transformation into an appendage (raw material appendage – in case of Russia) of the Western world. To avoid this, the policy option should be construction (without reference to the logic of OAO) of institutions facilitating the evolution / transformation of the natural states and their economic development, rather than artificial copying of the institutional forms of OAO [5].

3. LARGE-SCALE SYSTEMS OF VARIOUS LEVELS

On the national level, for an adequate description of specificity and features of human nature, and, therefore, the behavior of economic agents, it is necessary to take into account, as for Francis Fukuyama, genetic (in the form of propensities or predispositions) and cultural factors (fixed by means of the learning mechanism) factors [6].

National specificity is superimposed on genetics: on the whole, Western civilizations with their inherent two-valued logic of thinking and the dominance of open access orders in society are more prone to economic exchanges – transactions, while Eastern civilizations, with their multi-valued logic and limited access orders, on the contrary, are more prone to social exchange processes – interactions.

Cultural and institutional differences can be regarded on the example of two neighboring nations – USA and Mexico: (i) in the absence of a greater power distance index value, American society, compared to the Mexican society, is *less tolerant* of inequality; (ii) having a lower uncertainty avoidance index, USA are *more tolerant* of uncertainty; (iii) USA are characterized by a *higher individualism* index value; (iv) USA have a *lower masculinity* (*higher femininity*) index value when compared to the Mexico, although the difference is not as great as with the aforementioned dimensions; (v) as to long-term vs. short-term orientation dimension, the USA are not a leader, however when compared to Mexico they are *more long term oriented* [7, p. 94].

Let us now compare two neighboring countries in Asia – China and India. The differences between the two are not only in culture, but also in terms of doing business and making foreign investments. In spite of many differences, there are some similarities between these two neighboring countries: (i) their economic success is based on implementation of large-scale process of reforms, which are constantly under review by the government; (ii) they use a five-year plan as a framework of economic policy and designing of reforms; (iii) both of them employ economic instruments, e.g. attraction of Foreign Direct Investment (FDI) through fiscal incentive, to increase country competitiveness; (iv) they created free trade zones to accommodate foreign investments: Special Economic Zones in China and Export Processing Zones in India; (v) the governments of both countries are willing to tackle the regional development problem and related issues to provide sustainable economic growth. Nowadays, China and India keep each other in their eyesight and view each other as competition. One of the current distinctions between China as the ‘factory of the world’ and India as the ‘world’s back office’ in international trade may be changing in the coming decade, since China is aiming to develop its service sectors, whereas India hopes to move towards skill-neutral mass manufacturing [8, pp. 107–109].

On the corporate level, impact of culture on the example of Russian corporations is studied *inter alia* in [9] who underline some specific cultural characters of the organizations of inter-firm cooperation in the Russian industrial market and some of Russian-specific cultural factors applying to these organizations revealed by them. Here are these factors: (i) un-

der the conditions of instability, personal relationships and past experiences of mutual obligations, which are factors in the formation of trust, are not able to fully mitigate the risks associated with specific assets. As a result, as asset specificity grows, while trust in the partner and confidence in the implementation of agreements is reduced; (ii) the weak legal institutions underpinning the Russian economy were found to exert a strong influence on the parameters of informal ties of the corporations' inter-firm cooperation; (iii) greater significance is accorded to the mechanisms impacting the partner and the control of the implementation of the contract, forming an alternative to trust; (iv) over the past decade, the consolidation of management functions began to implement control functions without, as a general rule, also unifying the assets of various actors, i.e. on the basis of legal independence [9, p. 50–51].

Another example of organizational or corporative culture, which matters for minimizing working capital being extremely important for any company that is willing to not only continue its existence, but more importantly, for a company willing to grow, is given in [10]. The conclusion is as follows: while many organizations might appear profitable on paper, quite often they find themselves in a position where they are unable to pay their short-term debts as they come due, and, as a result, they are forced into bankruptcy. In order for companies to be efficient they need to strive towards minimizing their working capital, and if possible (depending on the industry and type of business) move towards negative working capital. However, there is a fine line between negative working capital resulting from highly efficient operations and negative working capital leading to bankruptcy. In a certain sense, working capital minimizing means the *minimum* that *fits* the company and increases its efficiencies.

On the regional level, the impact of culture and institutions is universal: it applies not only to developing and transitional countries, but also to fully industrialized and institutionally developed countries and the regions within these countries. For example, in one of the works on social capital in Italy Putnam et al. [11] show that the consequences of institutional changes in Italy in the 1970s are depicted, where the central government established 15 regional governments. It would seem that they all had to function more or less in a single key and come to similar results. In practice, everything turned out differently. And the reason was the deep differences between the central-northern and southern regions which date back centuries. Regions in which the institutions of free cities (free cities) – with the beginnings of participative democracy, political organization, providing their citizens with public goods, etc. were developed in the Middle Ages – were more advanced in the sense of civil and cooperative behavior of their citizens, whose culture was transmitted from generation to generation [12, p. 2].

Another example: in the USA there are least three coexisting subcultures – political culture-individualistic or individualistic (individualistic), moralistic (moralistic), and traditionalistic (traditional) [13] whose roots go into opposition to the «marketplace» (the pursuit by individuals of their own interests in the market and through the market) and the com-

monwealth (the cooperation of individuals for achieving common goals rooted in moral principles)», with more or less pronounced regional localization [14, p. 4].

On the transitional level, the relevance of the cultural and institutional contexts are particular importance, because the strategy of reforms depends on the nature of the economic systems, assuming that the measure of the gradual and radical development processes is based on the internal systems of genotypic regularities, which include the conservative and liberal lifestyles, their change and unity. To effectively reform Russia, the Russian genotype mutations, characterized by the excessive dominance of conservatory order, need to be eliminated. This can be done through an evolutionary reform strategy, assuming both the transformation of the old order and the gradual construction of genotypic economic models. Institutional trajectory of modernization should start with the «top» level of the existing features of economic systems and be concluded with the consideration of the general genotypic regularities of the global economic system, which does not deny the cultural and socio-economic features of the countries and regions. See also a paper [15], where A. Arkhipov, B.Yerznkyan and E. Martishin analyze evolutionary-institutional patterns and factors of economic growth and development on the example of a number of countries, which have demonstrated the “economic miracle”.

4. CONCLUSION

Recently, the topic concerning the importance of culture and institutions for economic outcomes and their influence on the economic process are taking on renewed relevance. Their relevance is of great importance at different levels and particularly in reforming the economy. Here are some conclusions of the paper.

National specificity is superimposed on genetics: on the whole, Western civilizations with their inherent two-valued logic of thinking and the dominance of open access orders in society are more prone to economic exchanges – transactions, while Eastern civilizations, with their multi-valued logic and limited access orders, on the contrary, are more prone to social exchange processes – interactions.

The restructuring of the world in American terms is ontologically meaningless and conceptually erroneous, because of universality of the requirement of an inordinate consideration of national characteristics – taking into account that even in the USA the coexistence of heterogeneous political subcultures is a reality that cannot be ignored.

The relevance of culture and institutions are of particular importance in reforming the economy. As demonstrated the Russian reforms, political factors, with uncritical transplantation of formal institutions, rather than economic factors played a significantly greater role in changing its trajectory of development.

REFERENCES

1. North, D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 152.
2. Yerznkyan, B.H. (2016). The Influence of Culture on the Economic Behavior. *Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia: Collection of scientific works* / Ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 35. Moscow: CEMI RAS: 78–87.
3. Hofstede, G. (2011). Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1).
4. Boyd, R., Richerson, P.J. (1985). *Culture and the Evolutionary Process*. Chicago: University of Chicago Press.
5. Yerznkyan, B. (2015). Evolution of Social Orders and Prospects of Economic Development // *The Evolution of Economic Theory: Economic Reproduction, Technology, Institutions*. St. Petersburg: Aletheia: 108–118 (in Russian).
6. Fukuyama, F. (1999). *The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order*. New York: Free Press.
7. Adkisson, R.V. (2014). Quantifying Culture: Problems and Promises. *Journal of Economic Issues*, 48(1), 89–107.
8. Vardanyan, A. (2011). China and India: Major Differences of Doing Business. *Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia* / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 20. Moscow: CEMI RAS, 105–109.
9. Popov, E., Simonova, V. (2015). The Impact of Culture on Inter-Firm Relations in Corporations. *Montenegrin Journal of Economics*, 11(1): 39–52.
10. Gassner, L. (2011). Minimizing Working Capital. *Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia* / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 20. Moscow, CEMI RAS: 110–112.
11. Putnam, R., Leonardi, R., Nanetti, R.Y. (1993). *Making Democracy Work*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
12. Alesina, A., Giuliano, P. (2013). Culture and Institutions. *NBER Working Paper No. 19750*. Cambridge, MA, 67.
13. Elazar, D.J. (1966). *American Federalism: A View from the States*. New York: Harper & Row.
14. Wirt, F.M. (1991). “Soft” Concepts and “Hard” Data: A Research Review of Elazar’s Political Culture. *PUBLIUS: The Journal of Federalism*, 21(2): 1–13.
15. Arkhipov, A.Y., Yerznkyan, B.H., Martishin, E.M. (2015). Anatomy of the “Economic Miracle”. *European Research Studies*, 18(3): 7–20.

Ерзнкян Б.А.

ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ КОНТЕКСТОВ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ КРУПНОМАСШТАБНЫМИ ЭКОСИСТЕМАМИ РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЕЙ

Анализируется значение культурных и институциональных контекстов для корректного понимания состояния и перспектив развития крупномасштабных экосистем различного уровня – национального, регионального, отраслевого, корпоративного и пр. Учет этих контекстов необходим для адекватного управления конкретными экосистемами.

Ключевые слова: институциональный контекст, культурный контекст, крупномасштабные экосистемы, управление.

JEL классификация: A12, B40, D21, M12, M14, O15, P00, Z10.

РАЗДЕЛ 2.

ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ

DOI: 10.33276/978-5-8211-0773-2-81-96

Б.А. Ерзнкян, А.Г. Аветисян, Г.А. Аветисян

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ПОДКРЕПЛЕНИЯ

Институциональная среда, или система, современной Армении характеризуется многими особенностями, присущими переходным экономикам, включая разнообразные институциональные ловушки. В то же время, наличие такого фактора как многочисленная и влиятельная диаспора, разбросанная по всему свету, придает внутренней институциональной системе внешнее измерение, способное существенно повлиять на развитие самой системы. Вектор этого влияния и степень его интенсивности может варьироваться – от пассивного до активного. Происходящие в стране радикальные институциональные сдвиги в результате «бархатной революции» вселяют надежду – при всех опасениях – на реформирование институциональной системы в направлении построения порядков свободного доступа с высоким уровнем доверия, минимизацией транзакционных издержек взаимодействия и активизацией потенциала диаспоры как действенного фактора институционального подкрепления.

Ключевые слова: институциональная система, социальные порядки, институциональное подкрепление, доверие, транзакционные издержки, диаспора, перспективы развития, Армения.

JEL классификация: E52, E58, G21, O16, O23, P51.

ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ АРМЕНИИ

Институциональной системе Армении как страны на постсоветском пространстве присущи многие изъяны, доставшиеся в наследство с советских времен и ставшие продуктом уже постсоветского периода. Если говорить кратко, самый большой изъян кроется в ограниченности доступа для широких масс населения к экономической и политической деятельности в рамках сформировавшихся *социальных порядков* (social orders) – то, что характеризуется понятием *порядков ограниченного доступа* (ПОД) (limited access orders, LAO). Коррупция и прочие негативные явления суть если и не выражения исключительно ограниченного характера социальных порядков, то, во всяком случае, сопровождающие порядки такого рода их типичные проявления. Здесь и далее, что касается связанного с социальными порядками терминологии, мы делаем отсылку к работам Норта и его коллег (North, Wallis, Webb, Weingast, 2010; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Норт, Уоллис, Уэбб, Вайнгаст, 2012).

Драматические события, начавшиеся в Армении весной 2018 г., судя по восприятию абсолютным большинством граждан страны, были как раз реакцией на такой

характер установившихся порядков. Требования покончить с коррупцией мы увязываем именно с запросом общества на установление *порядков свободного* (дословно открытого) *доступа* (ПСД) (open access orders, ОАО) или на приближение к ним, что не исключает, разумеется, и возможности манипулирования – будущее покажет – общественными устремлениями и желаниями.

В то же время, есть все основания полагать, что проводимые в стране и главным образом в ее институциональной системе преобразования носят исторический характер. Как будет совершенствоваться институциональная матрица страны, как будут приниматься адекватные поставленным целям и задачам институциональные решения – все это является предметом живого обсуждения. На новую политическую элиту, пришедшую к власти бескровным путем в результате всенародного движения, возлагается большая ответственность – оказаться в состоянии решить системные проблемы общества. В их число, в частности, входят: кардинальное снижение транзакционных издержек в экономике, обеспечение наиболее эффективного способа задействования ресурсного потенциала страны и ее диаспоры в реализации стратегии, призванной обеспечить устойчивое экономическое развитие и рост благосостояния граждан.

Излагаемые в настоящей статье идеи и подходы, методологические воззрения, базирующиеся во многом на достижениях новой институциональной экономики, хорошо корреспондируются с программными заявлениями лидера «бархатной революции», а ныне премьер-министра Республики Армении, Никола Пашиняна.

По-существу, вместо длительного эволюционного процесса у Армении появился исторический шанс на революционный рывок в развитии. На позитивные ожидания в успехе осуществления такого рывка действуют два важнейших фактора: во-первых, очевидная политическая воля новой власти на ее осуществление и, во-вторых, колоссальный и беспрецедентный уровень доверия к новому руководству страны со стороны населения – фактор, начисто отсутствующий в последние два десятилетия. При этом уровень необычайного воодушевления, солидарности и сплочения, ожиданий быстрых и позитивных изменений у населения сравним, разве что, только с началом девяностых годов прошлого столетия. Тогда власть не оправдала ожиданий народа, и на смену воодушевлению быстро пришел черед всеобщей апатии и озлобленности, приведший к массовой эмиграции – вызванной экономическими и морально-политическими соображениями – большого числа граждан страны.

Справедливости ради надо признать, что ситуация девяностых была по многим объективным причинам гораздо более неблагоприятной для осуществления революционных перемен. Среди причин можно отметить: активную фазу широкомасштабной войны в Арцахе; транспортную и энергетическую блокаду; последствия разрушительного Спитакского землетрясения 1988 г., повлекшего за собой не только колоссальные человеческие потери и трагедии, но и потерю примерно трети производственно-экономического потенциала страны; тысячи бескровных беженцев, бежавших от ужасов войны и геноцида и т.д. Действующая тогда власть не пользовалась тепереш-

ним одобрением и политической поддержкой со стороны внешних сил, ведущих стран мирового сообщества, и этом притом, что мотивы у них могут разные.

Очевидно, что современная ситуация несоизмеримо более благоприятная для проведения успешной институциональной и экономической политики реформ, чем в девяностые годы прошлого века. В самом деле, выросло качество жизни населения, созданы развитые институты экономической и политической жизни страны, однако, в условиях зачастую отсутствующего должного инфорсmenta действие этих институтов во многом было неэффективным и формальным, экономика функционировала в поле множества институциональных ловушек, включая ловушку упущенных выгод.

Тем не менее, наличие достаточно развитых институтов гражданского общества и вовлеченность в их деятельность большей части молодежи – все это вместе взятые создали определенные предпосылки для вынужденного исполнения действующей властью норм формальных институтов политических свобод и, тем самым, предопределили успешность «бархатной революции». Однако, она, конечно, еще не завершилась и для ее эффективного продолжения необходимо без снижения темпов приступить к разработке программы институциональных реформ и стратегии ее реализации. Но чтобы реформы были бы реализуемы и реальны, необходима в первую очередь инвентаризация имеющихся ресурсов и опора в большой степени на специфические ресурсы Армении – как материальные, так и нематериальные.

В современных условиях резко возрос фактор жесткой межстрановой конкуренции в борьбе за ресурсы и рынки. Поэтому проведенные нами исследования были направлены на выявление специфических ресурсов Армении в межстрановой конкуренции на мировом рынке и разработку предложений и рекомендаций по институциональному обеспечению эффективного задействованию потенциала развития страны, во многом обусловленного наличием такого ресурса.

В качестве такого нематериального ресурса для Армении выступает огромная для масштабов страны диаспора. Очевидно, что задействование подобного рода ресурса не может быть эффективно осуществлено без соответствующей государственной институциональной политики.

Впервые понятие специфичности ресурсов было введено в экономическую теорию применительно к инвестициям в человеческий капитал Г. Беккером в 1964 г., обратившим внимание на то, что некоторые знания и навыки имеют более высокую ценность в данных отношениях найма, чем другие (Беккер, 2003, с. 48–49). Если ресурс представляет интерес для многих производителей, и его рыночная ценность мало зависит от того, где он используется, то это ресурс общего назначения. Специфическим является тот ресурс, который в случае прерывания сделки не может быть использован в других проектах без ущерба для своей экономической ценности.

В дальнейшем, представления о специфических ресурсах были углублены и развиты Оливером Уильямсоном (1996), определившим специфические активы (ресурсы) как результат специализированной инвестиции, перепрофилирование которых

в случае провала сделки будет весьма затруднительным. Первоначально им было выделено четыре вида специфических ресурсов, после были добавлены еще два:

- специфичность местоположения, связанная со слишком большими издержками перемещения ресурса;

- специфичность физических активов (*physical asset specifisity*), когда осуществлены инвестиции в оборудование с определенными характеристиками, которое имеет меньшую ценность при его использовании в других проектах (здесь использовалась работа;

- специфичность человеческого капитала (*human asset specificity*), когда в результате обучения на рабочем месте работники приобретают специфические знания и навыки, которые имеют ценность только для данной фирмы и обесцениваются при потере работы в ней;

- специфичность целевых или «предназначенных» активов (*dedicated assets specifisity*), где, хотя капиталовложения идут в ресурсы общего пользования, однако они предназначены для одного-единственного конкретного пользователя;

- специфичность временная (*temporial specificity*), для которых существенное значение имеет координация производства (этот вид специфичности впервые был рассмотрен американским экономистом, видным представителем неoinституциональной теории С.Мастеном и его соавторами в (Masten, Meehan, Snyder, 1991) при анализе издержек организации военно-морского судостроения для того, чтобы подчеркнуть центральную роль времени и координации в этом виде деятельности);

- специфичность репутации, торговой марки (*brand name spesifisity*) – это невозвратные инвестиции в создание репутации или в торговую марку, которые теряют свою ценность, если товары или услуги фирмы окажутся низкого качества.

Нам представляется, что этот список отнюдь не является окончательным, и он может быть дополнен, в частности, ресурсом наличия диаспоры. Этот вид специфического ресурса, который полностью соответствует общему определению О.Уильямсона, возможно, не имеет такого широкого распространения (и в этом смысле он по-настоящему уникален, специфичен), но имеет большое значение для таких сверхкрупных и малых стран. Возьмем, к примеру, с одной стороны, Китай и Индию, а с другой – Армению и Израиль; они занимают соответственно первую–вторую и шестую–седьмую строчки в рейтинге стран по численности диаспор в абсолютном выражении.

В работе (Аветисян А., Аветисян Г., Ерзнкян Б., Ерзнкян М., 2017) представлен институциональный аспект анализа взаимодействия отмеченных стран со своими диаспорами и освещены механизмы повышения эффективности взаимодействия. В частности даны рекомендации по Армении, поскольку отсутствие соответствующих институциональных решений может привести к постепенному снижению экономической ценности диаспоры как специфического ресурса.

Кстати говоря, для Армении, как и для Израйля, этот вид специфичного ресурса, в условиях относительной скудности человеческих и природных ресурсов, гораздо бо-

лее критичен, чем для других стран. Надо отметить также, что в публичных выступлениях представителей новосформированного правительства, в том числе нового министра по делам диаспоры, наряду с поставленной целью обеспечения условий для широкомасштабной репатриации армян на историческую Родину, ставится не менее важная задача существенного повышения степени вовлеченности диаспоры в политическую и экономическую жизнь Армении. Сделать это предполагается путем задействования капитала диаспоры – человеческого потенциала, финансов, знаний, навыков, связей.

В целом рассуждения о задействовании потенциала специфических ресурсов обуславливают *достаточные условия* развития страны. Что касается *необходимых условий*, то к ним можно отнести: реформы, направленные на снижение транзакционных издержек, обусловленных такими институциональными ловушками, как коррупция, недобросовестная конкуренция, монополизм, квотирование и монополизация сфер деятельности во внешнеторговой сфере и т.п. Примеры их выявления, оценки и измерения транзакционных издержек, в том числе упущенной выгоды приведены в работе (Аветисян, Ерзнкян, 2014).

ИЗМЕНЕНИЕ СУТИ И МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Об апрелевских событиях 2018 г. в Армении мы говорили в терминах [бархатной] революции. Обоснованием может служить то, она выразилась в радикальном, коренном, глубоком и, главное, качественном изменении, в скачке в развитии общества. Эти изменения произошли в первую очередь в институциональной среде Армении, поэтому с политэкономической точки зрения по достигнутым на текущий момент целям революцию в Армении можно охарактеризовать термином – «институциональная революция» (в отличие от институциональной эволюции).

В первую очередь надо отметить, что результатом революции можно считать коренное изменение сути и механизмов государственного управления. По-существу, она наконец-то наполнила конкретным содержанием ст. 2 Конституции Республики Армения, которая гласит, что власть «в Республике Армения принадлежит народу».

Новое правительство, устами его главы Никола Пашиняна, на грандиозном по своим масштабам митинге 17 августа 2018 г. в Ереване, посвященном первым ста дням своего правления, заявило, что правительство в первую очередь подотчетно не парламенту, а народу. Сам факт такого заявления именно на главной площади Еревана – площади Республики – символичен, и он словно возвращает понятие демократического управления к самим истокам возникновения «демократии» в древней Греции с политической культурой общегражданских собраний на агорах – главных площадях городов-полисов. Примечательно, что Никол Пашинян заявил о намерении формирования новой в современных условиях политической культуры периодического проведения таких агор в Армении. Одновременно было заявлено, что проекты, судьбоносные для страны и народа (такие как, например, внесение изменений в Конституцию Армении или касающиеся судеб Арцаха), будут выноситься на всенародное обсуждение путем проведения референдумов.

Такого рода заявления нового правительства в корне противоположны образу действий прежних властей на протяжении как минимум последних двух десятилетий. Можно констатировать фундаментальное по своей сути и содержанию изменение институциональной среды Армении в сфере государственного управления. Основной характеристикой такого изменения можно считать создание механизмов обратной связи с народом, выражаясь в терминах кибернетического управления, можно утверждать, что сделан первый шаг к переходу модели управления Армении от разомкнутого типа к более эффективной модели замкнутого типа с отрицательной обратной связью.

Изложенное имеет прямое отношение к экономическому развитию Армении, поскольку создает атмосферу доверия народа к действиям властей, к осознанию и принятию им факта их легитимности, что в свою очередь способствует созданию необходимых условий для эффективного проведения экономических и политических реформ, которые зачастую могут быть болезненными и непопулярными для определенных групп общества. Тем самым власти, по-существу, получают кредит доверия для осуществления непопулистских, но объективно необходимых экономических реформ. Одновременно в обществе разрушается атмосфера апатии и безысходности, ее невовлеченности в происходящие в стране процессы.

Вдобавок действия переходного правительства в первые сто дней своего функционирования показали его неукоснительную волю по искоренению всех проявлений коррупции, казнокрадства, уклонения от налогов, недобросовестной конкуренции, монополизма, государственного квотирования по сферам деятельности и конкретным лицам и фирмам, т.е. революционных институциональных изменений по минимизации транзакционных издержек, обусловленных институциональной средой. Впервые на территории бывшего СССР была продемонстрирована эффективность институтов при неотвратимости инфорсmenta для их нарушителей. Все это предопределяет обоснованность ожиданий властей по поводу возрастания уровня доверия между властью и потенциальными, а также уже действующими на территории страны инвесторами, как внутренними, так и зарубежными, в том числе (что особенно важно) представителями диаспоры. Поэтому ожидания властей, связанные с всплеском притока инвестиций в экономику страны, выглядят, на наш взгляд, весьма убедительно.

Представляется, что на данном этапе институциональной революции наиболее слабым звеном является обеспечение гарантий защиты прав собственности, поскольку функция обеспечения механизма инфорсmenta при этом из сферы действий исполнительной власти, где может проявиться революционная воля новых властей, практически полностью переходит в сферу действий судебной власти, доставшейся в наследство от прежней коррумпированной системы.

Переходное правительство неоднократно декларировало и демонстрировало на практике, что категорически воздерживается от какого-либо воздействия на судебные власти с целью их принуждения к принятию конкретных судебных решений, обеспечивая тем самым одно из важнейших требований к формированию институциональной

среды для функционирования действительно рыночной эффективной экономики. С другой стороны, доставшаяся в наследство судебная система, будучи органичной частью коррумпированной системы, не имеет каких либо мотиваций к внутреннему самоочищению и реформам. Таким образом, возникает довольно уникальная и парадоксальная по своей сути и тупиковости ситуация в ходе институциональной реформы.

Этот парадокс может быть охарактеризован понятием институциональной ловушки нового типа: она порождается самим фактом проведения институциональной реформы ... по искоренению институциональных ловушек! Ведь в прежних, доапрелевских, рекомендациях соответствующих международных организаций, которые, по всей вероятности, базировались на концепции о неизменности существующих социальных порядков и политического режима и необходимости эволюционной институциональной реформы, важнейшим требованием было только обеспечение независимости ветвей власти – судебной и исполнительной. Эти рекомендации, безусловно, не могли ориентироваться на возможность осуществления институциональной революции и, соответственно, иметь в виду появление такого типа институциональной ловушки и вариантов ее разрешения.

В свете вышеописанной проблемы следует отметить, что при подготовке своих рекомендаций международные организации не могли опираться на опыт иных революций, например, на Украине, в Грузии или Киргизии, поскольку там не было даже намека на проведение каких-либо существенных шагов по обеспечению принципа независимости судебной власти. Приходится констатировать, что сложившаяся ситуация в Армении носит в своем роде уникальный характер. При этом, что обнадеживает, новое правительство вполне осознает важность и сложность обозначенной проблемы и в качестве возможности ее разрешения предлагает ввести новый институт – переходного правосудия. Предположительно, он должен не подменять собой действующий институт судебной власти, а способствовать разрешению парадоксальной институциональной ситуации, притом что механизмы и организации для нового и, очевидно, сложного института переходного правосудия предстоит еще разработать.

Основные надежды на возможность успешного решения выявленной задачи, как и других задач, которые могут возникнуть по ходу проведения реформ, будут связаны не только с политической волей и интеллектуальными возможностями нового правительства, но и с ожидаемым ростом уровня доверия.

Необходимо отметить, что доверие в институциональной экономике является фундаментальным фактором по снижению трансакционных издержек, под которыми подразумеваются все издержки, сопутствующие непосредственной деятельности фирм по выпуску своей продукции (товаров и услуг), а индивидов – по ее потреблению: это издержки поиска информации, проверки и подписания контрактов, обслуживания клиентов, защиты прав собственности. К этому добавим еще и издержки взаимодействия с членами общества, в котором проистекает экономическая деятельность, все многочисленные следствия недоверия, которые по своей экономической сути аналогичны во

многом введению дополнительного налога на разнообразные формы экономической деятельности (Фукуяма, 2004). В контексте нашего исследования это равнозначно тому, что недоверие является следствием высоких транзакционных издержек, порождаемых такими институциональными ловушками, как коррупция, сращивание бизнеса и власти, недобросовестная конкуренция и пр.

Все они – по отдельности и, тем более, вместе взятые – приводят к падению уровня активности инвесторов (внутренних и внешних, в том числе из диаспоры). Таким образом, можно утверждать, что понятие доверия относится к числу фундаментальных экономических категорий, характеризующих уровень развитости экономики. По существу, уровень развития страны зависит от ее национальной стратегии, базирующейся на доверии, ибо это единственно возможный вариант обеспечения ее инвестиционной привлекательности.

С институциональной точки зрения, уровень развития экономики той или иной страны можно охарактеризовать по степени минимизации транзакционных издержек общества, в формировании которых значительную роль играет уровень доверия. Безусловно, нулевой уровень транзакционных издержек на практике недостижим, как и невозможна физическая природа без сил трения. Однако, стремиться к их минимизации необходимо для приближения к описанию среды фундаментальными экономическими законами (как и в физике безвоздушного пространства).

Хотелось бы остановиться на очень знаменательном факте: на представлении в Национальном Собрании РА только что сформированным в результате революции правительством своей программы, которая как по форме, так и по содержанию была революционной и непривычной для парламентариев по сравнению со всеми правительственными программами за все годы обретения Арменией независимости. В этой программе не было обилия цифр по примеру предыдущих программ (хотя они, по существу, практически никогда и не достигались), отражающих целевые показатели экономической политики, но зато в ней четко были очерчены краеугольные камни институциональной политики, которую новое правительство обязывалось проводить. Упомянутым парламентариям, как, впрочем, и большинству представителей элиты экономической мысли в Армении, было невдомек, что вклад институциональной политики в экономическое развитие страны несоизмеримо выше, чем даже самой идеальной экономической политики.

Еще в 1998 г. Всемирным Банком было проведено масштабное исследование, охватывающее данные по 84 странам за период 1982–1994 гг., целью которого было выявление степени влияния качества экономической политики и качества институциональной среды на экономический рост, измеряемый показателем роста реального ВВП на душу населения (Keefer, Shirley, 1998). В роли показателей оценки качества экономической политики выступали: уровень инфляции, собираемость налогов и открытость для внешней торговли. Качество институциональной среды оценивалось степенью защищенности прав собственности и контрактов, которая измерялась индикато-

ром, разработанным в Международном руководстве по оценке страновых рисков, включающих, в свою очередь, многочисленные оценки, объединяемые в пять групп:

- 1) власти закона;
- 2) риска экспроприации собственности;
- 3) отказа от исполнения контрактов со стороны правительства;
- 4) уровня коррупции во властных структурах;
- 5) качества бюрократии в стране.

В процессе исследования Ф.Кифер и М.Ширли построили типологию стран по значениям отмеченных индикаторов, выделив по две градации уровня – высокого и низкого, определив затем для каждой из сформировавшихся групп средние значения показателя экономического роста.

Приведем результаты этого анализа, ранжированные по группам стран и темпам экономического роста:

- высокое качество экономической политики и высокое качество институтов – темп экономического роста – 2,4%;
- низкое качество экономической политики и высокое качество институтов – 1,8%;
- высокое качество экономической политики и низкое качество институтов – 0,9%;
- низкое качество обоих факторов – 0,4%.

В итоге было показано, что страны с неадекватной экономической политикой, но качественной институциональной средой росли в среднем вдвое быстрее, чем страны с обратной комбинацией уровня качества соответствующих факторов.

Есть основания предполагать, что выводы из приведенного анализа могут быть распространены и на Армению. *Raison d'être* таков: несмотря на негативную реакцию на новый формат программы правительства представителей депутатского корпуса парламента, составляющего пока его большинство и представляющего уходящую с политической арены правящую элиту, новое правительство совершенно правильно и своевременно придает в процессе программирования развития страны главенствующую роль именно цели обеспечения высокого качества институциональной среды как главному фактору обеспечения устойчивых и высоких темпов экономического роста и развития страны.

Безусловно, представленные умозаключения отнюдь не умаляют необходимость проведения адекватной экономической политики, в том числе макроэкономической. В этой связи, следует особо отметить в высшей степени профессиональные и адекватные действия ЦБ Армении, что ярко проявилось в период бурных, хотя и мирных по своему характеру, акций народного неповиновения в апреле 2018 г., а также в процессах становления нового правительства и первых его шагов в течение пресловутых ста дней. Вопреки ожиданиям (возможно, и желаниям) определенных сил внутри страны и за ее пределами, банковская система Армении проявила свою устойчивость и зрелость, что в немаловажной степени обеспечило стабильность как в экономике, так и в обществе. Этим самым она внесла свой вклад в обеспечение позитивных явлений в

экономике страны в этот период, как в части уровня инфляции, роста экономической активности, так и в отсутствии даже намека на проявления неуверенности, а уж тем более, панических настроений среди населения, что проявилось в росте депозитов и кредитования в банках. Надо признать, что такая картина не очень-то характерна для большинства стран в период революций.

В этой связи было параллельно проведено исследование особенностей банковской системы Армении, базирующееся на институциональном анализе ее места и роли в транзакционном секторе экономики, проблем и перспектив ее развития с точки зрения выделения в ней экзогенных и эндогенных составляющих транзакционных издержек и задач управления ими. Новая политика должна стать такой не только в связи с кардинальным улучшением институциональной среды, но и качественно новыми результатами с точки зрения уровня и качества экономического роста. Вместе с тем, в экономической политике надо резко увеличить проектную составляющую, основанную на разработке крупных инвестиционных проектов, базирующихся на анализе ресурсов и реализуемости, и в дальнейшем предлагаемых или рекомендуемых государством для их осуществления негосударственным, частным сектором.

При этом следует освободиться от определенных догм, вытекающих из слепого следования положениям неоклассической экономики или рекомендаций международных организаций, которые не учитывают реальное положение дел и специфику стран – реципиентов рекомендаций.

Если проанализировать их с точки зрения механизмов и решений в процессе исторического развития наиболее благополучных на данный момент стран (например, переломные капиталистические страны в своей истории наиболее высокими темпами развивались в период между 1950-и и 1970-и годами, когда действовало множество ограничивающих правил и высоких налогов; а экономический успех Сингапура был достигнут, несмотря на то, что вся земля в Сингапуре находится в собственности правительства, 85% жилья предоставляется государственными агентствами жилья, а 22% национального продукта производится государственными предприятиями, в то время как средний показатель в мире составляет около 10% (Ха-Джун Чанг, 2018, с. 33–35). Эти примеры предостерегают от некритического заимствования, или импорта, институтов и акцентируют внимание на выбор адекватного вектора развития институциональной системы.

ВЕКТОР ИЗМЕНЕНИЙ – ПОРЯДКИ СВОБОДНОГО ДОСТУПА

Для выбора вектора развития и разработки эффективной стратегии институциональных преобразований необходимо в корне изменить «аксиоматику прошлого», иными словами, «те убеждения, ту систему взглядов, то мировосприятие, на которых основывались до последнего времени наши действия, базировалось развитие общества» (Моисеев, 1998, с. 63). Это означает, что нужна новая институционализация общества, включающая как развитие неформальных (убеждения и пр.), так и формальных (право, механизмы принуждения к исполнению и пр.) институтов, способных в их

системной целостности содействовать социально-экономическому развитию страны (Ерзнкян, 2014, с. 24).

Обратимся в этой связи к социальным порядкам, которые в хронологически последовательной классификации Норта и др. делятся на три типа (при этом внимание авторов фокусируется на двух последних из них с акцентом на условия – одностороннего [движения вспять зафиксировано еще не было] – перехода между ними):

– порядки, предшествующие государственным (порядки, свойственные примитивным общественным образованиям охотников и собирателей);

– естественные государства (*natural states*), они же порядки ограниченного доступа (*limited access orders, LAO*) (ПОД);

– порядки открытого (*open access orders, OAO*), или свободного доступа (для удобства передачи русской аббревиатуры) (ПСД).

Для нас интерес представляет рассмотрение основных характеристик и отличительных признаков социальных порядков с двумя типами государственного и правового устройств – *ограниченного* (табл. 1) и *открытого*, или *свободного* (табл. 2), доступа.

Таблица 1

Порядки ограниченного доступа и им подобные структуры

Порядки и пр.	Характеристики	Примеры стран
Естественное государство (понятие, синонимичное порядкам ограниченного доступа) (по Норту и др., 2011)	Медленно растущие экономики, чувствительные к потрясениям. Политическое устройство, которое не основывается на общем согласии граждан. Относительно небольшое число организаций. Менее крупные и более централизованные правительства. Господство социальных взаимоотношений, организованных при помощи личных связей, включая привилегии, социальные иерархии, законы, которые применяются не ко всем одинаково, незащищенные права собственности и распространенное представление о том, что не все люди были созданы равными	Развитые страны до их перехода к открытому доступу. Развивающиеся страны. Переходные страны, включая Россию
Экстрактивное государство (по Acemoglu, 2002, 2012)	Наличие расовых и сословных границ. Военная элита <i>versus</i> трудовое население. Насилие как инструмент получения элитой доходов. Революция вместо модернизации. Отсутствие в долгосрочной перспективе экономического роста	Россия времен крепостного права. Колониальные страны Африки, Центральной Америки, Карибского бассейна и Южной Азии, служащие европейцам для извлечения (экстракции) ресурсов
Синтетический строй государства (по Ерзнкяну)	Связанность рациональных и нерациональных элементов государственного устройства и социальных порядков	Россия

Источник: Норт и др., 2011, с. 54; Acemoglu, 2002, p. 10; 2012, p. 15; Ерзнкян, 2015.

Порядки свободного доступа и им подобные структуры

Порядки и пр.	Характеристики	Примеры стран
Демократическое государство (порядки свободного доступа) (по Норту и др., 2011)	<p>Политическое и экономическое развитие</p> <p>Экономика, которая меньше страдает от отрицательного роста</p> <p>Сильное и динамичное гражданское общество с большим числом организаций</p> <p>Более крупные и более децентрализованные правительства</p> <p>Широкое распространение безличных социальных взаимоотношений, включая верховенство права, защиту права собственности, справедливость и равенство – все аспекты равноправия</p>	<p>Англо-американские (США, Великобритания, Канада и пр.)</p> <p>Западноевропейские (Франция, Германия и пр.)</p> <p>Восточноазиатские (Япония, Южная Корея, Тайвань)</p>
Инклюзивное государство (по Acemoglu, 2012)	<p>Отсутствие расовых и сословных границ</p> <p>Меритократия как основа формирования непрерывно меняющейся элиты</p> <p>Торг как основа получения элитой налогов</p> <p>Модернизация вместо революции</p> <p>Долговременный экономический рост</p>	<p>Бывшие колонии, в которых европейцы селились в массовом порядке и где функционировали европейские институты (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия как наиболее яркие примеры инклюзивного государства)</p>
Аналитический строй государства (по Ерзнкяну)	<p>Изолированность, атомарность и рациональность элементов государственного устройства и социальных порядков</p>	Англосаксонские страны

Источник: Норт и др., 2011, с. 54; Acemoglu, 2012, p. 15; Ерзнкян, 2015.

Порядки ограниченного доступа (limited access orders) Норт и др. называют также по-другому – естественными государственными. При этом они проводят разграничение между своим видением естественности и таковым у Гоббса. «Естественное государство» они передают в оригинале словосочетанием «*the natural state*», которое выступает синонимом порядкам ограниченного доступа, в то время как описанному Гоббсом «естественному состоянию» соответствует английское выражение «*the state of nature*». В последнем случае «масштаб организации и возможности человеческой организации крайне малы и нет государства», в то время как в первом – именно государство и выступает «устойчивой формой более крупных социальных организаций, возникшей пять-десять тысяч лет тому назад» (Норт и др., 2011, с. 56).

Порядки открытого доступа приходят на смену – при наличии ряда условий – порядкам ограниченного доступа, имеющим тенденцию к длительному существованию (85% населения мира живет ныне в них) вследствие способности государ-

ства оказывать содействие влиятельным индивидам в формировании господствующей коалиции в их собственных интересах. Делается это «таким образом, чтобы ограничить насилие и сделать возможным устойчивое социальное взаимодействие более крупного масштаба» (Норт и др., 2011, с. 56).

Модели социальных порядков не статичны: коль скоро общества подвержены изменениям, происходящим под влиянием разнообразных [эндогенных и экзогенных] факторов, их описание не может не быть принципиально динамичным, если, конечно, мы хотим добиться релевантного описания их устройства во времени и, добавим, пространстве. Важно отметить, что речь идет о динамике социальных изменений, что не предполагает с неизбежностью прогресса (Норт и др., 2011, с. 55).

Таблица 3

Типы порядков ограниченного и свободного доступа

Тип	Экономические организации (ЭО)	Политические организации (ПО)	Емкость, способность к насилию (violence capacity, VC)
Хрупкие ПОД (Афганистан, демократическая республика Конго, Гаити)	ЭО и ПО не очень-то различимы, за исключением	возможно, многонациональных фирм в хрупких ПОД	Все организации способны к насилию; гражданские и военные нечетко отделены
Базовые ПОД (СССР, Саудовская Аравия, Танзания 1970–1990-е гг., Мексика 1940–1980-е гг.)	Все ЭО – публичные или «частные» – связаны с коалицией, некоторые связаны с МНК	ПО контролируются государством – однопартийным или диктаторским. Оппозиция под угрозой	Многие VC организации – государственные, даже негосударственные обладают VC
Зрелые ПОД (Мексика с 1990-х гг., Бразилия, ЮАР, Индия, Китай)	Многие частные фирмы, некоторые МНК. Эффективно ограниченный вход, политически связанный	Много ПО, но зависящие от центра. Демократический процесс, если имеется, не может соперничать	Почти все VC контролируются государством
ПСД (Западная Европа, США, Канада, Япония)	Частные фирмы. Нет препятствий для создания ЭО и получения правовой поддержки государства	Никакой дискриминации для граждан учредить ПО или войти в нее	Нет негосударственных организаций, наделенных VC

Источник: North et al. 2010, p. 18–19.

В случае революционных институциональных изменений, как в ситуации с ориентацией на построение в Армении порядков открытого доступа, важно иметь в виду возможность институционального подкрепления, которое в общем случае может быть как со знаком «плюс», так и со знаком «минус» (Ерзнкян, 2017). Это понятие (institutional reinforcement) используется для передачи силы и характера воздействия институтов на их носителей, интенсивность которых со временем может претерпевать изменения. Концепция была разработана *inter alia* в трудах А.Грейфа (2013) применительно к способности институтов оказывать как стимулирующее, так и тормозящее воздействие на поведение экономических агентов. В последнем случае изменения мо-

гут привести к подрыву институциональной системы вместо ее развития. Как правило, такого рода изменения сопровождаются экзаптацией, «когда институт после его внедрения в эволюционно сложившуюся институциональную организацию экономики выполняет функции, которые не планировались и не учитывались при его импорте или выращивании» (Вольчик, Бережной, 2012, с. 166).

Особенно это касается упомянутого ранее института переходного правосудия. То что правительствам, нацеленным на создание рыночной экономики, следует в первую очередь «оформить эффективную юридическую систему, с помощью которой четко определяются права собственности, легко защищаемые и обмениваемые» (Rapaczynski, 1996, p. 89), можно считать общим местом. Институт, о котором мы говорим, является промежуточным, по выражению В.М.Полтеровича, и он должен быть подкреплён адекватными именно ему институтами. Сделать это нелегко, но необходимо. Уповать на то, что даже «если правительство ошибется с первоначальным распределением прав собственности, согласно теореме Коуза, частные агенты исправят эту ошибку в процессе свободных обменов, заключая соответствующие частные контракты» (Rapaczynski, 1996, p. 89) либо на что-то в этом духе контрпродуктивно.

Наше убеждение базируется на том, что такого рода упования ни к чему продуктивному не приводят. Вспомним слова лауреата Нобелевской премии Джозефа Стиглица о широко распространенных затруднениях и несостоятельности экономических преобразований в переходных странах: «В основе некоторых из этих заблуждений была наивная вера в Коузовы процессы – в то, что, как только права собственности будут распределены надлежащим образом, станут развиваться эффективные институциональные условия. Такая вера игнорировала как общие теории, которые предполагали возможность существования неэффективного институционального равновесия по Нэшу, необязательность эффективности эволюционных процессов, так и проблематичную природу прав собственности» (Стиглиц, 2001, с. 114). Сделаем также отсылку к статье (Ерзнкян, 2005), посвященной критическому анализу теоремы Коуза и марипулированию ею в идеологических целях.

Важно еще подчеркнуть различие между стационарными и нестационарными экономиками, которые семантически близки к порядкам соответственно открытого и ограниченного доступа. В стационарной экономике институциональное подкрепление с любым знаком на устойчивость системы в целом не влияет. Иное дело – нестационарная экономика (Лившиц, 2013), в которой заимствуемые формальные институты, будучи не или слабо конгруэнтными с неформальной институциональной системой, зачастую оказываются в роли институтов, подрывающих ткань институционального устройства экономики страны-реципиента.

В терминах психологической теории Б. Скиннера, где общее понятие подкрепления передается как *conditioning*, а частные – как *reinforcement* (усиление) и *punishment* (наказание, ослабление) соответственно, ослабление (подрыв) является именно наказанием, что в случае нестационарных экономических систем является таковым и в

буквальном, и в метафорическом смысле. Тот факт, что внешние (*extrinsic*) выгоды в состоянии контролировать поведение индивида и могут быть использованы в качестве мотивационных стратегий (Skinner, 1953), следует принимать во внимание наравне с фактом институционального подкрепления при формировании государственной, в частности инновационной, политики, тем более в условиях активизации внешних негативных факторов. Игнорирование этого чревато последствиями в виде отрицательного институционального подкрепления, приводящего в итоге к дисфункции – и так не страдающей стационарностью – экономической системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аветисян А.Г., Аветисян Г.А.* Теоретические вопросы трансакционных издержек в банковской деятельности // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 25. М.: ЦЭМИ РАН, 2012. С. 67–75.
2. *Аветисян А.Г., Аветисян Г.А., Ерзнкян Б.А., Ерзнкян М.Б.* Институциональный подход к задействию инвестиционного потенциала диаспоры в экономическом развитии Армении (с импликациями для России) // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 40. М.: ЦЭМИ РАН, 2017. С. 106–119.
3. *Аветисян А.Г., Ерзнкян Б.А.* Трансакционные издержки защиты прав собственности (на примере банковской системы Армении) // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 30. М.: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 133–140.
4. *Беккер Г.* Человеческое поведение. Экономический подход. М.: ГУ–ВШЭ, 2003.
5. *Вольчик В.В., Бережной И.В.* Отбор и экзактация институтов: роль групп специальных интересов // *Архипов А.Ю., Кирдина С.Г., Мартишин Е.М. (ред.).* Эволюционная и институциональная экономическая теория: дискуссии, методы и приложения. Гл. 8. СПб.: Алетейя, 2012. С. 165–187.
6. *Грейф А.* Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.
7. *Ерзнкян Б.* Постсоциалистическая приватизация и корпоративное управление в свете теоремы Коуза // Вопросы экономики. 2005. № 7. С. 121–135.
8. *Ерзнкян Б.А.* Экологический императив: утопия или необходимость // *Montenegrin Journal of Ecology*. 2014. Vol. 1. No. 2. P. 17–24.
9. *Ерзнкян Б.А.* Эволюция социальных порядков и перспективы экономического развития // Эволюция экономической теории: воспроизводство, технологии, институты. Материалы X международного симпозиума по эволюционной экономике и Методологического семинара по институциональной и эволюционной экономике. СПб.: Алетейя, 2015. С. 108–118.
10. *Ерзнкян Б.А.* Институциональное усиление: три типа отношений // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9. № 1. С. 27–38.
11. *Лившиц В.Н.* Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России, 1992–2013. М.: ЛЕНАНД, 2013.
12. *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М.: МНЭПУ, 1998.
13. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.
14. *Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б.* В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
15. *Стиглиц Дж.* Quis custodiet ipsos custodies? Неудачи корпоративного управления при переходе к рынку // Экономическая наука современной России. 2001. № 4.
16. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат; CEV Press, 1966. 702 с.

17. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.
18. Ха-Джун Чанг. Как устроена экономика. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
19. Acemoglu D. The World Our Grandchildren Will Inherit: The Rights Revolution and Beyond / NBER Working Paper. No. 17994. April 2012. URL: <http://www.nber.org/papers/w17944>.
20. Acemoglu D. Why not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment and Politics. NBER Working Paper. No. 9377. December 2002. URL: <http://www.nber.org/papers/w9377>.
21. Keefer Ph., Shirley M.M. From the Ivory Tower to the Corridors of Power: Making Institution Matter for Development Policy, Mimeo, World Bank, 1998.
22. Masten S., Meehan V., Snyder E. The Costs of Organization // Journal of Law, Economics and Organization. 1991. Vol. 7. P. 1–27.
23. North D.C., Wallis J.J., Webb S.B., Weingast B.R. Limited Access Orders: An Introduction to the Conceptual Framework. June 14, 2010.
24. Rapaczynski A. The Roles of the State and the Market in Establishing Property Rights // Journal of Economic Perspectives. 1996. Vol. 10. No. 1.
25. Skinner B.F. Science and Human Behavior. N.Y.: Macmillan, 1953.
26. Williamson O. Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete Structural Alternatives // Administrative Science Quarterly. 1991. Vol. 36. P. 269–296.

Yerznkyan B.H., Avetisyan A.G., Avetisyan G.A.
INSITUTIONAL SYSTEM OF MODERN ARMENIA: PROBLEMS AND PROSPECTS OF ITS REINFORCEMENT

The institutional environment, or system, of modern Armenia is characterized by many features inherent in transition economies, including a variety of institutional traps. At the same time, the presence of such a factor as a numerous and influential diaspora, scattered throughout the world, gives an internal institutional system an external dimension that can significantly affect the development of the system itself. The vector of this influence and the degree of its intensity can vary – from passive to active. The radical institutional changes taking place in the country as a result of the “velvet revolution” are encouraging, despite all the fears, of reforming the institutional system towards building open access orders with a high level of trust, minimizing transaction costs, activizing the potential of the diaspora as an effective factor of institutional reinforcement.

Keywords: institutional system, social orders, institutional reinforcement, trust, transaction costs, diaspora, development prospects, Armenia.

JEL Classification: E52, E58, G21, O16, O23, P51.

СИСТЕМА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ

Статья посвящена проблеме создания муниципальной статистики. Проанализированы основные источники информации, используемые органами местного самоуправления: данные Росстата, ведомственная статистика, административный ресурс органов местного самоуправления в виде похозяйственного учета поселений. Показаны возможности и ограничения использования различных видов информационных ресурсов в практике муниципального управления. Проанализированы проблемы недостаточности системы муниципальной статистики Росстата для целей разработки муниципальных стратегий и предложен подход к её развитию на основе анализа систем показателей, используемых в действующих стратегиях муниципального развития.

Ключевые слова: муниципальная статистика, информационные ресурсы, стратегическое управление.

JEL классификация: R00.

Сегодня в составе источников информации о МО можно выделить: а) данные государственного статистического наблюдения; б) ведомственные информационные ресурсы; в) данные похозяйственного учета поселений.

По линии Росстата МО являются объектом регулярного, как правило, годового наблюдения, программа которого представлена в формах отчетности (табл. 1 и 2).

Основу муниципальных данных составляют показатели формы:

1) федерального статистического наблюдения № 1-МО «Сведения об объектах инфраструктуры муниципального образования», введенной в действие во исполнение ст. 17 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;

2) правил предоставления органами местного самоуправления органам государственной власти статистических показателей, характеризующих состояние экономики и социальной сферы МО, утверждённым постановлением Правительства Российской Федерации от 11.11.2006 № 670.

Предназначение формы – обеспечение муниципальных властей информацией, необходимой для решения вопросов местного значения. По мере становления местного самоуправления федеральное статистическое наблюдение за МО претерпевало изменения, что нашло своё отражение и в структуре формы, количестве выходных показателей и методологии их расчета. К форме № 1-МО имеется Приложение – «Показатели для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» (разрабатывается в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» (в редакции Указа Президента РФ от 14 октября 2012 г. № 1384)

и постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 1317). Показатели Приложения используются субъектом РФ для мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления, по результатам которого МО выделяются стимулирующие или поощрительные гранты за счет ассигнований из бюджета субъекта РФ.

Форму № 1-МБ «Сведения об исполнении бюджета муниципального образования (местного бюджета)» предоставляют органы местного самоуправления каждого МО территориальным органам Росстата на основании данных годового отчета об исполнении бюджета. Составление и рассмотрение проекта бюджета МО, его утверждение и исполнение, осуществление контроля над исполнением, составление и утверждение отчета об исполнении бюджета МО – один из основных вопросов местного самоуправления, именно поэтому форму 1-МБ также разрабатывали в составе первоочередных форм, ориентированных на задачи управления такими образованиями.

Форма № 1-МС «Численность работников, замещавших муниципальные должности и должности муниципальной службы, по состоянию на 1 октября» показывает фактическую численность работников органов местного самоуправления и избирательных комиссий МО, замещавших должности муниципальные муниципальной службы, их распределение, по полу, возрасту, образованию, стажу муниципальной службы, направлениям подготовки, категориям и группам должностей.

Формы № 2-МС «Численность лиц, замещающих муниципальные должности и должности муниципальной службы, получивших дополнительное профессиональное образование», содержат данные о числе работников, замещавших муниципальные должности, и должности муниципальной службы, получивших дополнительное профессиональное образование – всего и в разрезе видов программ.

Форма № 1-Т (ГМС) «Сведения о численности и оплате труда работников государственных органов и органов местного самоуправления по категориям персонала» содержит показатели численности работников муниципальной службы по видам персонала и начисленные средства оплаты их труда, на основе которых рассчитывается среднемесячная заработная плата муниципальных служащих.

Респондентами этих форм наблюдения являются органы местного самоуправления. Заполненные формы отчетности поступают в территориальные органы Росстата в субъектах РФ. Территориальный орган статистики создает на их основе электронную версию с последующей автоматизированной загрузкой части информации из этих форм в Базу данных показателей муниципальных образований (БД ПМО) Росстата, лежащую в открытом доступе на сайте Росстата.

Органы местного самоуправления являются также респондентами целого ряда узкоспециализированных форм, направленных на мониторинг выполнения отдельных полномочий или необходимых для решения конкретных задач управления.

Форма № 1-разрешение «Сведения о выданных разрешениях на строительство и разрешениях на ввод объектов в эксплуатацию». Согласно статье 8 Градостроитель-

ного кодекса, органы местного самоуправления наделены полномочиями по выдаче разрешений на строительство и разрешений на ввод в эксплуатацию объектов, расположенных на их территориях.

Форма № 1-приватизация (жилье) «Сведения о приватизации жилищного фонда».

Форма № 3-ДГ (мо) «Сведения об автомобильных дорогах общего и необщего пользования местного значения и искусственных сооружениях на них, находящихся в собственности муниципальных образований».

Форма 4-жилфонд «Сведения о предоставлении гражданам жилых помещений».

Форма № 1–жилфонд «Сведения о жилищном фонде» и ряд форм федерального статистического наблюдения, программы которых описывают отдельные стороны муниципального хозяйства (напр., коммунальные услуги, благоустройство), респондентами которых, наряду с прочими, являются органы местного самоуправления.

Анализ состава показателей БД ПМО по состоянию на 01.01.2017 года, показал, что кроме форм отчетности Росстата, разработанных специально для целей статистического описания МО, к решению задач управления привлекаются показатели ряда форм федерального статистического наблюдения, сбор и обработка данных по которым также осуществляются в системе Федеральной службы государственной статистики. Как правило, респондентами этих форм являются юридические лица, чья деятельность протекает на территории МО. Примером являются формы П-4 «Сведения о численности и заработной плате работников», форма № П-1 «Сведения о производстве и отгрузке товаров и услуг», форма № П-5(м) «Основные сведения о деятельности организации», респондентами которых являются юридические лица. Показатели унифицированных форм отчетности Росстата, рассчитанные по МО, обеспечивают возможность оценки их вклада в аналогичные показатели субъекта федерации (табл. 1).

Таблица 1

Формы Росстата, используемые для характеристики состояния экономики и социальной сферы муниципального образования (БД ПМО)

	Форма отчетности Росстата	Периодичность	Разрезность
1	Территория		
	Форма № 1-МО «Сведения об объектах инфраструктуры муниципального образования»	годовая	все типы МО
	Форма № 3-ДГ (мо) «Сведения об автомобильных дорогах общего и необщего пользования местного значения и искусственных сооружениях на них, находящихся в собственности муниципальных образований»	годовая	все типы МО
2	Население		
	Форма № 1-РОД «Сведения о родившихся»	годовая	все типы МО
	Форма № 1-У «Сведения об умерших»	годовая	все типы МО
	Таблица 2-РН «Численность населения по полу и возрасту»	годовая	все типы МО

Продолжение табл. 1

	Форма отчетности Росстата	Периодичность	Разрезность
	Таблица 3-рн «Численность населения по полу и отдельным возрастам»	годовая	все типы МО
	Таблица МВ2 «Распределение мигрантов по полу и возрастным группам»	годовая	все типы МО
	Таблица РТ1 «Общие итоги миграции населения»	годовая	все типы МО
	Данные переписей населения	1 раз в 10 лет	все типы МО
3	Занятость и заработная плата		
	Форма № 1-МС «Сведения о составе работников, замещающих муниципальные должности и должности муниципальной службы по полу, возрасту, стажу муниципальной службы, образованию»	Годовая	все типы МО
	Форма № 2-МС «Сведения о дополнительном профессиональном образовании муниципальных служащих»	годовая	все типы МО
	Форма № 1Т-(ГМС) «Сведения о численности и оплате труда работников органов государственной власти и местного самоуправления по категориям персонала»	годовая	все типы МО
	Форма № П-4 «Сведения о численности и заработной плате работников»	квартальная	муниципальный район, гор.округ, внутригородская территория (внутригород. муницип. образование) города федерального значения
	Форма № 3-Ф» Сведения о просроченной задолженности по заработной плате»	квартальная	муниципальный район, гор. округ, внутригородская территория (внутригород. муницип. образование) города федерального значения
4.	Коммунальная сфера		
	Форма № 1-МО «Сведения об объектах инфраструктуры муниципального образования»	годовая	все типы МО
5.	Социальная поддержка населения		
	Форма № 22-ЖКХ (субсидии) «Сведения о предоставлении гражданам субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг» (квартальная)	квартальная	муниципальный район, гор. округ
	форма № 26-ЖКХ «Сведения о предоставлении гражданам социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг»	квартальная	муниципальный район, гор. округ
6.	Здравоохранение		
	Форма № 1-МО «Сведения об объектах инфраструктуры муниципального образования»	годовая	все типы МО
7.	Социальное обслуживание населения		
	Форма № 1-МО «Сведения об объектах инфраструктуры муниципального образования»	годовая	все типы МО

Продолжение табл. 1

	Форма отчетности Росстата	Периодичность	Разрезность
8.	Образование		
	Форма 85-К. «Сведения о деятельности дошкольной образовательной организации»	годовая	муниципальный район, гор. округ
	Форма № 1-МО «Сведения об объектах инфраструктуры муниципального образования»	годовая	все типы МО
9.	Спорт		
	Форма № 1-МО «Сведения об объектах инфраструктуры муниципального образования»	годовая	все типы МО
10.	Организация отдыха, развлечений и культуры		
	Форма № 1-МО «Сведения об объектах инфраструктуры муниципального образования»	годовая	все типы МО
11.	Охрана окружающей среды		
	Форма 4-ОС. «Сведения о текущих затратах на охрану окружающей среды и экологических платежах»	годовая	муниципальный район, гор. округ
	Форма 2-ТП (воздух). «Сведения об охране атмосферного воздуха»	годовая	муниципальный район, гор. округ
12.	Предприятия по переработке отходов		
	Форма № 1-МО «Сведения об объектах инфраструктуры муниципального образования»	годовая	все типы МО
13.	Сельское хозяйство		
	Форма 21-сх «Сведения о реализации сельскохозяйственной продукции»	годовая	муниципальный район, гор. округ
	Форма 2- фермер «Сведения о сборе урожая сельскохозяйственных культур»	годовая	муниципальный район, гор.округ
	Форма 3- фермер «Сведения о производстве продукции животноводства и поголовье скота»	годовая	муниципальный район, гор. округ
	Форма 24-СХ «Сведения о состоянии животноводства»	годовая	муниципальный район, гор. округ
	Форма 29-СХ «Сведения о сборе урожая сельскохозяйственных культур»	годовая	муниципальный район, гор. округ
	Форма 9-СХ «Сведения о внесении удобрений и проведении работ по химической мелиорации земель»	годовая	муниципальный район, гор. округ
	Форма 10-МEX «Сведения о наличии тракторов, сельскохозяйственных машин и энергетических мощностей»	годовая	муниципальный район, гор.округ
14.	Снабженческо-сбытовые сельскохозяйственные потребительские кооперативы		
	Форма 2- кооператив «Сведения о деятельности снабженческо-сбытовых сельскохозяйственных потребительских кооперативов»	годовая	муниципальный район, гор.округ
15.	Деятельность предприятий		
	Форма № П-1 «Сведения о производстве и отгрузке товаров и услуг»	квартальная	муниципальный район, гор.округ
	Форма № П-5(м) «Основные сведения о деятельности организации»	квартальная	муниципальный район, гор.округ

	Форма отчетности Росстата	Периодичность	Разрезность
16.	Строительство жилья		
	Форма № 1-МО «Сведения об объектах инфраструктуры муниципального образования»	годовая	все типы МО
	4-жилфонд «Сведения о предоставлении гражданам жилых помещений»	годовая	все типы МО
17.	Сведения о выданных разрешениях в строительстве		
	Форма № 1-разрешение «Сведения о выданных разрешениях на строительство и разрешениях на ввод объектов в эксплуатацию»	годовая	все типы МО
18.	Розничная торговля и общественное питание		
	Форма № 1-МО «Сведения об объектах инфраструктуры муниципального образования»	годовая	все типы МО
	Форма № П-1 «Сведения о производстве и отгрузке товаров и услуг»	квартальная	муниципальный район, гор. округ
	Форма № П-5(м) «Основные сведения о деятельности организации»	квартальная	муниципальный район, гор. округ
	Форма № 3-ярмарка «Сведения о числе торговых мест на ярмарках»	квартальная	муниципальный район, гор. округ
	Форма № 3-рынок «Сведения о числе торговых мест на рынках»	квартальная	муниципальный район, гор. округ
	Форма № 1-ИП (торговля) «Сведения о деятельности индивидуального предпринимателя в розничной торговле»	годовая	все типы МО
	Форма 1-ТОРГ «Сведения о продаже товаров организациями оптовой и розничной торговли»	годовая	все типы МО
	3-ТОРГ (ПМ) «Сведения об обороте розничной торговли малого предприятия»	годовая	все типы МО
	Форма ПМ «Сведения об основных показателях деятельности малого предприятия»	годовая	все типы МО
	Форма МП (микро) «Сведения об основных показателях деятельности микропредприятия»	годовая	все типы МО
19.	Бытовое обслуживание населения		
	Форма № 1-МО «Сведения об объектах инфраструктуры муниципального образования»	годовая	все типы МО
20.	Коллективные средства размещения		
	Форма № 1-МО «Сведения об объектах инфраструктуры муниципального образования»	годовая	все типы МО
21.	Почтовая и телефонная связь		
	Форма № 1-МО «Сведения об объектах инфраструктуры муниципального образования»	годовая	все типы МО
22.	Организация охраны общественного порядка		
	Форма № 1-МО «Сведения об объектах инфраструктуры муниципального образования»	годовая	все типы МО
23.	Основные фонды организаций муниципальной формы собственности		
	Форма № 11 «Сведения о наличии и движении основных фондов (средств) и других нефинансовых активов»	годовая	все типы МО

	Форма отчетности Росстата	Периодичность	Разрезность
	Форма № 11 (краткая) «Сведения о наличии и движении основных фондов (средств) некоммерческих организаций»	годовая	все типы МО
24.	Инвестиции в основной капитал		
	Форма № 1-МО «Сведения об объектах инфраструктуры муниципального образования»	годовая	все типы МО
	Форма П-2 (инвест) «Сведения об инвестиционной деятельности»	годовая	все типы МО
25.	Местный бюджет		
	Форма № 1-МБ «Сведения об исполнении бюджета муниципального образования (местного бюджета)»	годовая	все типы МО
26.	Финансовая деятельность		
	Форма П-3 «Сведения о финансовом состоянии организации»	годовая	все типы МО
27.	Формирование местного самоуправления в Российской Федерации		
	Форма 1-администрация «Сведения о муниципальных образованиях»	годовая	все типы МО

Примечание: Официальная статистическая информация в разрезе муниципальных образований разрабатывается в соответствии с разделом 1.33 «Муниципальная статистика» Федерального плана статистических работ (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 671-р с последующими изменениями).

Для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в базе данных МО сформирован отдельный блок показателей, данные в нём представлены в виде системы относительных показателей, позволяющих сравнивать муниципалитеты между собой. В табл. 2 представлены источники данных этого раздела. Значительная их часть не в полной мере отражают результаты работы органов местного самоуправления, по сути – это еще один набор показателей, характеризующих уровень развития МО, в значительной степени обусловленный различиями потенциалов муниципалитетов. Может быть предложен иной подход к методологии получения этой оценки, исходя из того, что с формальной точки зрения результативность менеджмента отражает меру приближения к цели. Сегодня, когда в практику управления активно внедряются программно-целевой подход и методы бюджетирования, ориентированного на результат, на муниципальном уровне имеет смысл обратиться к этому опыту, в том числе и зарубежному, применения методологии БОР для оценки действий муниципальных властей. Ясно, однако, что такому подходу к оценке эффективности менеджмента должно предшествовать масштабное и грамотное использование программно-целевых методов в практике стратегического управления.

Таблица 2

Формы Росстата, используемые для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления (городских округов и муниципальных районов)

Форма № 3-ДГ (мо) «Сведения об автомобильных дорогах общего и необщего пользования местного значения и искусственных сооружениях на них, находящихся в собственности муниципальных образований»	годовая	муниципальный район, городской округ
Приложение к форме № 1-МО «Показатели для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»	годовая	муниципальный район, городской округ
Форма № 1-МБ «Сведения об исполнении бюджета муниципального образования (местного бюджета)»	годовая	муниципальный район, городской округ с внутригородским делением
Форма С-1. Сведения о вводе в эксплуатацию зданий и сооружений	годовая	муниципальный район, городской округ
Форма № 1-ИЖС (срочная) «Сведения о построенных населением жилых домах»	годовая	муниципальный район, городской округ
Форма № 1-жилфонд» Сведения о жилищном фонде»	годовая	все типы МО
Форма 85-К. «Сведения о деятельности дошкольной образовательной организации»	годовая	все типы МО
Форма № П-4 «Сведения о численности и заработной плате работников»	годовая	все типы МО
Форма № П-2 «Сведения об инвестициях в нефинансовые активы»	годовая	муниципальный район, городской округ
Форма П-2 (инвест) «Сведения об инвестиционной деятельности»,	годовая	муниципальный район, городской округ
Форма № МП-СП «Сведения об основных показателях деятельности малого предприятия»	1 раз в пять лет	муниципальный район, городской округ
Форма № 1-предприниматель «Сведения о деятельности индивидуального предпринимателя за ... год»	1 раз в пять лет	муниципальный район, городской округ

Примечание: Разрабатывается в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» (в редакции Указа Президента РФ от 14 октября 2012 г. № 1384) и постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 1317).

Полный перечень показателей БД ПМО по состоянию на 01.01.2017 приведен на сайте Росстата http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm и содержит порядка 220 показателей состояния экономики и социальной сферы муниципальных образований и 39 показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов. Все показатели распределены по содержательным разделам базы данных МО. Следует отметить, что число показателей имеет тенденцию к сокращению, так на 1 января 2012 г. в базу загружалось порядка 500 показателей, исключая показатели эффективности органов местного самоуправления. Такому явлению может быть несколько объяснений, часть из них связана с изменением законодательства. Так, например, в настоящей версии фактически исключен раздел «Проведение торгов на размещение заказов на поставки

товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд», заполняемый на основе данных формы № 1-торги и содержащий 60 показателей этой формы. Вступление в действие нового закона о закупках существенно изменило процедуры закупок, что привело к невозможности заполнения на практике формы № 1-торги.

Следует отметить, что кроме данных регулярного статистического наблюдения для целей муниципального управления стали доступны показатели единовременных сплошных федеральных обследований, таких как Всероссийские переписи населения и сплошные федеральные статистические наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства, которые добавляются в год проведения переписи, что также влияет на размерность базы данных.

Так, для обеспечения потребностей органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. были подведены по МО всех типов. Всероссийская перепись населения 2010 г. впервые определила численность и социально-экономический состав населения по МО всех уровней и создала принципиальную возможность для последующей оценки численности и половозрастного состава населения муниципалитетов. Наличие этой информации необходимо для формирования бюджетов всех уровней и для организации межбюджетных отношений. Кроме того, показатели численности и гендерной структуры населения являются основой для целого вектора относительных социально-экономических показателей, рассчитываемых на душу населения, многие из которых, в свою очередь, являются важнейшими индикаторами эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Сплошное федеральное статистическое наблюдение за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства, проводимое раз в пять лет, является еще одним масштабным статистическим обследованием, результаты которого представлены в разрезе МО. Программа сплошного наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства в 2010 г. по регионам Российской Федерации в разрезе МО предусматривала разработку таких данных, как:

- количество субъектов МСП всего и по видам экономической деятельности;
- выручка от продажи товаров, продукции, работ, услуг субъектов малого и среднего предпринимательства всего и по видам экономической деятельности;
- количество работников сектора МСП, всего и по видам деятельности;
- группировка субъектов МСП по числу участников бизнеса;
- инвестиции в основной капитал субъектов МСП всего и по видам экономической деятельности;
- основные фонды субъектов МСП всего и по видам деятельности;
- производство промышленной продукции в натуральном выражении субъектами МСП.

В муниципальном разрезе предполагается также обработка результатов сплошного наблюдения за деятельностью субъектов МСП за 2015 г. Разработка мате-

риалов переписи с выделением муниципального уровня, позволяет не только оценить масштаб сектора МСП на нижнем уровне территориальной иерархии, но и определить вклад МО в соответствующие показатели субъекта РФ.

Программу итогов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года также обрабатывали по МО, результаты обработки в разрезе представлены в открытом доступе на сайтах территориальных органов статистики (ТОГС).

Отражение муниципального уровня в единовременных сплошных федеральных обследованиях, так же, как и появление раздела «Муниципальная статистика» в Федеральной программе статистических работ, безусловно, свидетельствуют о возросшей значимости муниципального уровня для целей управления.

Однако определить степень достаточности этих данных государственной статистики для целей муниципального управления не представляется возможным, так как потребности МО в статистических данных не изучены.

Можно сказать, что создание системы статистического наблюдения за муниципальными образованиями Росстата преследует две цели. Первая – это организация на муниципальном уровне системы информации, достаточной для того, чтобы органы муниципального управления могли реализовать те полномочия, которыми они наделены по закону. Однако некоторые полномочия, например, такие как предупреждение и ликвидация последствий ЧП, защита от чрезвычайных ситуаций, меры пожарной безопасности, осуществление муниципального лесного контроля находятся за гранью централизованного наблюдения, что и объясняет отсутствие в базе данных соответствующих разделов и показателей. Даже не оценивая полноту состава данных на соответствие предметам ведения МО и полномочиям муниципальных образований, видна их ограниченность, причем зачастую обусловленная не наблюдаемостью отдельных процессов и явлений на муниципальном уровне, а вызванная стремлением использовать наиболее доступные и простые конструкции показателей. Так, показатели социальной инфраструктуры в основном представлены характеристиками сети этих объектов, без использования их мощностных характеристик (пропускных способностей). Более того, в составе показателей отсутствует база для расчета относительных показателей. Например, контингенты населения определенных возрастов (дети, молодежь, население в возрасте юридической ответственности, электоральный контингент), отсутствуют показатели функционального зонирования земель муниципального образования и т.д. В сущности, отсутствие «делителей» для расчета относительных показателей обеспеченности и пространственной доступности в значительной степени обесценивает массив абсолютных данных по муниципальному образованию. В проектируемой базе с самого начала недостаточно учтены интересы населения, реализуемые на территории муниципального образования (лечение, дошкольное воспитание и образование, общее образование, социальная защита), так как не представляется возможным использовать показатели обеспеченности мощностями социальной инфраструктуры в расчете на определенный контингент и оценить их территориальную доступ-

ность. Подобная информационная ограниченность приводит к практической невозможности оценки степени достижения одной из основных целей развития всех муниципальных образований – повышения качества жизни населения МО.

Вторая цель – возможность интегрирования проектируемой системы муниципальной статистики в систему региональной статистики, обеспечение её гармонизации с последней на основе соблюдения единства состава показателей и единства методологии. Практически речь идет об обеспечении сопоставимости показателей муниципальной статистики с системой показателей развития субъекта РФ, утвержденной Росстатом. Проектирование и создание сопоставимой системы сквозных статистических показателей для территориальных объектов различных уровней иерархии, безусловно, является важнейшей задачей в деле создания единого информационного пространства России, реализуемого посредством функционирования информационной вертикали «Федерация – субъект РФ – муниципальное образование». Такой подход к проектированию гармонизированной базы данных МО важен еще и потому, что его реализация в полном объеме позволит оценивать вклад отдельных муниципальных образований в региональные показатели, в том числе и макроэкономические, характеризующие уровень социально – экономического развития субъектов РФ. Однако, в действительности, этот подход также не реализован в полной мере, так как в базе данных муниципальных образований макропоказатели отсутствуют, более того, отсутствует расчетная база и методологические подходы для их получения. Таким образом, существующая система муниципальной статистики в полной мере не соответствует обеим целям и требует своего дальнейшего развития.

Сегодня можно сказать, что состав показателей, сформированных для целей муниципального управления по линии Росстата, не в полной мере удовлетворяет информационные потребности органов муниципального управления, вынуждая привлекать данные из других, как правило, ведомственных источников информации. Привлечению дополнительных источников информации препятствуют, по крайней мере, два обстоятельства. В соответствии с законодательством, безвозмездный обмен статистической информацией осуществляется в рамках ежегодно утверждаемой федеральной программы статистических работ, финансируемой за счет средств федерального бюджета. Однако находящиеся в открытом доступе данные ведомственной отчетности, как правило, не удовлетворяют потребности муниципальных органов власти ни по составу данных, ни по уровню агрегирования, ни по разрезам обработки. Получить необходимую дополнительную информацию от территориальных органов государственной статистики можно только на договорных условиях, заключая договор на информационное обслуживание, что для большинства муниципалитетов, невозможно по финансовым соображениям.

Другое обстоятельство, препятствующее получению дополнительной информации из ведомственных источников – крайне низкий уровень статистической грамотности муниципальных служащих, незнакомых с ведомственными статистическими

программами наблюдения и действующими формами отчетности. Привлекаемая из различных источников ведомственная информация носит в значительной степени не-систематизированный, фрагментарный характер, во многом зависящий от уровня информированности и компетентности отдельных специалистов. В результате местные администрации не обладают целостным информационным описанием МО. В практике работы, оно представлено, как правило, в виде информационных фрагментов, в большей или меньшей степени ориентированных на реализацию отдельных полномочий муниципалитетов. Органы местного самоуправления сами формируют наборы показателей внутренней статистики, зачастую, в силу недостаточной информированности и невысокой статистической грамотности муниципальных служащих, не в полной мере отвечающие потребностям конкретных задач муниципального управления.

При этом как в первом (статистика Росстата), так и во втором случае (статистика ведомств) МО рассматривается и описывается высшими звеньями управления извне, как своего рода «точечный объект». Чтобы это информационное описание было полным, необходимо его дальнейшее развитие с учетом тех задач муниципального управления, в которых предполагается использование внутренних данных муниципальной статистики.

Надо отметить, что такое направление развития муниципальной статистики вообще не ставится статистическими органами. В этой связи целесообразно привлечь внимание статистических органов к возможности использования в практике муниципального управления данных похозяйственного учета. Введенный в практику управления на местном уровне в 30-х годах прошлого столетия, похозяйственный учет практически в неизменном виде существовал до 2002 г., когда произошли значительные изменения в составе учитываемых признаков хозяйств населения, обусловленные в основном изменениями в методологии проведения Всероссийской переписи населения. Формы учета и инструкции (методические указания) по ведению похозяйственных книг до 2010 года разрабатывались органами статистики. До 2010 г. похозяйственный учет предполагал заполнение трех основных форм:

- форма № 1 – похозяйственная книга;
- форма № 2 – список лиц, временно проживающих на территории сельсовета;
- форма № 3 – алфавитная книга хозяйств.

Органы местного самоуправления раз в пять лет производили закладку похозяйственных книг и в течение последующих четырех лет проводить актуализацию записей в них. После пятилетнего периода похозяйственные книги сдавались в архив, и проводилась закладка новых книг.

Рыночные реформы 1990-х гг. и процесс отделения местного самоуправления от государственной власти, административно-территориальные преобразования привели к тому, что органы местного самоуправления свою деятельность начинали в состоянии информационного вакуума, Росстат фактически перестал обеспечивать их статистической информацией. Реформирование местного самоуправления в 2000-х гг.

превратило данные похозяйственного учета в один из основных источников внутренней информации о муниципалитетах, сопоставимой как по составу данных и по методологии их получения. Эта сопоставимость позволила провести масштабную информатизацию органов МСУ и создания в результате ее первичной базы данных о демографии хозяйств граждан, землях поселений и их использовании, жилым фонде, наличии скота и технических средств и т.д., доступной для принятия управленческих решений органами местного самоуправления. Примером удачной информатизации органов местного самоуправления являлась информационно-аналитическая система «БАРС. Web-Электронная Похозяйственная Книга» в виде Web-портала, разворачиваемого как на отдельный муниципалитет, так и на весь субъект РФ в целом. Единое информационное пространство в рамках отдельного субъекта федерации формировалось путем консолидации на уровне региона и муниципального района данных похозяйственного учета поселенческого уровня и формирование на этой основе необходимой выходной статистической информации.

Информатизация похозяйственного учета позволяла реализовать ряд функций.

1. Создание собственно похозяйственных книг на выбранную дату и их актуализация. Создание похозяйственной книги предполагало наполнение ее следующими группами данных, в соответствии с действовавшей формой похозяйственной книги:

– *члены хозяйства*. Первым по списку указывался глава хозяйства, на имя которого открыт лицевой счет, а за ним все остальные члены хозяйства, как присутствующие, так и временно отсутствующие. Для каждого лица указывался: пол, дата рождения, место рождения, национальность (по желанию), паспортные данные, документ об образовании, сведения об образовательном учреждении (для учащихся), военнообязанность, гражданство, семейное положение, сведения о назначении льгот по налогам, место работы (для работающих), информация о периодах временного отсутствия на территории хозяйства, информация о выбытии из хозяйства по причинам выбытия (например, номер и дата свидетельства о смерти), сведения о назначенной пенсии и об отнесении к льготным категориям;

– *земли*. Указывались данные о земельных участках, входящих в состав землепользования данного хозяйства. Данные о предоставленных землях выписывались из земельно-кадастровой документации или из правоудостоверяющих и правоустанавливающих документов (свидетельство о регистрации на землю, тип правообладателя, документ, на основе которого происходит владение, вид права, доля владения, характеристика земельного участка и т.д.);

– *жилой фонд*. Записывались данные о жилом доме, квартире. Указывался владелец жилого помещения, место его постоянного проживания, тип правообладания, документы, подтверждающие право собственности (владения, пользования), информация о наличии пристроек и хозяйственных постройках, стоимость жилища (по оценке БТИ), благоустройство дома и т.д.;

– *скот*. Данные о численности крупного рогатого скота, свиней, овец, коз, лошадей, птицы и т.д., а также числе пчелосемей записывались на основе сплошного обхода хозяйств и опроса владельцев скота;

– *реализация с/х продукции* (данные заполнялись на основании опроса взрослых членов хозяйства и заносились в раздел Похозяйственной книги в натуральных ед. измерения. В общий объем реализации включалась продажа сельскохозяйственной продукции собственного производства по всем каналам сбыта);

– *технические средства* – указывались все технические средства, находящиеся в хозяйстве, дата их приобретения, регистрационный номер, документы регистрации, тип технического средства, форма владения техническим средством, владелец технического средства, дата выбытия тех.средства.

2. Кроме ведения похозяйственных книг по хозяйствам населения, велся учет специализированных учреждений: учитывались лица, постоянно проживающие на территории поселения в домах ребенка, детских домах, школах-интернатах для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, домах-интернатах для престарелых и инвалидов, больницах для хронических больных, религиозных учреждениях (например, монастырях), общежитиях, гостиницах-приютах, домах маневренного фонда и других подобных жилых помещениях.

Возможности похозяйственного учета использовались не только для управления на муниципальном уровне, но и при проведении переписей, в том числе Всероссийских сельскохозяйственных переписей, являясь основным источником данных для составления списка адресов личных подсобных хозяйств населения, которые не были внесены в регистр сельхозпроизводителей. Надо сказать, что Минсельхоз России, учитывая опыт проведения переписи 2006 г., а также приближение намеченных пробной сельскохозяйственной переписи 2012 г. и Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2014 г. выразил высокую заинтересованность в дальнейшем развитии системы похозяйственного учета, посчитав, что её ведения полностью входит в компетенцию Министерства. В результате этой активизации появился Приказ Минсельхоза РФ от 11.10.2010 № 345 «Об утверждении формы и порядка ведения похозяйственных книг органами местного самоуправления поселений и органами местного самоуправления городских округов», утвердивший новую форму похозяйственной книги и порядок ее ведения. В приказе Минсельхоза России от 11.10.2010 г. № 345 дается ссылка на статью 8 Федерального закона от 07.07.2003 № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве», по которой в похозяйственных книгах ведется учет личных подсобных хозяйств. На этом основании Минсельхоз России возложил на себя полномочия по утверждению формы и порядка ведения похозяйственных книг исходя, прежде всего, из информационных потребностей проведения сельскохозяйственных переписей.

Органы местного самоуправления не были ознакомлены с проектом приказа Минсельхоза России № 345 и не участвовали в обсуждении проекта нового варианта похозяйственной книги. Общероссийский Конгресс МО провел серию опросов советов

МО об оценке органами местного самоуправления (МСУ) опыта практического применения новой похозяйственной книги. Резюмируя итоги этих обследований, отметим, что большинство участников опроса посчитали, что предложенная Минсельхозом новая форма похозяйственной книги утратила значительную часть сведений, описывающих муниципалитет изнутри, органы местного самоуправления лишились значительной части показателей внутренней статистики, необходимых органам МСУ для формирования планов социально-экономического развития территорий и ведения статистического учета. Доработка¹ формы похозяйственного учета, по их мнению, означает возврат в принятую форму похозяйственной книги разделов «Сведения о жилищном фонде» и «Список членов хозяйств». К сожалению, пожелания органов местного самоуправления были проигнорированы Минсельхозом, что на практике вынуждает муниципалитеты вести либо две похозяйственные книги, прообразом одной из которых является форма похозяйственной книги, действовавшая до издания Минсельхозом приказа № 345, либо для своих целей дополнять действующую форму похозяйственного учета недостающими разделами. Понятно, что при этом формироваться похозяйственная книга может в значительной части в произвольном виде, в зависимости от потребностей конкретного муниципалитета, что приведёт к потере целостности муниципального информационного пространства, при этом вопрос о легитимности таких данных остаётся открытым.

Даже изучив возможности всех источников информации – внутренних и внешних по отношению к муниципалитету, не представляется возможным определить меру их достаточности для целей муниципального управления. Основная причина – неизученность полного круга информационных потребностей органов муниципального управления. Напомним, что в соответствии с законодательством, первоочередные усилия в области информационного обеспечения муниципального управления были направлены на возможность выполнения их полномочий, что и нашло своё отражение при подходе к проектированию муниципальных показателей Росстатом.

Исследование и обобщение имеющегося опыта отдельных муниципалитетов по разработке стратегий социально-экономического развития муниципальных образований показало, что разрабатываемые стратегии не только различаются по целям и задачам, но и выходят далеко за пределы собственно «вопросов местного значения», установленных ФЗ о местном самоуправлении. Так, например, при рассмотрении проблемы соотношения документов стратегического планирования с полномочиями органов местной власти на примере Стратегического плана устойчивого развития города Хабаровска на период до 2020 г., выяснилось, что из 35 целереализующих задач только 9 коррелируют с законодательно определёнными компетенциями органов местного самоуправления (5).

¹ Похозяйственная книга: нужна новая редакция? // Муниципальная Россия. 2011. № 9 (25). С. 18–23.

Соответственно, и системы показателей, используемых в разрабатываемых стратегиях, будут не только различаться по составу, но и выходить за пределы сформированной Росстатом базы данных муниципальных показателей. Эта ситуация приводит к тому, что параллельно с созданной Росстатом системой муниципальной статистики для целей стратегического планирования создаются дополнительные системы, информации, ориентированные на цели и задачи стратегий. Многие показатели, используемые в стратегических документах, не разрабатываются или не публикуются в разрезе муниципальных образований, хотя с точки зрения стратегических задач местного уровня могут оказаться чрезвычайно важными. В сущности, появляется ещё одна цель создания системы муниципальной статистики – обеспечение стратегического планирования показателями, используемыми при разработке, реализации и мониторинге выполнения программ.

Принятие в 2014 г. Федерального закона Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» зафиксировало общие принципы и сделало обязательными разработку документов стратегического планирования на федеральном и региональном уровнях. Для МО была определена возможность заниматься стратегическим планированием при соответствующем решении органов местного самоуправления, однако круг МО был ограничен городскими округами и муниципальными районами. Принятые 30 октября 2017 г. поправки к 172-ФЗ расширили этот круг, наделив городские и сельские поселения правом разрабатывать собственные стратегии. Открытыми остаются вопросы о готовности поселенческого уровня к стратегическому планированию, наличии у них опыта стратегического планирования, обеспеченность ресурсами, в том числе людскими и информационными, для разработки стратегий, особенности разработки этих стратегий в зависимости от типа поселений и ряд других.

Проблема усугубляется тем, что стратегическое планирование на уровне МО не обеспечено централизованно разрабатываемыми (принятыми либо рекомендованными на федеральном уровне или региональном уровне) методическими документами. Исключение составляют «Методические рекомендации по составлению и исполнению бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов на основе государственных (муниципальных) программ»² разработанные Минфином России для субъектов федерации и МО. Поэтому изучение опыта стратегического планирования на муниципальном уровне представляет интерес как с точки зрения развития его методологии, так и с точки зрения анализа данных, которые использовались при разработке стратегии. В этой связи безусловный интерес представляет обобщение опыта стратегического планирования в рамках проводимых конкурсов муниципальных стратегий (КМС), организаторами которых являются Общественная палата Российской Федерации, Общероссийский конгресс муниципальных образований, МЦСЭИ «Леонтьевский

² Письмо Минфина России от 30 сентября 2014 г. № 09-05-05/4884.

центр», Комитет гражданских инициатив. КМС-2018 проводится в целях стимулирования и развития механизмов стратегического планирования, согласно положениям Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», распространения опыта стратегического планирования на муниципальном уровне, выявления новаций и эффективных решений социально-экономических задач на уровне сельских и городских поселений, муниципальных районов и городских округов. Предлагаются следующие критерии оценки муниципальных стратегий:

- логичность структуры;
- качество анализа социально-экономической ситуации;
- миссия, цели, задачи, флагманские проекты;
- условия для реализации (инструменты и ресурсы);
- соответствие Федеральному закону от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»;
- техническое исполнение документа и презентационных материалов.

Представляется целесообразным при оценке условий реализации (4 критерий) отдельно выделить информационные ресурсы, используемые при разработке муниципальных стратегий. Проведение инвентаризации используемых в них показателей позволит определить масштабы и структуру привлекаемой информации и определить тем самым дополнительную потребность в показателях муниципальной статистики, обусловленную требованиями её задач и целей. Прообразом такой информационной системы может служить схема структурирования данных по отдельным содержательным блокам, выделенным в зависимости от разделов стратегии социально – экономического развития субъекта РФ, предложенная в «Методических рекомендациях по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации»³.

Напомним, что число муниципальных образований по состоянию на 1 января 2017 г. составляет 22,3 тыс.ед., при этом поселения составляют 88% от их числа. Поселения в основном представлены сельскими, составляющими 92% от числа поселений. Каждый вид МО отличается полномочиями, стратегическими целями и задачами, в соответствии с которыми формируются наборы показателей для их статистического описания. Количество муниципалитетов и их разнообразие требует проведения типологизации МО, прежде всего обусловленных их законодательной определённостью. Но и в рамках отдельных типов законодательно определённых МО существуют различия по уровню социально-экономического развития. Невозможность проведения типологизации по уровню развития для такого множества МО вынуждает в качестве альтернативы использовать существующие типологизации субъектов федерации по уровню социально-экономического развития, полагая, что однотипные МО в их составе

³ <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depstrateg/20160714>.

будут иметь близкий уровень социально-экономического развития, схожие возможности и тенденции развития, цели и задачи муниципального развития, и, соответственно схожие показатели стратегического планирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пащинцева Н.И.* Формирование системы муниципальной статистики // Вопросы статистики. 2005. № 12. С. 32–33.
2. *Петухова О.В.* О проблеме идентификации целевых социальных групп в государственных программах: понятийный аппарат и статистические проблемы // Теория и практика институциональных преобразований в России: Сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 33. М.: ЦЭМИ РАН, 2015.
3. *Петухова О.В.* Информация в документах стратегического планирования // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 42. М.: ЦЭМИ РАН, 2015.
4. *Петухова О.В., Богомолова А.В., Юдина Т.Н.* Доклад на Международной конференции «Пути распространения информации – Стратегии и лучшие практики обеспечения пользователей статистикой для принятия решений» // Система показателей муниципальной статистики для принятия обоснованных управленческих решений на муниципальном и региональном уровне. Международная ассоциация официальной статистики (МАОС). Украина, Киев, 12–14 сентября 2012 г.
5. *Шестак О.И.* Проблемы стратегического планирования в муниципальных образованиях на примере Хабаровска и Владивостока // Сборник Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 4.
6. *Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К.* Стратегическое планирование на уровне поселений: Факты и мнения // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 1.

Petukhova O.V.

SYSTEM OF MUNICIPAL STATISTICS AND THE POSSIBILITY OF ITS USE IN STRATEGIC MANAGEMENT

The article is devoted to the problem of creating municipal statistics. The main sources of information used by local governments are analyzed: Rosstat data, departmental statistics, administrative resources of local governments in the form of the economic accounting of settlements. The possibilities and limitations of the use of various types of information resources in the practice of municipal management are shown. The problems of insufficiency of the Rosstat municipal statistics system for the purposes of developing municipal strategies are analyzed and an approach to its development is proposed based on an analysis of the indicator systems used in existing municipal development strategies.

Keywords: municipal statistics, information resources, strategic management.

JEL Classification: R00.

ВЛИЯНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И БЮРОКРАТИЧЕСКОГО РИТУАЛА НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ

Анализируется влияние идеологии и бюрократического ритуала на экономическую политику. Исследуется взаимозависимость роста государственного долга США и стратегии «миссии сверхдержавы». Анализируются истоки этой идеологии и эволюция методов, применяемых правительством США. Проводятся исторические параллели между экономической стратегией Римской империи и США, римским и американским менталитетом. Изучается опыт сравнения США с Древним Римом в основополагающем труде отцов-основателей США А. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Дж. Джея.

Ключевые слова: политические институты, бюрократия, экономический рост.

JEL классификация: O51, N13, N42.

Принято считать, что экономическая политика определяется исключительно экономическими факторами. Но это не совсем верно. Экономическая политика зависит прежде всего от бюрократии, которая занимается экономическим анализом, решая, какой «рецепт» когда и как применять. «Рецепт» может быть не обязательно чисто экономическим, поскольку связан с идеологией и особенностями менталитета. Рассмотрим в этой связи, как американская идеология («миссия сверхдержавы») влияет на экономическую политику США и как она связана с золотым стандартом доллара.

Современный французский политик Ж.-П. Шевенман считает, что до 1914 г. золотой стандарт гарантировал сравнительную устойчивость торговым потокам, но объёмы добычи золота были низкими. «Сегодня, напротив, финансовых инструментов стало намного больше, и финансовые рынки переживают бум». В конце 1980 г. капитализация мировых бирж достигла 5 трлн долл., но в 2007 г. – уже 67 трлн, немного снизившись к концу 2010 г. до 57 трлн. «Если к рынкам акций и облигаций прибавить активы банков, эта сумма превысит мировой ВВП где-то в четыре раза». Алан Гринспен, тогдашний глава Федеральной резервной системы США, говорил о «нездоровом возбуждении рынков» (Шевенман, 2015, с. 161–162).

Возбуждение рынков – итог деятельности бюрократии как США, так и стран ЕС. Можно прийти к выводу, что золотой стандарт имел и определённую сдерживающую функцию: страны и их бюрократии не только приучались жить по средствам, но и воздерживались от спекуляций, по крайней мере, от лавинообразных рискованных авантур. В разгар «Великой депрессии» в 1934 г. золотое обеспечение доллара было понижено на 41% решением президента США Ф.-Д. Рузвельта, но всё-таки оно оставалось незыблемым законом финансовой жизни. В настоящее время такого тормоза нет, поэтому новый мировой кризис может оказаться даже более губительным, чем «Великая депрессия» 1930-х гг., когда золотой стандарт ещё существовал.

По данным казначейства США, на 16 октября 2018 г. различные государства имеют американских облигаций на сумму 6,287 трлн долл. (<http://ticdata.treasury.gov/Publish/mfh.txt>). В то же время Россия владеет американскими облигациями лишь на 14,9 млрд долл., но скупает золото, увеличив золотой запас Центрального банка до 1890 тонн. За два месяца (в апреле и мае 2018 г.) Россия продала американских облигаций на 81,1 млрд долл., «...что привело к панике на рынке». Брокеры пришли к выводу, что «...скорее всего, за этими резкими продажами скрываются политические причины». Сообщая об этом, швейцарская газета «Tribune de Geneve» 27.08.2018 г. поместила статью: «Владимир Путин хочет покончить с господством доллара» (<https://inosmi.ru/politic/20180827/243097221.html>).

Как известно, классический протекционизм всегда стремился к увеличению золотых запасов государства, поэтому можно считать, что данная мера – ответ на протекционизм Трампа.

Интересно признание одного из биржевых знатоков: «Америка использует доллар как оружие. Международные долларовые транзакции могут быть запрещены Вашингтоном одним росчерком пера» (<https://inosmi.ru/politic/20180827/243097221.html>).

Америка сама сокращает ареал применения доллара. 18 октября 2018 г. президент В.В.Путин на XV заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» сказал: «...наши американские друзья режут сук, на котором сидят, потому что они подвергают сомнению надёжность доллара как универсального инструмента в международных расчётах. Это, повторю ещё раз, на мой взгляд, типичная ошибка империи» (www.kremlin.ru/events/president/news/58848).

По-видимому, валютная стратегия США тесно связана и с их имперской внешней политикой, и с американским протестантским менталитетом. В конце XX и начале XXI вв. в США возник своеобразный бюрократический ритуал показательных споров о новом пределе госдолга, которые неизменно заканчиваются его очередным повышением. Однако почти никто в США не ставил главного вопроса: что в государстве надо изменить, чтобы жить по средствам? Ведь очевидно, что США страдают от мегаломании, но при этом прежние уроки (например, вьетнамский) не проанализированы. Доказательством, кстати, стали недавние торжественные похороны сенатора Маккейна: их транслировали основные американские телеканалы; звучали патетические речи, как Маккейн защищал «американские ценности» во вьетнамском небе, как боролся с советским, затем российским влиянием.

Напомним, что война во Вьетнаме начиналась незаметно. «Уже в 1961 г. военный персонал США начал непосредственно участвовать в боевых операциях против патриотических сил Южного Вьетнама» (Дипломатический словарь, 1985, т. 1, с. 13). 4–5 августа 1964 г. США организовали провокацию, так называемый «тонкинский инцидент», заявив, что в Тонкинском заливе торпедные катера Северного Вьетнама будто бы атаковали 7-й флот США. И 7 августа 1964 г. американский конгресс принял

«тонкинскую резолюцию», предоставив президенту США Л. Джонсону право неограниченно применять вооружённые силы США в Юго-Восточной Азии (Дипломатический словарь, 1986, т. 3, с. 472).

Никто тогда в среде американской бюрократии не отверг заботу о «демократии» в Сайгоне, хотя это в корне противоречило знаменитой доктрине президента США Дж. Монро (1823 г.), объявившего сферой северо-американских интересов только Карибское море и Южную Америку. Таким образом, декларируемая США «миссия сверхдержавы» привела к вторжению американских войск в далёкий Вьетнам.

Война, которую США открыто вели во Вьетнаме в 1964–1975 гг., подорвала финансово-экономическое благополучие Америки, и в 1971 г. президент США Р. Никсон отменил золотой стандарт доллара. Если сегодня вести поиск по сайту американского казначейства, то можно найти лишь уклончивый доклад, где всего-навсего в одном абзаце упоминается это важнейшее событие, однако без связи с войной во Вьетнаме (www.treasury.gov/press-center/press-releases/Documents/82808report.pdf, p.3).

Нельзя сказать, что этот важный рубеж забыт, скорее, о нём не принято вспоминать. Однако в 2013 г. американское либеральное издание «Политико» признало, что в 1971 г. Никсон «...закрыв «золотое окно», отказавшись впредь позволять иностранным правительствам обменивать их доллары на золото» (<https://www.politico.com/story/2013/03/this-day-in-politics-088821>).

Таким образом, с 1971 г., с отмены золотого стандарта, доллар перестал быть твёрдой валютой, и решение об отмене золотого стандарта принималось в среде высшей бюрократии. Напомним, что и введение этого стандарта было делом только бюрократии – втайне от конгресса (сената и палаты представителей) и тем более от народа. Золотой стандарт появился не в результате рыночной конкуренции или циклического промышленного развития, а был привнесён в экономику исполнительной властью.

Историк американской экономики профессор Э.-Ф. Хэмфри в 1931 г. подробно описал этот закулисный процесс 1890-х гг., обострившийся после биржевой паники 1893 г. Американское казначейство постоянно испытывало значительные трудности. Секретарь казначейства Карлайл в январе 1894 г. продал 50 млн долл. в виде 5%-ных десятилетних облигаций, но в ноябре был вынужден выпустить облигаций ещё на 50 млн долл. Тем не менее, к февралю 1895 г. резервные запасы казначейства сокращались на 2 млн долл. ежедневно, поэтому президент Гровер Кливленд обратился к конгрессу с просьбой одобрить новый выпуск облигаций. Однако 7 февраля 1895 г. конгресс отверг просьбу президента, и тогда Кливленд обратился напрямую к Уолл-Стриту через банковский дом Моргана и банкира Августа Белмонта. Был создан синдикат нью-йоркских и лондонских банкиров. Они ссудили правительству США 65 млн долл. на покупку золота, но в обмен казначейство выпустило 4%-ные тридцатилетние облигации. Не менее половины золота было закуплено за границей. Синдикат согласился «...настолько, насколько это находится в его власти, приложить всё финансовое влияние и предпринять все законные усилия, чтобы защитить казначейство США от

вывоза золота». В 1896 г. казначейство выпустило ещё облигации на 100 млн долл. Только с 1897 г. торговый баланс США стал положительным, принося солидные доходы в золоте. «Несмотря на то, что финансовый кризис миновал, было совершенно очевидно, что наши валютные законы оказались неудовлетворительными» (Humphrey, 1931, p. 409–410).

Кливленд принадлежал к консервативной фракции так называемых «золотых» демократов, или сторонников золотого стандарта внутри демократической партии (в противоположность «серебряным» демократам, выступавшим за дешёвые деньги, некоторые социальные реформы и серебряный стандарт). По основным вопросам экономической политики, кроме протекционизма, «золотые» демократы соглашались с республиканцами, также выступавшими за золотой стандарт доллара. В марте 1897 г. Кливленд сложил полномочия президента США, и на эту должность вступил республиканец-протекционист Уильям Маккинли. В 1900 г. Маккинли официально установил золотой стандарт доллара, и в честь Кливленда американское казначейство в XX в. выпускало особую, тысячедолларовую, банкноту.

Лишь обеспечив к 1897–1898 гг. финансовую прочность США, американская бюрократия (вне зависимости от партийных оттенков) перешла к наступательной внешней политике. Поэтому можно считать ценными признания современного государственного департамента США, что идеология «миссии сверхдержавы» родилась именно в конце XIX века.

Сайт государственного департамента США даёт официальную справку под заголовком: «1898 The Birth of a Superpower». В 1898 г. в результате краткой испано-американской войны США приобрели по Парижскому миру важные испанские владения – Пуэрто-Рико, Филиппины и остров Гуам, предоставив Кубе независимость. «The United States was suddenly a colonial power with overseas dependencies» («Внезапно США стали колониальной державой с заморскими зависимыми владениями»). Президент США Уильям Маккинли, давая наставления американской делегации на мирных переговорах в Париже, подчеркнул: «...война возложила на нас новые обязанности и ответственность» (...the war has brought us new duties and responsibilities) (<https://history.state.gov/departmenthistory/short-history/superpower>).

Поясним, почему эта война называлась испано-американской. Испания к концу XIX века, несмотря на экономический и промышленный упадок, продолжала владеть своими многовековыми колониями – Кубой, Пуэрто-Рико и Филиппинами, а также островом Гуам в Тихом океане. Испанский флот технически устарел, и поэтому испанское правительство придерживалось исключительно мирной внешней политики. США нужен был повод к войне, в которой они видели воплощение своих внешнеэкономических планов. Первый повод можно назвать техническим. В порт испанской Гаваны зашёл американский броненосец «Мэн», но по неизвестной причине 15 февраля взорвался и затонул. Американская печать обвинила Испанию в гибели броненосца, хотя испанцам этот инцидент был явно невыгоден.

Второй повод к войне можно назвать общественно-дипломатическим. Ныне он совершенно изъят из интернета и может быть восстановлен только по редчайшему изданию – книге американского юриста и дипломата Эрнста Сатоу, вышедшей в Нью-Йорке и Лондоне в 1932 г. Итак, в 1898 г. испанский посол в США Энрико Дюпюи де Лом написал письмо своему другу, испанскому журналисту, жившему в Гаване. В письме были ироничные выражения о президенте США Маккинли и верхах республиканской партии. Письмо, «...перехваченное на почте в Гаване», было опубликовано в одной из нью-йоркских газет. США потребовали от Испании немедленно отозвать испанского посла. Дюпюи де Лом подал в отставку, однако США продолжали усиливать нажим на Испанию. Наконец, Испания напомнила, что высказывания её бывшего посла стали «...достоянием гласности в результате ловких и нечестных действий» (Сатоу, 1947, с. 267–268).

По данным краткой справки Библиотеки конгресса США, газетой, опубликовавшей в английском переводе частное письмо Дюпюи де Лома, была «Нью-Йорк джорнэл» магната У.Р. Херста. Заголовок в газете гласил: «Худшее оскорбление Соединённых штатов за всю их историю». Скандал разразился за несколько дней до того, как в гавани Гаваны затонул броненосец «Мэн» (<https://www.loc.gov/rr/hispanic/1898/dupuy.html>).

Таким образом, финансовые верхи США, к которым относился и Херст, делали всё от них зависящее для начала войны, а оба повода к войне странным образом совпали по времени. 25 апреля 1898 г. конгресс США объявил войну Испании. После быстрой американской победы начались переговоры, которые в Вашингтоне от имени Испании вёл французский посол в США Жюль Камбон. Он добился, чтобы Испания не только не платила контрибуции, но и получила 20 млн долл., которые США полностью передали Камбону тотчас после подписания мирного договора. У него не было формальных полномочий (только разрешающая телеграмма испанского правительства), тем не менее, государственный секретарь США У.Дэй положился на его слово и подписал с ним предварительное соглашение, остановившее боевые действия (Камбон, 1946, с. 23–24). Это произошло 12 августа, и только 10 декабря был подписан Парижский мирный договор.

Эти подробности, ныне совершенно забытые, показывают, что США как сверхдержава не обременяли себя формальностями. Они были готовы даже заплатить испанцам доллары, обеспеченные золотом, лишь бы скорее получить доступ к богатым колониям – Кубе, Филиппинам, Пуэрто-Рико. Показательно, что через два года после испано-американской войны, в марте 1900 г. конгресс США принял «акт о золотом стандарте» доллара, подписанный президентом Маккинли. По-видимому, доходы от захваченных испанских колоний значительно укрепили финансовое положение США, и в этой связи методы достижения поставленной цели значения не имели. Поэтому фальсификация спустя 66 лет так называемого «тонкинского инцидента» во

вьетнамским водам не стала новшеством, продолжив лишь историю с письмом Дюпюи де Лома и взрывом на броненосце «Мэн».

Куба в 1898 г. получила независимость только формально. На деле США навязали ей унижительный протекторат в виде псевдолиберального режима президента Эстрада Пальма или более поздних военных диктатур генерала Х.Мачадо (1925–1933) и сержанта Ф.Батисты (1934–1959). Мачадо занимал пост президента Кубы, будучи вице-президентом американской компании «Колбэн электрик компани», а Батиста, сохраняя пост главнокомандующего кубинскими вооружёнными силами и тесные связи с посольством США, правил от имени ничего не решавших чиновников-президентов Кубы. Только с 1933 по 1936 гг. сменилось восемь президентов (Александров, 1986, с. 404–411). Кроме того, Куба перенесла прямую оккупацию войсками США в 1906–1909, 1917–1920, 1921–1922 гг.

Во время Первой мировой войны цена на сахар в США резко возросла. Эпоха сверхприбылей кубинских сахарозаводчиков получила прозвище «пляска миллионов». Однако в 1921 г. цена на сахар упала до такой степени, что обанкротился даже Национальный банк Кубы. На долю США приходилось 80,7% кубинского экспорта и 60,7% импорта. На Кубе действовали и специальный советник по финансовым вопросам из государственного департамента США и генерал Э.Краудер, специальный представитель президента США В. Вильсона. Краудер «...занял положение фактического правителя Кубы» (Всемирная история, 1961, т. VIII, с. 485–486).

Спустя три десятилетия, в 1958 г., уже при открытой диктатуре Батисты, американские монополии контролировали 80% кубинских предприятий сферы обслуживания, 40% предприятий сахарной промышленности, 90% животноводческих хозяйств, 90% шахт и рудников, все предприятия по очистке и распределению нефти (совместно с «Ройал Датч-Шелл»). Диктаторский режим Батисты следовал плану американского экономиста Траслоу – сокращать фонд заработной платы и интенсифицировать труд рабочих. «Американское идеологическое влияние – через печать, рекламу, кинофильмы – было неограниченным» (Всемирная история, 1979, т. XII, с. 478–480).

Кубинский пример помогает нам понять, насколько тесно взаимосвязаны экономическая стратегия и идеология США. По-видимому, их идеологическое влияние должно прежде всего воздействовать на местный менталитет (в данном случае – кубинский), чтобы смягчать первоначальное равнодушное отношение к американским товарам. Постепенно местных потребителей склоняли к мысли, что покупать американские товары и пользоваться услугами американских компаний – это нечто похвальное (набор эпитетов мог меняться). Идеологическое воздействие подавляло вероятное сопротивление американскому проникновению как в экономике в целом, так и среди местной бюрократии. Взаимосвязь экономической стратегии США с их идеологией объясняет, почему и в 1959 г., во время кубинской революции, и позднее в других частях света американская бюрократия оказывалась нетерпима к малейшему проявлению

нию независимого мышления, тем более, к идеологической самостоятельности какой-либо партии или страны.

На примере Кубы мы видим, что схема «рыночной конкуренции» никогда не воспринималась всерьёз американской бюрократией и корпорациями США. Они стремились не к конкуренции с местной буржуазией на местном рынке, а к полному господству внутри чужой страны, формально дружественной к США. В этом проявлялась и экономическая сторона идеологии «миссии сверхдержавы».

В то же время американский менталитет вполне оказывался близок к английскому, оба чтит и чтут прецеденты в политике, истории и праве. Поэтому при экономическом проникновении в какую-либо страну роль прецедента становится решающей для американской бюрократии. Например, именно президент Кубы Томас Эстрада Пальма в 1903 г. передал США земельные участки в бухте Гуантанамо для строительства военной базы. Минувло более века, но США по-прежнему удерживают бухту Гуантанамо, разместив там и тюрьму. Поскольку бухта не имеет статуса штата в составе США, то на территорию базы не распространяются все американские законы о гарантиях при предварительном следствии, о судебной защите и т.д. Поэтому в тюрьме Гуантанамо применяются пытки к заключённым, которые находятся там годами, что стало постоянной темой обсуждения в правозащитных кругах. Однако не обращают внимания на менталитет американской бюрократии – не признавая кубинского государства, она тщательно соблюдает американские законы и, чтобы обеспечить себе свободу действий, нашла юридическую лазейку именно в рамках американского права.

Формально в Гуантанамо нет тюрьмы (статус тюрьмы предполагает исполнение судебных приговоров), а лишь некое предприятие, где кого-то временно задержали (Detention Facility). Известно, что бывший президент США Б.Обама высказал намерение закрыть тюрьму в Гуантанамо. Но почти никто не знает, что американская бюрократия откликнулась на президентскую инициативу созданием новой должности: в государственном департаменте до сих пор есть «специальный посланник по вопросу закрытия центра временного задержания в Гуантанамо» – Special Envoy for Closure of the Guantanamo Detention Facility. Он входит в число старших чиновников (senior officials) госдепартамента США (<https://www.state.gov/r/pa/ei/rls/dos/1718.htm>).

Недавно Генеральная Ассамблея ООН в 27-й раз приняла резолюцию о необходимости прекращения экономической, торговой и финансовой блокады США против Кубы. «За» резолюцию проголосовали 189 стран, «против» только 2, включая США. В ответ на это Н. Хейли, постоянный американский представитель при ООН, настаивала на продолжении блокады и заявила: «Соединённые Штаты продолжают защищать кубинский народ, пока его права и свободы не будут восстановлены. Точка. Мы не отступим» (<https://ria.ru/world/20181103/1532073343.html?recommen=c>).

Однако необходимо отметить, что блокада имеет точно очерченные бреши, что опять-таки связано с идеологией. Любой кубинец, который объявляет себя противником Фиделя Кастро, получает убежище в США – гражданство, возможность

обучения в престижных вузах, перспективы карьерного роста. Например, министром торговли США в правительстве Буша-младшего (2005–2009 гг.) был Карлос Гутьеррес, уроженец Гаваны, сын богатого плантатора-батистовца. Сайт Белого Дома называет К. Гутьерреса «...голосом бизнеса в правительстве» (<https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/government/gutierrez-bio.html>). С 2011 г. штат Флорида в сенате США представляет этнический кубинец Марко Рубио, уроженец Майами, сын эмигрантов с Кубы. В 2016 г. он соперничал с Трампом за выдвижение кандидатом в президенты от республиканской партии. Можно даже предположить, что, учитывая финансовое влияние кубинской эмиграции, в США существует негласная квота – кто-то должен представлять эту диаспору в верхних эшелонах американской бюрократии.

По-видимому, американская бюрократия, продолжая блокаду Кубы, рассчитывает, что со временем часть кубинской бюрократии сделает негласный идеологический выбор и откажется от суверенитета Кубы в обмен на материальные блага для себя. Другого мотива продолжения долгой блокады нет – ведь никаких экономических выгод она не приносит самим США. В древнеримском сознании, о котором мы будем говорить далее, 59-летняя блокада была бы немыслима.

Сопоставим в этой связи нынешнюю американскую стратегию с эпохой Древнего Рима. Это сравнение обосновано, поскольку государственное устройство США во многом скопировано с древнеримского. В 1776 г. тринадцать восставших английских колоний по Атлантическому побережью Северной Америки провозгласили независимость от Англии. В 1787 г. была принята Конституция США всего лишь из семи статей, действующая по сей день. За это время к ней было принято 27 поправок, в значительной степени изменивших первоначальный текст. Например, в 1920 г. 19-я поправка ввела избирательное право для женщин, а 17-я поправка в 1913 г. разрешила населению непосредственно избирать сенаторов (первоначально, в течение полутора веков, их избирали лишь законодательные собрания штатов). Однако перечень основных государственных учреждений остался неизменным, начиная с поста президента США.

Этот пост не имеет ничего общего с английской традицией права. В середине XVIII века среди английских министров сложилось негласное преобладание одного из них, первого лорда казначейства (First Lord of Treasury). Только XIX век создал институт премьер-министра, который формально оставался первым лордом казначейства. Иногда первый лорд одновременно занимал и пост канцлера казначейства Chancellor of the Exchequer (т.е. министра финансов). Тем не менее, в 1904 г. в Палате Общин ряд депутатов задавали вопросы, на каком основании в одной из газет было сказано о «премьер-министре», ведь такой должности в Англии нет. Тогдашнему первому лорду казначейства Артуру Бальфуру пришлось оправдываться перед депутатами и уверять, что публикация в газете произошла без его ведома. Сейчас словосочетание «премьер-министр» уже прочно утвердилось в среде бюрократии, журналистов и в массовом сознании. Однако сайт правительства Великобритании всё-таки поясняет юридическую тонкость: резиденция на Даунинг стрит, 10, в Лондоне – официальная резиденция пер-

вого лорда казначейства. Эту должность занимает Тереза Мэй, член парламента (<https://www.gov.uk/government/ministers/first-lord-of-the-treasury>).

Приведённая краткая справка необходима для того, чтобы понять: если бы США копировали английскую систему бюрократии, то в 1787 г. они утвердили бы должность своего, американского, первого лорда казначейства с неопределёнными полномочиями. Но вместо этого в 1787 г. появилась должность единоличного главы всей исполнительной власти и главнокомандующего вооружёнными силами. Само наименование должности президента заимствовано из латыни *praesidens* («председательствующий, глава») и связано с глаголом *praesideo* («восседать впереди, председательствовать, руководить, управлять»). При президенте был создан пост вице-президента, приставка «вице» (*vice*) тоже заимствована из латыни и означает «вместо, на место».

Наконец, в США сразу же был учреждён сенат, которого в Англии нет и никогда не было. Слово сенат (*senates*) – латинское, сенат был основой власти Древнего Рима. Средоточие власти в США – Капитолий, по образцу Древнего Рима (*Capitolium*). В каждом штате есть свой местный Капитолий, где раз в четыре года собираются выборщики, чтобы избрать президента и вице-президента страны. Выборщики голосуют раздельно, по штатам, но вместе составляют коллегию, вполне в римском духе.

В отсутствие вице-президента сенатом руководит *President Protempore*, или временный председатель из числа наиболее уважаемых сенаторов. Уже в 1792 г. было принят «Акт о наследовании президентской власти» (*Presidential Succession Act*), установивший, что временный председатель сената – один из вероятных преемников президента страны. В 1947 г. очерёдность преемства была видоизменена, но *President Protempore* остался в списке законных наследников президентской власти. С 2015 г. временным председателем сената является 84-летний сенатор от штата Юта Оррин Хэтч (www.senate.gov/senators/leadership.htm).

Наименование должности *President Protempore* – чистая латынь. Разумеется, обилие латинских заимствований в американской бюрократии не может быть случайным. Обратимся к трудам отцов-основателей США, к политико-экономическому трактату «Федералист», написанному Александром Гамильтоном, Джеймсом Мэдисоном и Джоном Джеем. «Федералист» состоит из 85 статей, которые были опубликованы в 1787–1788 гг. в нью-йоркских газетах.

Гамильтон и Мэдисон участвовали в разработке американской Конституции 1787 г., были делегатами конституционного конвента (съезда). Джей не был делегатом, но получил известность как юрист. Все трое занимали ключевые посты в новой республике: Мэдисон стал президентом страны, Гамильтон – министром финансов (секретарём казначейства), а Джей – председателем Верховного Суда. В 1992 г., когда трактат «Федералист» был переведён на русский язык, российские комментаторы отмечали его «исторические корни – идейное наследие античного Рима и Греции» (Федералист, с. 590).

Необходимо отметить, что авторы «Федералиста» изучали в истории, в том числе и древней, «примеры» и «случаи», отдельные «известные факты», которые подвергались анализу с позиций «диктата разума и здравого смысла», «здравого смысла» и «опыта» только что возникших США, однако при анализе учитывалось и «здоровое размышление» древних государственных деятелей (Федералист, с. 244, 273, 420–421, 460–461).

Таким образом, авторы «Федералиста» были строгими рационалистами, построившими всю свою систему доводов на исторических и юридических ассоциациях. В «Федералисте» нет слепого восхищения свободой, свойственного французским образованным кругам, готовившим во Франции революцию 1789 г. Но, беря в качестве примера древний Рим, авторы «Федералиста» исходили не из римского менталитета, а из нового, американского, и подчеркивали роль Провидения, которое «...ниспослало эту единую страну единому народу, который происходит от одних предков, говорит на одном языке, исповедует одну религию, привержен одним и тем же принципам правления» (с. 35). Речь идёт о протестантизме белых выходцев из Англии как о религиозной основе американского менталитета. Таким образом, уже тогда зарождалась идеология «миссии сверхдержавы», намечались и практические шаги: «...мы можем надеяться на то, что вскоре станем арбитрами Европы в Америке и сможем склонять баланс европейского соперничества в этой части мира в зависимости от наших интересов» (с. 69).

Однако, как видно из текста, речь шла не о господстве, а лишь об умении играть на соперничестве держав Европы и не в самой Европе, а только в Северной Америке («в этой части мира»). В этой связи нельзя согласиться с мнением известного американского историка А.Шлезингера. В 14-й статье «Федералиста», написанной Дж. Мэдисоном, Шлезингер увидел «...цельное видение империи». В доказательство Шлезингер ссылаясь на слова Мэдисона о «единой великой, уважаемой и процветающей империи» (Шлезингер, 1992, с. 188).

Эти слова действительно есть в 14-й статье «Федералиста», опубликованной в ноябре 1787 г. Тем не менее, общий контекст был вполне умеренным и никак не связанным с внешней политикой. Мэдисон и в 10-й, и в 14-й статьях «Федералиста» подчёркивал чёткое различие между «чистой демократией» и «республикой»: «...при демократии народ собирается купно и осуществляет правление лично, тогда как в республике съезжаются и управляют страной его представители и уполномоченные на то лица. Демократическое правление, стало быть, ограничено небольшим клочком. Республиканское может простираться на значительную территорию». Мэдисон противопоставлял «бесчинствующие демократии Древней Греции и современной Италии» Соединённым штатам Америки, считая их территорию значительной. Восточная граница проходила по Атлантическому побережью, западная – по реке Миссисипи, южная – по 31-й параллели, северная – по «неровной линии» между 42-й и 45-й параллелями. В этих границах американский народ умеет «...жить одной семьёй» и «...быть брат-

ством сограждан единой достойной уважения, процветающей великой державы». Речь шла о «здании», о «структуре» нового государства, или «великой конфедерации» штатов (Федералист, с. 103–109).

Поясним, что первоначальные США, описанные Мэдисоном, не охватывали даже Флориды, тогда испанской, и огромной Луизианы, тогда французской. Только в 1804–1806 гг. скромная американская экспедиция М. Льюиса и У. Кларка исследовала реки Миссисипи и Миссури, чтобы попытаться выяснить, куда и откуда они текут и что за индейские племена живут по их берегам. Уже в конце XX века представительница индейского племени сиу признала в телеинтервью, что в США сложился стереотип восприятия, деления индейцев на «плохих» и «хороших» в зависимости от того, как их предки отнеслись к экспедиции Льюиса и Кларка.

За прошедшие два века смысл первоначальной Конституции США существенно изменился, и в те слова, которые звучали вполне мирно в 1787 г., стали вкладывать совсем иной, воинственный смысл. В значительной степени это новое толкование – плод малозаметных трудов американской бюрократии, сохраняющей старинную Конституцию, но суживающей или расширяющей её применение с помощью письменных поправок, неписаных обычаев и системы судебных прецедентов.

Совсем недавно, в ноябре 2018 г. стало известно, что федеральный суд южного округа Нью-Йорка принял к рассмотрению иск национального комитета демократической партии США против России как государства. Предмет иска – мнимое российское вмешательство в американские выборы 2016 г. и поддержка Трампа. В связи с этим МИД РФ направил официальное письмо в США о непризнании юрисдикции американского суда. МИД РФ подтвердил, что Россия не отказывается от своего суверенитета. Поэтому все судебные извещения и сопроводительные документы возвращены отправителю – американскому суду (<https://tass.ru/politika/5776919>).

Не вполне ясно, почему иск подан именно в этот суд, поскольку истец, национальный комитет демократической партии, находится в Вашингтоне. Адвокатская фирма, представляющая истца, имеет представительства в ряде крупных американских городов, в том числе в Вашингтоне и Нью-Йорке. Возможно, при выборе федерального окружного суда Нью-Йорка и (или) адвокатской фирмы сказалось неформальное влияние местного, манхеттенского, комитета демократической партии. Федеральный суд южного округа Нью-Йорка охватывает несколько кварталов города и часть судебных заседаний проводит на Манхеттене (www.nysd.uscourts.gov/site_manhattan.php). Из американских юридических сайтов и сайтов средств массовой информации можно узнать даже номер иска против России: 18–cv–03501. Он пронумерован в соответствии с общеамериканскими правилами регистрации гражданских исков граждан к фирмам, фирм к фирмам и т.д.

Если обратиться к официальному сайту федерального суда южного округа Нью-Йорка, то можно узнать, что он ведёт свою историю с 1789 г., когда первый президент США Дж. Вашингтон с согласия сената назначил первого окружного судью

Нью-Йорка – Джеймса Дуэйна. Почти сразу Дуэйн рассмотрел дело о споре между Францией и Англией. Французский фрегат захватил английскую бригантину «Катарина» у берегов США и отослал её в порт Нью-Йорка как трофейное судно. Тем не менее Дуэйн постановил, что англичане могут требовать возврата своей собственности (<http://history.nysd.uscourts.gov/docs/CasesHistoricalInterest.pdf>).

Однако даже из этой справки видно, что ни Франция, ни Англия не просили судью Дуэйна рассматривать их спор. Дуэйн сослался на так называемый *Fist Judiciary Act*, предоставляющий ему полномочия суда Адмиралтейства, в том числе по поводу трофейных кораблей.

Согласно справке конгресса США, *Judiciary Act*, принятый в 1789 г., устанавливал структуру и полномочия различных американских судов. Несмотря на поправки, американский судебный строй остаётся неизменным и в настоящее время (<https://www.loc.gov/rr/program/bib/ourdocs/judiciary.html>). Ст. 9 этого Акта 1789 г. определяла, что к подсудности (*cognizance*) американских окружных судов относятся все гражданские дела, касающиеся морского права (<https://usa.usembassy.de/etexts/democrac/8.htm>).

Таким образом, экстерриториальность американского суда была установлена с самого начала. Очевидное возражение, что англо-французская война никак не касается США, к сожалению, не рассматривалось в американском суде. Теперь, следуя примеру (прецеденту) Дуэйна в деле бригантины «Катарина» и ссылаясь на тот же *Fist Judiciary Act*, любой американский судья может рассматривать иск против России.

В римском суде подобные иски были невозможны. Римское язычество всегда допускало, что другие народы клянутся их богами и богинями, взаимные клятвы становились преамбулами древних международных договоров, о «провиденциальности» римлян речи не шло. Римский сенат, рассматривая как третейский арбитр споры между другими государствами, исходил из того, что обе враждующие стороны обратились в сенат за решением их спора.

Авторы «Федералиста», подписываясь латинским псевдонимом Публий, внимательно изучали опыт древних государств – Крита времён царя Миноса, Спарты, Афин, Ахейского Союза, Карфагена, Рима, восхищались «закалёнными римскими легионами» (с. 273). Образцом для США стал именно римский сенат как учреждение, сочетающее в себе «надёжное постоянство и свободу». Это «умеренное и уважаемое сообщество граждан» обязано вмешаться, «...дабы приостановить ход событий и смягчить удар, наносимый народом самому себе, пока здравый смысл, справедливость и истина не овладеют вновь умами и сердцами людей» (Федералист, с. 417–423).

Авторов интересовало «консульское правление» в Древнем Риме (с. 244). Разделение полномочий в Древнем Риме между двумя консулами имело некоторые преимущества, но в целом оказалось пагубным, поэтому в США недопустимо «...соперничество и даже враждебность» внутри исполнительной власти. «Многочисленные» должностных лиц

вредно для государства, затрудняя определение виновного за «губительную меру», препятствуя «силе и быстроте» действий (Федералист, с. 460–463).

Таким образом, институт президента США с самого начала рассматривался как аналог римского консула, в то же время вице-президент не получал никаких полномочий и не мог оспаривать власти президента. Однако, рассматривая отличие американского менталитета от римского, можно заметить, что Рим никогда не воспринимал абстрактные идеи – типа защиты прав человека вообще и т.д. Римское мышление было сугубо конкретным. Территория Римской республики (затем – империи) расширялась либо по праву завоевания, либо на основе юридических сделок, но не потому, что Рим якобы чувствовал свою моральную ответственность перед каким-то народом. Юридические сделки заключались только с законным владельцем, с монархом.

Приведём два примера, разделённые значительным хронологическим интервалом и наглядно характеризующие римский менталитет. В Малой Азии существовало несколько греко-язычных государств, включая Пергамское и Вифинское царства. Пергамское царство находилось на западе Малой Азии, у средиземноморского побережья, а Вифинское – на севере, близ Мраморного и Чёрного морей. В Пергаме была знаменитая библиотека и свой арсенал с мощными метательными орудиями и ядрами, отсортированными по калибрам. Экономически Пергамское царство процветало, поддерживая с Римом тесные торговые и политические отношения. В 133 г. до н.э. умер последний пергамский царь Аттал III, завещав своё царство Риму. Только после этого Рим присоединил Пергамское царство, основав новую римскую провинцию – Азию.

Вифиния зависела от Рима в большей степени, чем Пергам. Тем не менее, вифинские цари сохраняли полную свободу действий в любой сфере. В 74 г. до н.э. вифинский царь Никомед IV умер, завещав своё царство Риму. После этого Рим присоединил Вифинию.

В обоих случаях римский сенат исходил из формального акта, которым прежний владелец (царь) вверял Риму свои земли и подданных.

Можно ли представить, чтобы римский сенат запрещал иностранцам рассчитываться римскими монетами? Напротив, уже в I веке н.э. римский серебряный денарий «...был заслуженно признан наиболее стабильной валютой всего Средиземноморья, мировыми деньгами того времени». Денарии императоров Августа и Тиберия найдены даже на Кавказе, на Цейлоне и в Южной Индии (Поздняков, 2004, с. 84). Но ни Цейлон, ни Южная Индия никогда не входили в Римскую империю, и римляне никогда не вмешивались в цейлонскую и индийскую жизнь. Тем не менее, Цейлон и государства Южной Индии считали римские монеты надёжной валютой. В этом смысле римская экономическая стратегия была более продуманной, чем американская.

В отличие от США, Римская империя при всей её глобальной стратегии отказывалась от завоевания обширных областей известного ей мира, если это требовало значительных денежных затрат и людских жертв, но не давало ощутимых экономических выгод, а приносило лишь победные лавры. Напомним, что Рим столкнулся с гер-

манскими варварами сначала при консуле Гае Марии, затем при императоре и принцепсе сената Октавиане Августе. Обезопасив Римскую империю, римляне остановились на реках Рейн (Рен) и Дунай (Данувий). На века эти реки стали римскими границами, и римляне не интересовались, что происходило за ними.

Приведём ряд примеров, чтобы пояснить, чем имперская политика Рима отличалась от имперской политики США.

В Римской Британии римляне быстро отказались от завоевания отдалённого севера, или горно-лесистой Каледонии (Caledonia), населённой воинственными каледонами, которых римляне также прозвали «пиктами» (по-латыни *Picti* – «разукрашенные, раскрашенные») из-за обилия искусных татуировок на теле. Шотландский государственный деятель и историк XVI в. Джордж Бьюкенен пришёл к выводу, что каледоны (пикты) обитали на морском побережье Британии ещё в I в. н.э., о каледонах (Caledonios) упоминал римский поэт, историк и политик Лукан при императоре Нероне. Пикты делились на два союза – дункаледонов и вектурионов (Buchanan, vol. 1, p. 84–85).

До сих пор в научной среде не стихают споры о том, кем были пикты, однако научное сообщество пришло к выводу, что пикты, или, по крайней мере, их большинство, не принадлежали к кельтской группе. Только в VI в. в Каледонию из Ирландии вторглись скотты, народ кельтский. После долгих войн к IX в. скотты покорили пиктов и в XI в. дали завоеванной ими стране имя *Scotia*, затем – *Scotland* (Шотландия). Существует предположение, что скотты и пикты постепенно смешались, поскольку первый общий король Кеннет МакАльпин, вождь скоттов, по бабушке был потомком пиктских королей, а наследование у пиктов шло по женской линии (Burton, vol. 1, p. 284, 294). Скотты поселились в гористых областях, пригодных для охоты и пастбищ, но пикты жили близ моря, на плодородных землях, которые возделывали. Между пиктами и скоттами вспыхнула ожесточённая гражданская война (Buchanan, vol. 1, p. 109).

Во II в.н.э. для защиты от каледонских пиктов римляне построили так называемую Римскую стену (the Roman Wall), остатки которой сохранились до сих пор. Шотландцы по-прежнему зовут Римскую стену «Пиктской стеной» (the Picts' Wall) (Burton, vol. 1, p. 284). Стена состояла из двух укреплённых рубежей. Один назывался Андрианов вал, другой, расположенный севернее, – Антонинов вал (по именам построивших их римских императоров – Адриана и Антонина Пия).

Но, как установил в XX в. английский археолог, историк и разведчик Р.Дж. Коллингвуд, «Римская стена» отнюдь не была городской стеной, с которой римские солдаты отбивали атаки осаждающих. Она была цепью сторожевых башен, или дозорных постов (Signal stations). За ними в нескольких фортах располагались «небольшие ударные силы» римлян (Коллингвуд, 1980, с. 396–398). Приходим к выводу, что Римская империя была ещё и бережливой – берегла и деньги, и воинов.

В IV в. Римская империя посылала войска в Британию только для того, чтобы отразить нашествия пиктов, но не для новых завоеваний. По словам римского историка Аммиана Марцеллина, в 360–368 гг. пикты и скотты сначала «опустошали пограничные местности», а затем «...вели связанных людей и гнали скот» уже близ города Лундиния (Лондона). Римские командующий комит Феодосий «...отнял добычу, достояние несчастного податного населения, и возвратил собственникам», но в целом придерживался «безопасного плана действий», сознавая, что «...нельзя справиться с рассеянными на широком пространстве племенами, и притом совершенно дикими» (Аммиан Марцеллин, с. 188, 379, 394–395).

По сути, можно говорить о своеобразном многовековом римском обычае принимать осторожные решения.

В октябре 2018 г. Кембриджский и Абердинский университеты опубликовали данные новых археологических раскопок с применением современных технологий. Оказалось, что пиктская письменность гораздо старше, чем принято считать, и возникла в III – IV вв. н.э. Она основана не на алфавите, а на какой-то другой продуманной системе символов. Пикты создали её как ответ римской латыни или под влиянием средиземноморских народов. Пиктскими символами испещрены камни, кости, металлические изделия, в том числе и на морском побережье, ведь пикты совершали морские набеги на римские владения. Пока археологи не найдут параллельный текст на пиктском и на каком-либо из известных языков, пиктские символы останутся неразгаданными (www.abdn.ac.uk/news/12367, <https://doi.org/10.15184/aqy.2018.68>, www.livescience.com/63933-picts-developed-written-language.html).

Этот пример говорит и о сути римской стратегии. Римская империя не навязывала латынь, не рассматривала культурную миссию как часть внешней политики или экономической стратегии. Классическое римское право с III в. н.э. разрешало формулировать сделки кредиторов и должников (т.н. «стипуляционные обязательства») в любых выражениях, даже не на латыни (stipulation по-латыни – «формальное обещание, договор, соглашение»). Малая Азия при римской власти продолжала говорить по-гречески. Римляне не принуждали изучать латынь своих соседей по Британии – пиктов, не навязывали ни римского образа жизни, ни римского права, хотя образ жизни пиктов разительно отличался от римского – пикты были многоженцами и воевали полунагими. Интересно, что Рим не пытался основать представительство в Каледонии и даже не торговал с пиктами. Это ещё одно свидетельство того, что Рим не стремился к постоянному экономическому расширению.

Однако, возвращаясь к США, мы видим совсем другую, расточительную, стратегию, в основе которой лежит стремление всех унифицировать, и поэтому главными становятся идеологические установки – продвигать всюду «демократические ценности», «американский образ жизни» и английский язык. Этим занимаются многочисленные «независимые» полуправительственные организации США, на самом деле

управляемые узким кругом влиятельных лиц, например, отставными бюрократами государственного департамента США.

Вспомним слова американского экономиста и политика Дж. Гэлбрейта, писавшего о «...жизненно важном институте современной демократии, значение и влияние которого недооценивается», о «светских жрецах». «Светские жрецы держат крепко в руках – об этом нельзя не сожалеть – деятельность Федеральной резервной системы, Пентагона и ведение внешней политики». Эта «секта» состоит из «американцев со связями и большими доходами», «...они были отобраны своими семейными кланами» и подготовлены в строго определённых университетах. Большинство были WASP («белые англо-саксы протестанты»), некоторые – католики. «Секта жрецов» была настроена враждебно к Советскому Союзу и определяла политику при менявшихся государственных секретарях (Гэлбрейт, 1986, с. 158–160).

«Секта жрецов» активно действует и сегодня, при президенте-протекционисте Трампе. Недавно в саудовском генконсульстве в Турции был убит саудовский журналист, долго живший в США. Американские верхи стали обсуждать возможные санкции – отказ от поставок оружия Саудовской Аравии. Но Трамп, выступая в Белом Доме, высказался против отмены саудовских контрактов, которые заключили концерны «Боинг» и «Локхид Мартин», «...ведь это означает потерю 600 тысяч рабочих мест» (Вести недели, 21.10.2018).

Этот, казалось бы, частный случай показывает, что промышленный рост по Трампу – военно-ориентированный. Кроме того, возможно, что Трамп ищет и поддержки «секты жрецов», чтобы избежать импичмента по надуманным обвинениям, которые, тем не менее, расследует спецпрокурор Р. Мюллер. Уязвимость Трампа усилилась после промежуточных выборов ноября 2018 г., когда демократы получили большинство в нижней палате конгресса – палате представителей. Уже сейчас в американской печати высказываются предположения, что с января 2019 г., когда начнёт работать новый состав конгресса, демократы начнут увеличивать государственные расходы и одновременно усилят критику действий Трампа в любой сфере.

Напомним, что первоначально Трамп стремился сократить расходы США. Среди ряда российских экспертов в 2016 г. возникли предположения, что Трамп прекратит и финансирование «майданной» Украины, поскольку он даже допускал, что признает Крым российским. Однако на практике замыслы Трампа воплощала в жизнь американская бюрократия, и в итоге к расходам на новые, трамповские, торговые войны добавляются все прежние расходы на «миссию сверхдержавы» в духе Обамы, Клинтона и Буша-младшего. Поэтому постоянно вводятся и новые антироссийские санкции. Общее финансовое бремя в США не только не снизилось, но даже резко возросло.

По официальным данным Белого Дома, доходы американского бюджета растут медленно: в 2017-м финансовом году они составили 3,316 трлн долл., в 2019-м – 3,422 трлн, но общие расходы значительно увеличились – с 3,982 трлн до 4,407 трлн.

Дефицит бюджета возрос с 665 млрд до 984 млрд долл. В 2019-м финансовом году только прямые военные расходы достигнут 716 млрд долл. Но предусмотрены и скрытые траты на военно-политические цели, например, по сметам государственного департамента и агентства по международному развитию. Они призваны бороться «...против враждебных действующих лиц и идеологий» («...against hostile actors and ideologies») (www.whitehouse.gov/wp_content/uploads/2018/02/budget-fy2019.pdf).

Таким образом, бюджет США формируется исходя из идеологических установок, а американская бюрократия находит предлоги для дальнейшего увеличения ассигнований.

Например, в июле 2017 г. государственный департамент США создал новую должность – специального представителя «...по переговорам на Украине» (for Ukraine Negotiations). Сменился государственный секретарь – ушёл нефтяник Р.Тиллерсон, на его место из ЦРУ пришёл М. Помпео, бывший конгрессмен от Канзаса. Но специальным представителем по переговорам на Украине по-прежнему остаётся Курт Волкер, проработавший около 30 лет в правительственных и частных структурах, в том числе с сенатором Маккейном (www.state.gov/r/pa/ei/biog/273943.htm). Поэтому Курта Волкера вполне можно отнести к «секте жрецов» (по Гэлбрейту).

Было бы наивным ожидать универсальной образованности от американских бюрократов. Департамент информации и печати МИД России в комментарии № 1921 от 12.10.2018 г. коснулся деятельности К. Волкера: «Возникает резонный вопрос, читал ли вообще К. Волкер основополагающие документы украинского урегулирования, которым вроде бы занимается». Волкер «на деле» работает над разрушением Минских соглашений. «Не меньшую активность К. Волкер проявляет в призывах к усилению санкционного давления на Россию, что совершенно выходит за рамки его мандата. Видимо, старается заменить на этом поприще американского сенатора Дж. Маккейна, близким сподвижником которого являлся» (www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher...).

Так малозаметная должность представителя США по переговорам на Украине превращается в рычаг экономического давления на Россию. Это вновь доказывает, какую серьёзную ошибку совершают некоторые экономисты, ограничивая предмет своего анализа чисто экономическими факторами.

В феврале 2018 г. государственный департамент США создал ещё одну новую должность – посла по делам международной религиозной свободы (for international religious freedom). Должность занял Самуэль Браунбек, прошедший к 2018 г. все бюрократические ступени – конгрессмен от Канзаса, сенатор от Канзаса, наконец, губернатор Канзаса. В 1986–1993 гг. он занимал пост канзасского секретаря (т.е. министра) по сельскому хозяйству. Ранее изучал аграрное право в местном университете (www.state.gov/r/pa/ei/biog/279094.htm).

Браунбек знаком с работой американского конгресса, разбирается в акрах арендуемой посевной площади и бушелях собранного урожая. Тем не менее, в сентяб-

ре 2018 г. Браунбек посетил Киев и подтвердил, что США поддерживают план создания поместной церкви на Украине, или план украинской автокефалии, и даже «...будут счастливы помочь» претворению его в жизнь (www.iportal.rada.gov.ua/en/news/top-news/161971.html, www.president.gov.ua за 11 сентября 2018 г.). При этом Браунбек игнорирует юридический факт, что автокефалию дают, руководствуясь не законами штата Канзас, а византийским каноническим правом V–VIII вв., дополненным церковными актами XV–XVI вв. На примере Браунбека мы видим, что образовательного ценза внутри американской бюрократии не существует, есть только требования, которые можно назвать социальными и идеологическими – происходить из определённой среды и никогда не сомневаться в правильности официальной линии. Кстати, эти требования заметил ещё Дж. Гэлбрейт.

Формально американская бюрократия выполняет желание Трампа исследовать запутанные дела Украины, Крыма и Донбасса. Эти вопросы теперь, помимо государственного департамента США, решают сразу два новых чиновника (Волкер и Браунбек) с их многочисленными помощниками и референтами. В результате их деятельности расходы США на «майданную» Украину ежегодно увеличиваются и утверждаются конгрессом. Помимо этого, американский военный персонал (советники и инструкторы) втягивается в войну против Донбасса. Повторяется всё, что было в случае с Южным Вьетнамом до 1964 г., т.е. до «тонкинской» резолюции конгресса. Возникает замкнутый круг сходных решений внутри американской бюрократии.

По данным американской телекомпании Эн-Би-Си, на конец ноября 2018 г. на Украине находилось 200 американских военных советников. Английская журналистка Мэри Дежевски в газете «Индепендент» 29 ноября 2018 г. уточнила, что они сосредоточены «в высших эшелонах» украинского министерства обороны, при этом США помогли Украине построить в Очакове так называемый *maritime operations center*. Этот термин можно перевести как «управление морских операций» или «оперативный отдел штаба ВМФ». По-видимому, он должен обеспечивать связь с эскадрами НАТО, постоянно входящими в Чёрное море. Мэри Дежевски, много лет работавшая корреспондентом «Индепендент» в Москве, Париже и Вашингтоне, в своей статье об инциденте в Керченском проливе высказала опасение, что это может привести к «новой Крымской войне» (a new Crimean War).

Чтобы понять взаимосвязь идеологии и бюрократии, обратимся к статье Теда Карпентера, учёного и специалиста по международным отношениям. В журнале «The American Conservative» от 29 ноября 2018 г. он говорит, что «...западные чиновники и журналисты восприняли написанный на коленке рассказ о том, что инцидент является ещё одним случаем вопиющей агрессии Владимира Путина и «преступного поведения» (outlaw behavior) в отношении миролюбивого демократического соседа». У чиновников и журналистов, по мнению Карпентера, «...привычная тенденция к упрощению». Американские СМИ «...выпустили яростно антироссийские передовицы, замаскированные под новости» (<https://inosmi.ru/politic/20181130/244136334.html>).

Таким образом, существует узкий круг влиятельных лиц, бюрократов и финансистов, журналистов и дипломатов, которые сами выдумывают новости и в них верят. Новость только тогда считается новостью, когда соответствует давнему шаблону, или определённом идеологическому стандарту.

В связи с этим 21–22.09.2018 г. сразу в нескольких газетах американский политик, журналист и отставной бюрократ Патрик Бьюкенен (Buchanan) опубликовал статью «Россия махнула рукой на Запад?» («Has Russia Given Up on the West?»). Статья построена в виде тезисов и риторических вопросов. Например: «Собираемся ли мы отправить наши военно-морские силы через Чёрное море, чтобы защитить права Украины в море, которое было столь же исторически российским, как Чесапикский залив – американским?». Поясним, что Чесапикский залив всегда был американским, он расположен близ порта Балтимор.

Бьюкенен упоминает «...всё более активную помощь Украине летальными вооружениями» и спрашивает – «не слишком ли сильно мы давим на русских?».

Постепенным перечислением подробностей Бьюкенен подводит читателя к главному выводу: «И разве напряжение уже сегодня не достигло предела наших возможностей? Наша доля мировой экономики сильно сократилась со времён Рейгана. Наш дефицит бюджета приближается к триллиону долларов. Наш долг приближается к 100 процентам ВВП. Социальные программы съедают наше национальное богатство. Мы намерены сдерживать две великие державы: Россию и Китай. Мы увязли в военных конфликтах в Афганистане, Ираке, Сирии и Йемене, а партия войны уже бьёт в барабаны новой войны – с Ираном. И мы вводим санкции как против противников, так и против союзников, за то, что они не признают нашего лидерства над Западом и миром. Если взглянуть на глобальные обязательства Америки, значительно расширившиеся после нашей победы в холодной войне, на ум приходит лишь одно слово: непосильные» (www.inosmi.info за 26.09.2018 г.).

По существу, Бьюкенен признал и чрезмерное напряжение сил США, и определённый бюрократический ритуал, когда сходные решения принимаются одним и тем же кругом лиц.

В новой статье «Какое нам дело до кризиса в Керченском проливе?», опубликованной 30 ноября 2018 г. в «The American Conservative», Бьюкенен призывает американских бюрократов к элементарной логике: «Разве контроль над Керченским проливом – это наше дело?... Если Украина в 1991 г. имела право отделиться от России, то почему Крым, Донецк и Луганск не имеют права отделиться от Киева? Почему мы позволяем втягивать себя в чужие конфликты, начиная с вопроса о том, кому принадлежат островки в Южно-Китайском море, кто должен владеть Сенкаку и Южными Курилами, и заканчивая тем, имеет ли Приднестровье право отделиться от Молдавии, а Южная Осетия и Абхазия от Грузии, если Грузия отделилась от России? Какое американскому народу дело до этих мест? Неужели мы действительно готовы пойти на

такой риск, как война с Россией или Китаем за право владения этими территориями?» (<https://inosmi.ru/politif/20181130/244131754.html>).

Взгляды Бьюкенена можно назвать традиционно-изоляционистскими. Изоляционизм, или невмешательство в дела отдалённых стран и морей, был направлением американской политики XIX – начала XX вв. Изоляционизм был противоположен идеологии «миссии сверхдержавы», но сам по себе – не признак слабости, скорее, выражение самодостаточности и трезвомыслия. Например, уже упоминавшийся Т.Карпентер призывает США занять «...осторожную, сдержанную позицию» в российско-украинском конфликте.

Но государственный департамент исходит из противоположной, наступательной, идеологии. В проекте бюджета на 2019 ф.год заложена установка на «глобальную американскую руководящую роль» (America's global leadership). Чтобы достичь этого, в лице государственного департамента и агентства по международному развитию создаётся «...управленческая и технологическая структура, способная функционировать в XXI веке». Упомянуто 35 тысяч служащих обоих ведомств. В числе расходов – смета на Грузию (25 млн долл.) и на Украину (145 млн долл.), включая средства, чтобы «...противостоять российской дезинформации», которая «имеет целью подорвать украинскую демократию». Есть и смета на Совет управляющих (governors) радиовещанием (BBG), которые контролируют радио-, теле-, интернет- и цифровые программы на 61 языках мира (<https://www.state.gov/documents/organization/277155.pdf>).

Сопоставим с выводами Гэлбрейта. Он считал, что технотекстурная корпораций и бюрократия тесно сотрудничают в ассигнованиях на противоракетную оборону, космические исследования, разработку новых бомбардировщиков. Вопрос расходования государственных денег «...теперь не подлежит решению законодательными органами и даже не обсуждается. Именно этот вакуум и заполняется властью планирующей системы». «Успех на выборах возможен только при условии принятия основных целей планирующей системы». Обе партии – «инструмент планирующей системы» (Гэлбрейт, 1979, с. 305, 307, 376).

Приходим к выводу, что американская бюрократия, выполняя «миссию сверхдержавы», значительно увеличивает риски для самих США. Ошибочная экономическая стратегия, основанная на необсуждаемых идеологических установках, уже сейчас ослабляет США, увеличивая число их противников по всему миру. Эти противники стремятся к созданию временных антиамериканских союзов, как чисто торгово-экономических, так и смешанных (экономических и военно-политических). Возникает некоторая хаотичность миропорядка, от которой США проигрывают уже сегодня и ещё более будут проигрывать в отдалённой перспективе, поскольку временные антиамериканские союзы постепенно укрепляются и превращаются в долгосрочные. Тем более, что экономическая мощь США основана уже не на общем промышленном росте и не на золотом стандарте, как во времена Г. Кливленда, У. Маккинли и Ф.-Д. Рузвельта, а на условностях – на необеспеченных, но ещё признаваемых облигациях, на высо-

ких оценках, предоставляемых узким кругом рейтинговых агентств, и на односторонне развивающемся, по существу, гипертрофированном американском ВПК. Поэтому не исключён новый глобальный экономический кризис, повод к которому может быть случайным, как в 1961 г., при начале вмешательства США в дела Вьетнама, и даже как при начале «Великой депрессии» в 1929 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров В.А.* Новейшая история стран Европы и Америки. 1918–1945 гг. Учебное пособие для студентов исторических факультетов вузов. М.: Высшая школа, 1986.
2. *Аммиан Марцелин.* Римская история. СПб.: Алетейя, 1994.
3. Всемирная история. Академия Наук СССР. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961, т.VIII.
4. Всемирная история. Академия Наук СССР. М.: Мысль, 1979, т.XII.
5. *Гэлбрейт Дж.* Жизнь в наше время. Воспоминания. Русск. пер.: М.: Прогресс, 1986.
6. *Гэлбрейт Дж.* Экономические теории и цели общества. М., 1979.
7. Дипломатический словарь / под ред. А.А. Громыко. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Наука, 1985–1986, т. 1–3.
8. *Камбон Ж.* Дипломат. Библиотека внешней политики. М.: ОГИЗ, 1946.
9. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.
10. *Поздняков А.В.* Герзеульский клад серебряных монет Цезареи Каппадокийской и некоторые проблемы провинциального денежного обращения // Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Монеты и медали (Сборник статей по материалам коллекции отдела нумизматики). Вып. II. М., 2004. С. 84–106.
11. *Сатоу Э.* Руководство по дипломатической практике. Библиотека внешней политики. М.: ОГИЗ, 1947.
12. Федералист. Политическое эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. М.: Прогресс, Литера, 1992.
13. *Шевенман Ж.-П.* 1914–2004 гг. Европа выходит из истории? М.: Аст, 2015.
14. *Шлезингер А.* Циклы американской истории. М.: Прогресс и Прогресс-Академия, 1992.
15. *Buchanan G.* The history of Scotland. 7th ed. Glasgow, Chapman & Long, 1799, vol. 1.
16. *Burton J.H.* The history of Scotland from Argicola's invasion to the last Jacobite insurrection. 2nd ed. Edinburg – London, vol. 1, 1874.
17. *Humphrey E.-F.* An Economic history of the U.S. N.Y., Century Company, 1931.

Selishchev N.Yu.

INFLUENCE OF AMERICAN IDEOLOGY AND BUREAURATIC RITUAL ON ECONOMIC POLICY

The influence of ideology and bureaucratic ritual on economic policy is analyzed. We study the interdependence of the growth of US public debt and the strategy of the “mission of a superpower”. The origins of this ideology and the evolution of the methods used by the US government are analyzed. There are historical parallels between the economic strategy of the Roman Empire and the United States, the Roman and American mentality. The experience of comparing the USA with Ancient Rome is studied in the founding work of the founding fathers of the USA A. Hamilton, J. Madison, J. Jay.

Keywords: political institutions, bureaucracy, economic growth.

JEL Classification: O51, N13, N42.

ЗЕМЛЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ФАКТОР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается фактор земли в качестве специфического фактора институционального развития. Ценность земли определяется той полезностью, которую она способна произвести. Раскрываются многогранные возможности земли: *экзистенциальные; институциональные; микроэкономические; макроэкономические; стратегические; внешнеполитические*. Рассматриваются вопросы, которые могут и должны быть регулируемы государством, в частности введение системы проектного финансирования при продаже/аренде земли.

Ключевые слова: фактор земли, финансовая устойчивость системы-государства.

JEL классификация: Q15, R52.

ЗЕМЛЯ И ЕЕ ЦЕННОСТЬ

Традиционно земля считалась определяющим фактором производства, и не без основания. После появления на авансцене истории промышленных факторов и сменяющих друг друга технологических производств значение земли как ведущего фактора производства отошло на второй план. Но поскольку это значение не исчерпывается только способностью земли служить производственным фактором, пусть и не доминирующим в новых условиях институционального развития, имеет смысл обратиться к ней с широких институциональных позиций.

Начнем с того, что, выделив землю как средство труда, человечество открыло дверь в неиссякаемый источник возможностей развития. Становление современного общества (тогда еще доиндустриального) началось с момента осознания значения земли как решающего фактора производственных отношений. Земля стала важнейшим средством производства и решающим фактором формирования общественного уклада. Она стала предпосылкой формирования государственной целостности посредством территориальной определённости. В конечном счёте, земля определила правовые, экономические и политические виды отношений между людьми.

Ценность земли определяется той полезностью, которую она способна произвести. С этой точки зрения, земля раскрывает свои многогранные возможности:

1) *экзистенциальные* (будучи, общепланетарным достоянием, хранящим в себе незаменимый капитал для развития человечества, она делает возможной само существование человека на конкретной территории – основы формирования обществ, этносов, наций);

2) *институциональные* (как территория государства земля выступает объектом его юрисдикция, включая сушу, внутренние и территориальные воды, воздушное пространство и недра государства);

3) *микроэкономические* (как в принципе общественное благо земля формирует основы производственных отношений между членами общества, гарантируя им удовлетворение своих физиологических и гигиенических потребностей, а также определяя характер и уровень общественного развития);

4) *макроэкономические* (земля создаёт предпосылки для создания продукта, добавочной стоимости и национального дохода страны, тем самым формируя государственные капитал, определяющий темпы и потенциал развития государства и общества, уровни культурного, финансово, научно-технического, производственного потенциала);

5) *стратегические* (как объект геополитики особенное значение земля приобретает, если территория становится точкой пересечения интересов двух или более государств, возможностью её использования как инструмента влияния);

6) *внешнеполитические* (Зарнадзе, Зарнадзе, 2018, с. 83–84).

На сегодня весь земельный фонд мира составляет 134 млн км². Распределение территорий между странами в результате исторического процесса привёл к перераспределению земельного фонда следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Земельные ресурсы стран (территории)

Страна	Площадь тыс. км ²
Россия	17 075,242
Канада	9976,139
США	9826,675
Китай	9596,960
Турция	783,562
Франция	643,801
Украина	603,550
Швеция	450,295
Япония	377,915
Германия	357,022
Норвегия	323,802
Чехия	78,867
Грузия	69,700
Нидерланды	41,453
Швейцария	41,277

Источник: www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/214rank.html. Country comparison: area. В площади учтена сумма всех земель и водного пространства, признанной международными границами.

Крупнейшими странами по количеству территорий являются Россия, Канада, США, Китай. Самыми богатыми по количеству природных ресурсов являются: Россия, США, Саудовская Аравия, Канада, Иран, Китай, Бразилия, Австралия, Ирак и Венесуэла. Стоимость природных ресурсов различных стран приведена в табл. 2.

Из табл. 1 и 2 видно, что крупнейшими странами по размеру территорий являются Россия, Канада, США, Китай. По стоимости природных ресурсов лидирующие позиции занимают Россия, США, Саудовская Аравия, Канада и т.д. Совершенно оче-

видно, эти страны формируют климат внешнеэкономических отношений, и от них во многом зависит характер международной политики. В условиях глобализации формируется единое экономическое пространство. Сотрудничество и кооперация создают новые возможности для внешнеэкономического партнёрства. Несмотря на это в условиях рыночной экономики страны остаются конкурентами в погоне за прибылью и рынками сбыта.

Таблица 2

Стоимость природных ресурсов различных стран, долл. США

Страна	Триллионов долларов
Россия	75
США	45
Саудовская Аравия	34,4
Канада	33,2
Иран	27,3
Китай	23
Бразилия	21,8
Австралия	19,9
Ирак	15,9
Венесуэла	14,3

Источник: www.investopedia.com Ten countries with the most Natural Resources.

Положение обостряется тем, что развитие человечества, в конечном счёте, определяется количеством энергопотребления, ресурсы которого крайне ограничены. По мнению специалистов, запасы топлива находятся на исходе. Запасов нефти осталось на 20–30 лет, газа на 60–80 лет. Однако темпы роста населения повышаются по экспоненциальной кривой (рис. 1).

Рис. 1. Численность мирового населения, млн чел.

Источник: <http://www.vestifinance.ru/articles/97238>.

Достаточно сказать, что, если в 1900 г. численность населения составляла 1,8 млрд чел., то в конце двадцатого века количество населения достигло 6 млрд, а уже в 2016 г. – 7,3 млрд чел. Это не может не отразиться на уровне потребления энергии, так как рост численности населения вызывает увеличение спроса на товары и услуги. Очевидно и то, что на мировом рынке труда происходит увеличение спроса на рабочую силу. Этим и объясняется заинтересованность производителей-гигантов в регионах с низкооплачиваемой рабочей силой (Китай, Индия и т.д.).

Такая картина формирует угрозу экспансии крупных государств на территории соседних стран с целью их освоения, минимизации текущих расходов, максимизации прибыли и укрепления собственных позиций на международном рынке. В сложившихся в мире условиях глобализации важнейшей задачей развивающихся стран является мобилизация имеющихся ресурсов (человеческих, природных, экономических и т.д.). Этот вопрос неразрывно связан с вопросом о частной собственности на землю. За блага, приносимые глобализацией, общество расплачивается земельным фондом. Заключается некий с первого взгляда справедливый договор: «кто платит, тот и распоряжается». Однако такой подход не является корректным.

Во-первых, земля является достоянием общества и народа, а не конкретной машины под названием «государство». Каким бы оно ни было на данном этапе развития – развитым или развивающимся, находящимся в кризисе или на фазе восхождения – земля это ресурс, принадлежащий поколениям, а не конкретным гражданам. Распоряжаться им расточительно, учитывая потребности только «сегодняшнего дня», неоправданно с точки зрения макроэкономических интересов общества. В погоне за сиюминутной прибылью, неконтролируемая продажа земель государства приводит к необратимым потерям в долгосрочной перспективе.

Во-вторых, земля переносит свою стоимость на создаваемый продукт и отражается на его прибавочной стоимости. Таким образом, происходит удорожание продукции. С другой стороны, в будущем, человек, желающий приобрести землю, должен будет заплатить больше её сегодняшней цены. Однако эти процессы ведут к повышению стоимости производимой продукции. Для развивающихся стран или стран с невысокими темпами экономического роста это означает усиление разрыва между членами общества по уровню жизни. Это подчеркнёт разрыв между классом материально обеспеченных (собственников) и от них зависящих (рабочих), иными словами, коэффициент дифференциации увеличится. Неблагоприятное экономическое положение чревато социальными и политическими кризисами, снижением уровня национальной стабильности и безопасности. Ведь даже экономически максимально прибыльное использование земли не всегда повышает благосостояние общества.

В-третьих, наличие собственных ресурсов позволяет формировать потенциал развития и запас прочности системы. Вспомним коэффициенты автономии и левериджа (debt-to-equity ratio). В соответствии с коэффициентом автономии устанавливается, насколько система зависима от внешних привлечённых ресурсов. Коэффициент авто-

номии характеризует отношение *собственного капитала к общей сумме капитала (активов) системы*. Чем меньше значение коэффициента, тем в большей степени система зависит от заемных источников финансирования, значит, тем менее устойчивое у нее финансовое положение.

Если рассматривать государство с точки зрения финансового анализа, то чтобы быть независимым от внешних факторов, оно должно обладать достаточным количеством собственного капитала. Земля как капитал является ресурсом государства, и для обеспечения независимости необходимо, чтобы доля его собственных земель в стоимостном выражении не опускалась ниже 60% от общей суммы земельных активов системы. Напомним формулу коэффициента финансовой устойчивости:

коэффициент финансовой устойчивости = собственные ресурсы государства (земля в стоимостном измерении) / общая сумма активов (в стоимостном выражении)

При значении коэффициента финансовой устойчивости не меньше 0,6–0,7 государство является устойчивой системой, способной к воспроизводству вне зависимости от внешней конъюнктуры. В такой системе-государстве: *большая стабильность в развитии*; меньшая эластичность к стрессам внешней среды; возможность с большей математической точностью прогнозировать и планировать свое развитие; *большая надёжность бесперебойного функционирования*.

В-четвёртых, продажа земли не всегда тождественна максимально эффективному использованию её возможностей. За правообладателем земли закреплено право использования земли по собственному усмотрению в соответствии с действующим законодательством. Собственник использует землю, исходя из имеющихся у него ресурсов, а не из возможностей, которые эта земля даёт. Таким образом, теряется возможность выбора наиболее эффективного проекта для использования каждого клочка земли. Особенно сложно обстоит дело с реализацией социально-ориентированных проектов. Примером является и строительство жилых зданий в парковых зонах; снос детских садов и школ под строительство гостиниц и ресторанов. Более того, опыт показывает, что собственник не всегда является лучшим эксплуататором приобретённой земли, способный извлечь максимальную выгоду даже для себя.

В-пятых, земельный вопрос не может решаться во всех странах по единой схеме. Приватизация земли не является универсальным правилом развития. Реформы, действующие положительно в одной стране, могут сильно подорвать экономику в другой. Рассмотрение земельного вопроса вне общего контекста развития страны не может принести положительных результатов. Особенно это касается стран, подверженных влиянию со стороны внешнеэкономических факторов.

Земельный вопрос в России касается в первую очередь эффективности её использования. Академиком Д.С.Львовым эта проблема была проанализирована много лет назад. В своей работе «Концепция управления национальным имуществом» он от-

мечает, что суммарная величина недополученного бюджетом дохода (за счёт ренты и госсобственности) составила 52,4 млрд долл. или почти 93% к доходам консолидированного бюджета страны. Здесь же отметим, что рентабельность использования основных фондов России не превышает 10%, в результате чего госбюджет ежегодно недополучает десятки миллиардов долларов доходов от своей собственности. Российское государство с её мощнейшим земельным потенциалом стоит перед угрозой истощения минерально-сырьевой базы (МСБ) в топливно-энергетическом комплексе (ТЭК). Достаточно сказать, что предприятия в погоне за прибылью переводят воспроизводственные процессы на второй план. Пытаясь свести свои функции до уровня налогоплательщика, компании хищнически ведут добычу сырья, неэффективно используют оборудование. Корпорации игнорируют технические возможности оборудования, не заботятся о перспективе развития и интенсификации производства в сфере воспроизводственных процессов МСБ ТЭК.

Результатом сложившихся в России рыночных отношений в ТЭК стали следующие процессы в сфере воспроизводства МСБ:

1) приостановление работы государственной геологической службы, что повлекло резкое снижение геологических работ. За последние десятилетия не было открыто ни одного крупного месторождения нефти или газа, однако, несмотря на это крупнейшие отечественные компании увеличили добычу на 40%. Прирост сырья, в основном, осуществляется не за счёт повышения нефтеотдачи пластов, доработки действующих месторождений, а за счёт введения мощных скважинных насосов и использования высокодебитных скважин;

2) резкое сокращение финансирования воспроизводства МСБ;

3) в результате длительной и интенсивной эксплуатации изменилась качественная структура месторождений. За последние десятилетия четверть эксплуатационного фонда скважин переведено в разряд бездействующих или подвержено консервации;

4) сократились объёмы разведочного бурения, что ставит под угрозу стабильную работу комплекса в перспективе.

Неэффективное управление земельным фондом ярко вырисовывается на примере ТЭК России, однако, множество подобных проблем имеется в сельском хозяйстве, лесоперерабатывающей промышленности России и т.д.

Все эти вопросы сложны и потребуют ни одного года для разрешения. Однако существует ряд вопросов, которые могут и должны быть регулируемы государством уже сегодня.

Введение системы проектного финансирования при продаже / аренде земли. Принципиальная позиция государства в отношении земельного вопроса заключается в том, что земля должна приносить выгоду не только собственнику, а всем членам государства, на территории которого она находится. Для этого необходимо формирование государственной целевой программы по сохранению земельных угодий, недо-

пущению их сокращения и нецелевого использования. Крайне важным является создание условий, создающих основу для расширенного воспроизводства и интенсификации земельного фонда, реализации преимуществ новых отношений собственности и механизма хозяйствования. С этой точки зрения, государство может:

а) оптимизировать систему изымания рентных платежей. В большинстве стран, зависимых от природных ресурсов, рентные платежи находятся под постоянным контролем государственных органов. Изъятие государством природной ренты является эффективным механизмом сглаживания межотраслевого диспаритета, возникшего в результате сырьевой ориентации российской экономики между добывающими и обрабатывающими отраслями народного хозяйства, отраслями высоких технологий науки и образования. По словам С.Ю. Глазьева при проведении политики налогообложения, аналогичной Норвегии, доход РФ пополнился бы на 200–250 млрд руб. Известно, что в Норвегии налог на рентный доход составляет 80%.

б) предоставлять землю в пользование на определённое количество лет лицам, осуществляющим производственную или иную деятельность. Частное лицо, имеющее проработанный план проекта и не имеющее возможности приобретения земли для осуществления намеченной деятельности, может получить право реализации проекта, если государственные органы сочтут его выгодным – с экономической или социальной точки зрения. В этом случае государство, предоставив частному предпринимателю землю на время реализации проекта, фактически становится его инвестором.

Несмотря на возможности капиталистической системы управления, она в полной мере не удовлетворяет потребности общества. Весь механизм системы капитализма ориентирован на получение выгоды от осуществляемой деятельности. Первоочередной задачей управления частной собственностью является накопление и преумножение собственного капитала. Однако частная собственность генерирует частные интересы. Но любое общество предполагает существование и той части населения, которая в силу финансовой несостоятельности фактически лишена права доступа к земле. Такое положение лишает возможности большую часть населения работать, трудиться и создавать. Обеспечение права доступа к земле на основе проектного финансирования позволит удовлетворить интересы большей части общества, расширит конкурентное пространство и создаст предпосылки для экономического роста, станет основой партнёрства государства и частного сектора.

Доступ к земле позволит решить следующие задачи улучшить экономическое положение людей, повысить их благосостояние путём **создания рабочих мест, повысит предпринимательскую активность.**

Право доступа к земле и осуществление рабочей деятельности в совокупности приведёт к **активизации инновационных процессов.** Взаимодействуя на рынке, производителям предоставляется возможность направить все имеющиеся ресурсы на получение конкурентных преимуществ. Это не может не отразиться положительным образом на банковской системе страны, которая, предоставляя кредиты под научно-

техническое обеспечение, способствует развитию производственного потенциала, как частного сектора, так и общества в целом.

Сохранение права вето государства на решения о передаче прав собственности (в том числе временной), скрывающие в себе угрозу безопасности страны. Ветом должно облагаться и решение собственника земли о ведении такой деятельности, которая прямо или косвенно дестабилизирует отношения с соседними государствами. С этой точки зрения, необходимо сформировать такую систему государственных институтов, которая позволит осуществлять предварительный, текущий и заключительный мониторинг землепользования.

Известно, что в США, где в государственной собственности находится 44% земли, действуют крупные институты, ведущие контроль за такими вопросами как качество использования земли и до вопросов загрязнения окружающей среды. 93.5% федеральных земель администрируются четырьмя крупными агентствами: Forest Service, Bureau of Land Management, Fish and Wildlife Service and National Park Service.

Альтернативой продаже земли может стать долгосрочная сдача земли в аренду. Такая практика уже существует в России. Она одобрена законодательно и является общедоступной как для граждан страны, так и для иностранных инвесторов. Важным является проведение политики интенсификации земельного фонда. Это означает вовлечение инновационных методов землепользования, совершенствование качественных характеристик используемых ресурсов и совершенствование процесса освоения арендуемой территории. Мероприятия, связанные с использованием арендуемой земли должны быть выгодны как для государства, так и для арендатора. С этой точки зрения, было бы правильным введение контрактной системы между государством и частным сектором. Контрактная система является своего рода регулятором макро и микроэкономических отношений.

Контракты представляют собой совокупность правил, структурирующих в пространстве и во времени обмен между двумя или более экономическими агентами посредством определения обмениваемых прав и взятых обязательств и определения механизма их соблюдения.

Нарушение условий контракта влечёт применение обозначенных в контракте санкций. Применение контрактной системы широко распространено в странах Западной Европы, Канаде, США. Контрактная система позволит сформировать единые партнёрские взаимовыгодные отношения между государством и частным сектором, решить наиболее острые и противоречивые вопросы на взаимовыгодной основе.

С помощью реализации концепции контрактной экономики становится возможным установление таких «правил игры», при которых каждый субъект экономики системы управления берёт на себя определённые обязательства.

Сдавая землю в долгосрочную аренду без права приобретения, арендатор может возложить на государство следующие обязательства:

- долгосрочное кредитование при реализации инвестиционных проектов;

- проектное финансирование;
- кредитование под низкий банковский процент тех проектов, которые используют интенсивные факторы производства;
- обеспечение условий конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей на мировых рынках;
- лизинг;
- обеспечение привилегий осуществления производственной деятельности в конвертируемой иностранной валюте (чаще всего иностранные компании осуществляют деятельность в долларах США);
- создание благоприятного таможенного режима;
- создание благоприятного налогового режима (вплоть до освобождения от налогов на начальном периоде реализации проекта);
- совершенствование системы лицензирования в отраслях, осуществляющих лицензируемую деятельность;
- осуществление госзаказов;
- поддержка отраслей, в которых социальная эффективность выше финансовой.

Выполнение вышеуказанных обязательств обеспечивает частному сектору стабильное развитие, выгодные условия работы. Государство реализует главную миссию – обеспечение стабильного развития на фоне обеспечения национальной безопасности.

Большой интерес у предпринимателей может вызвать и проект соглашения о разделе продукции. Предоставление предпринимателю права пользования землёй в обмен на управление долей производимой на этой земле продукта имеет множество положительных сторон. Например, при сдаче земли под нужды сельского хозяйства, организация-производитель может уступить часть собранного урожая государству. Государство может направить этот продукт на внешний или внутренний рынок с целью продажи или же поддержать потребности смежных отраслей, удовлетворить спрос госотраслей – детских садов, школ, детских домов, больниц и т.д. Соглашение о разделе продукции заключается между государством, как собственником недр, и частным сектором, вкладывающим средства в производственную деятельность на этой земле. Соглашение о разделе продукции действует в более чем в 120 странах. Такая практика существует в Великобритании, Норвегии, США, Австралии, Франции, Италии, Германии и в десятках других стран. Грузия, открывая доступ на свою территорию зарубежным компаниям, должна стараться использовать их присутствие и деятельность для поддержки и поддержания и развития экономики страны. Важно, чтобы государство, предоставив зарубежным компаниям права пользования землёй, улучшало своё экономическое и социальное положение, действовало в целях национальных интересов. Это возможно посредством возложения рекомендаций арендаторам:

- вовлечение местной рабочей силы и обучение персонала;

– внедрение современных технологий;
– использование в производстве материалов отечественного производства и т.д. Причём все вышеуказанные обязательства, могут компенсироваться и учитываться при разделе продукции.

Подводя итоги вышесказанного, выделим основные положения статьи.

Земля является определяющим фактором государственной состоятельности, средством экономической и социальной стабильности общества, стратегическим и политическим ресурсом, обеспечивающим национальную безопасность и целостность государства. Эффективность развития систем напрямую связано с эффективностью использования имеющихся ресурсов. Либерализация и продажа национальных благ не является панацеей. Ориентация на получение прибыли в краткосрочном периоде не должна осуществляться в ущерб национальным интересам. Земля это то благо, которое принадлежит народу, а, следовательно, пользование ею должно быть предоставлено тому, кто наиболее эффективно её использует на данном этапе развития страны. Политика извлечения максимальной прибыли не может стать опорной точкой развития народа. Для стабильного экономического роста необходимо проведение грамотной земельной политики. Внедрение контрактной системы и более активное использование соглашений о разделе продукции сможет значительно активизировать экономическую деятельность России. Большую роль играют возможности проектного финансирования. Использование земельного ресурса России может стать началом интенсификации российского промышленного сектора, активизации инновационных и инвестиционных процессов, оживления трудового фонда России и повышения эффективности человеческих ресурсов страны. Привлечение отечественных и зарубежных инвестиций возможно, не создавая угрозу утери территорий или неэффективного использования земельного фонда. И это вовсе не означает проведение политики национализации земли. Это означает формирование такой политики государства, при которой частные интересы не противоречат интересам национальным.

Ибо лодка, в которой все находящиеся гребут вёсла в разные стороны, рано или поздно обречена на гибель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазьев С.Ю. О роли природной ренты в развитии России. URK: <http://www.reforms.ru/indexpub2.htm>.
2. Зарнадзе Н.А., Зарнадзе З.А. Национализация земли или государство без территорий? // Львовские чтения – 2018 [Текст]: сборник статей VI Всероссийской научной конференции / под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. М.: Издательский дом ГУУ, 2018. С. 83–86.
3. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: Учебник / под общей ред. д.э.н. А.А. Аузана. М.: ИНФРА-М, 2005.
4. Львов Д.С. Концепция управления национальным имуществом. М.: Институт экономических стратегий, 2002.

Zarnadze N.A., Zarnadze Z.A.

LAND AS A SPECIFIC FACTOR OF INSTITUTIONAL DEVELOPMENT

The paper considers the land as a specific factor of institutional development. The value of the land is determined by the utility that it is capable of producing. The multifaceted possibilities of the earth are revealed: existential; institutional; microeconomic; macroeconomic; strategic; foreign policy. Issues that can and should be regulated by the state are being considered, in particular, the introduction of a project financing system for the sale / lease of land.

Keywords: land factor, financial stability of the state system.

JEL Classification: Q15, R52.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА КАРЬЕРНУЮ ОРИЕНТАЦИЮ СТУДЕНТОВ

Вопрос о студенчестве как особой группе молодежи всегда остро стоял и продолжает стоять перед социологами и психологами. Студенчество всегда было отражением, как в зеркале, общественных, экономических и социальных процессов, происходящих в стране. Студенческий возраст является началом переходного периода от юности к зрелости, этот этап в жизни каждого человека является исключительно важным, будучи временем выбора жизненного пути. В статье прослеживается изменение ведущих карьерных ориентаций студентов и их зависимость от средовых факторов.

Ключевые слова: студенчество, молодежь, якорь карьеры.

JEL классификация: A13, A14, J24.

О современной российской молодежи написано много: о ее проблемах, свободомыслии, отношении к семье, карьере, профессиональному образованию и т.д. На эти темы регулярно проводились и проводятся многочисленные исследования. К одним из последних относится исследование, проведенное в рамках подготовки «Доклада о положении молодежи в Российской Федерации и реализации государственной молодежной политики “Ценности Российской молодежи” 2017 года» [2].

Вопрос о молодежи вообще и о студенчестве как особой ее группе всегда остро стоял и стоит перед социологами и психологами, так как эта возрастная и социальная группа является наименее устойчивой в своих взглядах и поведении, в своих ценностях и взглядах в отношении к происходящим событиям.

По возрастной периодизации время обучения в вузе совпадает с юностью, если у студента не было большого промежутка времени между получением среднего и высшего образования, что в нашей стране и происходит в подавляющем большинстве случаев. В своей работе «Психология развития человека» В.И. Слободчиков определяет юность как завершающую стадию ступени персонализации и отмечает, что: «Главные новообразования юношеского возраста – саморефлексия, осознание собственной индивидуальности, появление жизненных планов, готовность к самоопределению, установка на сознательное построение собственной жизни, постепенное вращение в различные сферы жизни» [4, с. 311; 41, с. 164].

Так как характерной чертой студенческого возраста является личностное и профессиональное самоопределение, одну из ключевых ролей в этом выборе играет выбор карьерной ориентации студента. Понятие карьерной ориентации, с точки зрения Э.Шейна, соответствует термину «якорь карьеры» и является важным составляющим элементом профессиональной «Я-концепции». Карьерная ориентация развивается в результате накопления профессионального опыта в начальные годы развития

карьеры и в процессе социализации и служит для управления, стабилизации и интеграции индивидуальной карьеры [6].

То есть в данном концептуальном подходе к становлению и развитию карьеры якорь карьеры рассматривается как формирование стиля жизни: постепенного прояснения образа «Я» относительно собственных потребностей, мотивов, талантов, ценностей. Э. Шейн выделяет и описывает следующие основные типы якорей карьеры: «автономия (независимость)», «стабильность», «предпринимательство», «интеграция стилей жизни», «служение», «профессиональная компетентность». Э.Шейн считает, что выбор карьерных ориентаций связан с рядом возрастных особенностей, среди которых он выделяет три основные: 1) физические возможности и эмоциональные состояния; 2) различные семейные обстоятельства в течение жизни; 3) различные социальные ожидания от профессиональной карьеры.

По мнению О.Л.Бегичевой, карьерные ориентации студентов суть социально-психологическое образование высшего диспозиционного уровня, задающее направленность карьерного процесса и определяет выбор средств достижения карьерных целей [1]. Для изучения карьерных ориентаций было проведено исследование на базе московских вузов в три этапа (в 2003, 2012 и 2017 гг.), что дало возможность проследить изменение карьерных ориентаций студентов в течение 15 лет.

Карьерные ориентации студентов в исследовании, проведенном в 2003 г., распределились следующим образом:

- стабильность – 22%;
- менеджмент – 19%;
- служение – 18%;
- интеграция стилей жизни – 16%;
- предпринимательство – 14%;
- автономия – 11%.

Результаты исследования в 2012 г. таковы:

- стабильность – 39%;
- служение – 15%;
- менеджмент – 15%;
- предпринимательство – 12%;
- интеграция стилей жизни – 9%;
- автономия – 6%;
- вызов – 4%.

Из этих данных видно, что доминирующей карьерной ориентацией для студентов является «стабильность». По сравнению с результатами опроса 2003 г. эта карьерная ориентация сильно выросла в процентном отношении: с 22 до 39%. Количество студентов, выбирающих карьерную ориентацию «автономия» сократилось с 11 до 6%, практически в два раза. И появилась «новая» карьерная ориентация «вызов», которую выбирают 4% студентов, участвующих в исследовании. То есть, по сравнению с

результатами исследования 2003 г., карьерная ориентация «стабильность» за это время выросла у студентов фактически на 50% и является единственной из всех карьерных ориентаций, выросшей в процентном отношении.

Какие факторы повлияли на такое изменение карьерных ориентаций? Так, Д. Сьюпер [6] выделяет три основные группы факторов, влияющие на карьерные ориентации личности и определяющие эффективность карьерного процесса в целом:

- психологические: интеллектуальные и специальные способности человека, его интересы, ценности и потребности, влияющие на выбор карьерного пути, достижения успеха в карьере;

- социальные: социально-экономический статус, уровень образования, семейные отношения, гендерные и религиозные характеристики;

- экономические, которые влияют на ситуацию на рынке труда и тем самым определяют возможности для развития карьеры.

Такие же факторы выделяет и А.А. Жданович в работе «Карьерные ориентации в структуре Я–концепции студентов» [2, с. 57].

Рост карьерной ориентации «стабильность» в 2012 г. можно объяснить: во – первых, нестабильной экономической ситуаций как в стране, так и в мире в целом, а во-вторых – политической нестабильностью в мире.

Результаты исследования карьерных ориентаций студентов, проведенного в 2017 году, резко отличаются от прежних результатов. Карьерные ориентации студентов в исследовании, проведенном в 2017 г., распределились следующим образом:

- стабильность – 31%;
- служение – 9%;
- менеджмент – 7%;
- предпринимательство – 3%;
- интеграция стилей жизни – 3%;
- автономия – 13%;
- вызов – 3%;
- профессиональная компетентность – 3%;
- не выраженная карьерная ориентация – 28%.

Из полученных данных видно, что доминирующей карьерной ориентацией для студентов, участвующих в исследовании 2017 г., по-прежнему является «стабильность». По сравнению с результатами опроса 2012 г. эта карьерная ориентация в процентном отношении сильно не изменилась: в 2012 г. было 39%, в 2017 г. – 31%. Карьерные ориентации «служение», «менеджмент», «предпринимательство», «интеграция стилей жизни» также стали реже встречаться у студентов. Количество студентов с ведущей карьерной ориентацией «вызов» практически не изменилось: в 2012 г. – 4%, в 2017 г. – 3%. Резко выросло количество студентов с ведущей карьерной ориентацией «автономия»: с 6% в 2012 г. до 13% в 2017 г. То есть количество студентов с ведущей карьерной ориентацией «автономия» с 2012 по 2017 г. выросло в два раза! И совер-

шенно неожиданный результат: количество студентов, у которых не выражена карьерная ориентация составляет 28% от числа опрошенных студентов, практически третья часть. Используя полученные данные можно сделать вывод, что карьерные ориентации студентов в 2017 г. отличаются от карьерных ориентаций студентов 2012 г. и очень сильно отличаются от карьерных ориентаций студентов 2004 г. Анализируя данные 2017 г., можно предположить, что современные студенты уже не хотят «чего-то одного в жизни», не хотят «однобокого развития», а хотят получить или «сразу все», или, по крайней мере, сочетание желаемого. Используя результаты опроса и их анализа, можно сделать вывод, что выбирая сочетание ведущих карьерных ориентаций, студенты демонстрируют свое желание в дальнейшем занимать активную жизненную позицию.

Результаты данного исследования карьерных ориентаций студентов подтверждаются данными исследования, проводимого в рамках написания «Доклада о положении молодежи в Российской Федерации и реализации государственной молодежной политики “Ценности Российской молодежи”» 2017 г. [2]. Согласно исследованию, проводимому в рамках написания доклада, современная российская молодежь проводит свободное время [2, с. 23]:

- 36,9% проводят свободное время со знакомыми;
- 33% современной российской молодежи предпочитает проводить свое свободное время со знакомыми, с которыми имеются общие интересы, что подтверждает ведущие карьерные ориентации «автономия» и «вызов»;
- 19% современной российской молодежи предпочитает проводить свое свободное время с членами семьи, что подтверждает возрастание ценности семьи для молодежи.

Согласно этому исследованию, современная российская молодежь осуждает ассоциальные действия и подавляющее большинство осуждает [2, с. 24]:

- взяточничество;
- уклонение от налогов;
- участие в воровстве и финансовых махинациях;
- уклонение от армии и др.

Данные результаты опроса подтверждаются наличием у студентов с невыраженной ведущей карьерной ориентацией обязательное наличие карьерной ориентации «служение». Основными ценностями для людей с ведущей карьерной ориентацией «служение» будут такие ценности как «служение человечеству», «помощь ближнему», «улучшить этот мир» и так далее. Люди с такой ведущей карьерной ориентацией готовы работать бесплатно, заниматься благотворительностью. В этом плане необходимо отметить, что наша «плохая молодежь» активно и на добровольной основе участвует в благотворительных акциях и различных волонтерских движениях.

В том же исследовании, проводимом в рамках указанного доклада [2, с. 57], результаты опроса доказывают, что наиболее значимыми жизненными целями современная российская молодежь считает:

- иметь хорошую семью;
- реализовать свои таланты;
- приносить пользу людям;
- жить в гармонии с самим собой.

Но практическая сторона жизни также близка современной российской молодежи, поэтому к наиболее значимым жизненным целям они относят:

- устроиться на хорошую работу;
- иметь свою квартиру;
- заработать много денег;
- открыть свой бизнес.

И одно из последних мест среди наиболее значимых жизненных целей занимает: жить в достатке и власть, возможность руководить другими. Следовательно, современная российская молодежь стремится не к сытой жизни и абстрактной власти, а хочет достойной работы, самореализации, быть достойным членом общества и иметь достаточно высокий уровень жизни. То есть большие экономические, политические, социальные и другие изменения, происходящие в последнее время в стране, сильно повлияли на формирование ведущих карьерных ориентаций современных российских студентов. Также из полученных результатов можно сделать выводы, что если считать студенчество наиболее прогрессивной частью современной российской молодежи, которая подобно лакмусовой бумажке отражает все проблемы и недостатки нашего общества, то преобладание определенных ведущих карьерных ориентаций у современного студенчества это еще раз подчеркивает позицию и положения студентов в современном обществе.

Опираясь на результаты проведенного анализа проблемы факторов, определяющих ведущие карьерные ориентации российских студентов, можно прийти к следующему заключению.

Во-первых, на современном этапе исследования социально-психологических факторов ведущих карьерных ориентаций студентов, среди группы средовых факторов еще недостаточно изучены факторы семейной социализации и социально-экономического влияния. Во-вторых, ведущие карьерные ориентации современных российских студентов подвержены сильным изменениям. В-третьих, исследований современной российской молодежи и студентов все еще недостаточно. В-четвертых, при работе с современной российской молодежью и студентами необходимо более внимательно и чутко следить за изменениями, происходящими в этой среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бегичева О.Л.* Социально-психологические характеристики карьерных ориентаций студентов, обучающихся по направлению подготовки «Менеджмент». Автореферат к.пс.н. М., 2012.
2. Доклад о положении молодежи в Российской Федерации и реализации государственной молодежной политики «Ценности Российской молодежи. Авторский коллектив: С.В. Чуев, М.Б. Поляков, О.Л. Бегичева, С.А. Гришаева, А.Н. Тимихович. М., 2017.
3. *Жданович А.А.* Карьерные ориентации в структуре Я–концепции студентов. Автореферат к.пс.н. М., 2008.
4. *Слободчиков В.И.* Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Учеб. пособие для студентов вузов / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев; под общ. ред. В.Г. Щур. М.: Шк. пресса, 2000.
5. *Тимохович А.Н.* Российский абитуриент вуза в условиях неопределенности (статья) // Вестник университета (Государственный университет управления). 2012. № 1.
6. *Schein E.H.* Career anchors revisited: Implications for career development in the 21st century / Academy of Management Executive. 1996. Vol. 10. No. 4. P. 80–89.
7. *Super D.E.* The psychology of career. N.Y.: Harper & Row, 1957. 362 p.

Begicheva O.L., Smbatyan S.A.

INFLUENCE OF EXTERNAL FACTORS ON CAREER ORIENTATION OF STUDENTS

The question of studenthood as a special group of young people has always been keenly standing and continues to stand before sociologists and psychologists. Studentship has always been a reflection, as in a mirror, of the social, economic and social processes taking place in the country. Student age is the beginning of the transition period from youth to maturity, this stage in the life of every person is extremely important, being the time for choosing a life path. The article traces the change in the leading career orientations of students and their dependence on environmental factors.

Keywords: students, youth, career anchor.

JEL Classification: A13, A14, J24.

ОБ АВТОРАХ

- Аветисян Ашот Гагикович** – к.э.н., с.н.с., председатель Совета ЗАО «Инэкомбанк», тел.: (091)40-57-02, ashot.avetisyan@inacobank.am, Ереван, Армения
- Аветисян Гагик Ашотович** – аспирант Российско-Армянского университета, тел.: (010)54-65-93, avetisyangagik1989@gmail.com, Ереван, Армения
- Агафонов Владимир Анатольевич** – д.э.н., проф., г.н.с., ЦЭМИ РАН, Москва
- Бегичева Ольга Львовна** – канд.псих.наук, доцент ГУУ, Москва
- Васильева Ирина Анатольевна** – с.н.с., ЦЭМИ РАН, тел. +7(916) (916)343-73-72, via_51@mail.ru, Москва
- Ерзнкян Баграт Айкович** – д.э.н., проф., г.н.с., рук. лаб. ЦЭМИ РАН, yerz@cemi.rssi.ru, lvova1955@mail.ru, Москва
- Зарнадзе Нино Альбертовна** – к.э.н., доцент, Тбилиси, Грузия
- Зарнадзе Зураб Альбертович** – к.э.н., Москва
- Зотов Валерий Васильевич** – к.э.н., доцент, в.н.с. ЦЭМИ РАН, тел. 8 916 567 9038, v.v.zotov@gmail.com, Москва
- Иманов Рафаэль Арифович** – к.э.н., в.н.с. ЦЭМИ РАН, imanov@cemi.rssi.ru, Москва
- Овсиенко Вячеслав Валентинович** – к.э.н., в.н.с. ЦЭМИ РАН, vovs@cemi.rssi.ru, Москва
- Павлов Руслан Николаевич** – к.э.н., с.н.с. ЦЭМИ РАН, Москва
- Петухова Ольга Викторовна** – к.э.н., в.н.с. ЦЭМИ РАН, к.э.н., тел. +7(916)859-67-63, ovpet44@gmail.ru, Москва
- Пресняков Василий Федорович** – д.э.н., проф., г.н.с. ЦЭМИ РАН, тел. +7(916)220-33-05, presvasilij@yandex.ru, Москва
- Селищев Николай Юрьевич** – м.н.с. ЦЭМИ РАН, n.selishchev2016@yandex.ru, Москва
- Смбатян Саргис Арамович** – аспирант ГУУ, ssako90@mail.ru, Москва
- Ставчиков Александр Иванович** – к.э.н., ученый секретарь ЦЭМИ РАН, stav@cemi.rssi.ru, Москва
- Тарасова Наталия Андреевна** – к.э.н., с.н.с., в.н.с. ЦЭМИ РАН, тел. +7(916)397-73-45, tarasovan2008@yandex.ru, Москва
- Yerznkyan, Bagrat H.** (see Ерзнкян Баграт Айкович) – Dr., Prof., Chief Researcher, CEMI RAS, lvova1955@mail.ru, yerz@cemi.rssi.ru, Moscow, Russia

Сборник научных трудов

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В РОССИИ**

Выпуск 45

Главный редактор: *д.э.н., проф. Б.А. Ерзнкян*

Подписано в печать 23.12.2018 г.

Формат 60×90/16. Печ. л. 9,6. Тираж 50 экз. Заказ № 9.

ФГБУН Центральный экономико-математический институт РАН

117418, Москва, Нахимовский пр., 47

Тел. 8 (499) 724-21-39

E-mail: ecr@cemi.rssi.ru

<http://www.cemi.rssi.ru/>

ISBN 978-5-8211-0773-2

9 785821 107732